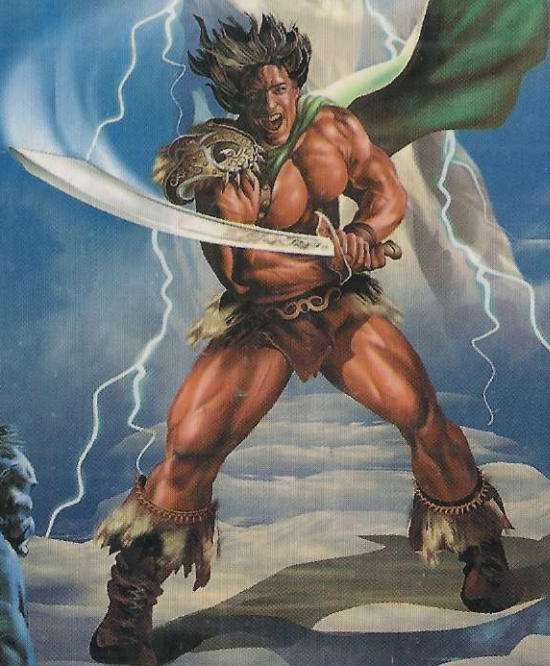

КОНАН И РАВ ТАЛИСМАНА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СПИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЪЗОВ 4	КОНАН И ПОВАНТЕМ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕВЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ ВОЙ 9
КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧЬЕ КАИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ЛАЙОМЫ 13	КОНАН И ВЕРЖАЮ ГРЯДУЩЕ 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛШИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПЕСЬ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛАСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18
КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАДЖЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗНАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР УБ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27
КОНАН И ЗАТВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОПЫ ИДАМ 32	КОНАН И ЧАША ВЕСОМЕРИИ 33	КОНАН И АЛЕДНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕДАМ 35	КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	С Е Т А Г Е И И Е В Р О К Е И Е И С Е 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВАДАНШИ НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАЕИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОВИИ ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54
КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИВАРА 56	КОНАН И ОКАЕТ ХАССА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕПТИМШЕ ПЯКТО 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСЛАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСТОПНИКА 63

ВЕЛИКИЙ
КОНАН

**КОНАН
И РЛЪ
ТАЛИСМАНА**

«АСТ» «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва Санкт-Петербург

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.12.03.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Паладино».

Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз. Заказ 1326.

Конан и раб талисмана: Сб. / О. Локнит, К. Монро, К64 Н. Орли. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2004. — 396, [4] с. — (Конан).

ISBN 5-17-022368-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93699-202-9 («Северо-Запад Пресс»)

Величайший из героев Хайборийского мира, неистовый Конан-кимммерец продолжает скитаться по свету в поисках приключений и наживы. Даже став королем могущественной Аквилонии, он не утратил своего воинственного духа и всегда готов принять вызов, который бросают ему мятежные придворные, маги, демоны... и даже сами боги!

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999

© С. Шикин, оборот, 1998

© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003

Раб талисмана

Конан быстро спускался по крутому горному склону, умело удерживаясь на ногах на особо опасных участках. День медленно клонился к вечеру, а сгущавшиеся на небе мрачные серые тучи грозили скоро пролиться совершенно ненужным дождем. Человеку, которого дождь застает вдалеке от жилья, не позавидуешь, но если в лесу еще можно найти какое-то укрытие, а после обсушиться у огня, то в горах это сделать гораздо труднее. Вода, текущая по горным склонам, собирается в бурные потоки, а потом разливается по окрестным низинам, так что сухое место может найтись разве что в какой-нибудь пещере.

Но пещер вокруг не было. Конан спустился в ущелье и начал готовить место для ночлега. Он выбрал участок не очень ровный, но на некотором возвышении, чтобы его не затопило, если

дождь окажется достаточно сильным, натянул между ветками одинокого дерева свой дорожный плащ в виде наклонного полога, прокопал широким кинжалом канавки вокруг и закончил приготовления как раз вовремя. Дождь пошел крупными каплями, хлестнул несколько раз косыми порывами ветра, резко усилился и превратился в настоящий ливень. Воздух наполнился холодной сыростью, потекли вокруг мутные потоки воды. Плащ закрывал варвара от основной массы дождя, но вода постепенно просачивалась сквозь плотную ткань и тяжелыми каплями падала на него. Единственное благо — не бывает врагов, которые бродили бы под таким ливнем. Киммериец пристроился, чтобы промокать как можно меньше, и уснул.

Ему приснился странный сон, как будто он сидит в роскошном зале королевского дворца, продуваемого свирепыми сквозняками, на голове у него золотая корона, которая до боли сдавливает ему голову, он держит в руках странную карточку, холодеющую в руке. И оживающий человек, изображенный на карточке, произносит громким раздраженным голосом: «Где ты там пропадаешь? Мы тебя ждем».

Он проснулся. Дико болела голова, дождь кончился, но куртка основательно промокла. Конан поднялся и начал делать согревающие движения. Ночное небо очистилось от туч, и крупные яркие звезды висели над головой. Согреться не удавалось. Конан сам удивился — тело не желало его слушаться. Никакая усталость и ника-

кая болезнь не доводили его до такого состояния. Не было даже сил разозлиться.

И разверзлось ночное небо, открывая перед изумленным киммерийцем сияние невидимых сфер мироздания. И ударил из недоступной дали яркий золотой луч. И с легким шипением вонзился в сырую землю, оставив перед Конаном богиню, озаренную теплым светом и окруженную цветочным запахом жасмина. Голубое платье, шитое золотом и золотая головная повязка, украшенная самоцветами, меркли перед ее красотой. Она была прекрасна. Она была величественна. Перед ней хотелось упасть на колени. Но варвар удержался.

— Кто ты? — хрипло спросил он. — Прекрасная богиня или бред поврежденного рассудка? Или чудесное видение, созданное магией, чтобы обмануть мой взор?

— Поистине, странно, — сказала богиня, — что ты опасаешься фантомных видений в то время, когда у тебя на шее висит могущественный талисман, защищающий своего обладателя от любых магических воздействий.

Конан достал из-под куртки талисман — серебряную семилучевую звезду с прозрачным красным камнем в середине. Камень слегка светился, но не угрожающе, а мягко, рассеяно.

— Значит, я могу доверять своим глазам, — сказал Конан, — это радует. Мне бы не хотелось сомневаться, вижу ли я то, что есть на самом деле, или мне это только кажется. Но что привело тебя ко мне, прекрасная богиня?

— Меня зовут Гуань-Инь. А от тебя мне надо, чтобы ты вернул мне этот талисман.

— Мой талисман?

— Это не твой талисман, — сердито нахмурилась Гуань-Инь. — Это мой талисман. Он был взят на землю одним из моих прислужников и там похищен у него, а потом, переходя из рук в руки, попал к тебе. Он мне нужен, верни мне его.

Конан сжал звезду в кулаке.

— Если богиня хочет забрать у смертного одну из немногих ценных вещей, которыми он обладает, то справедливо было бы дать мне возмещение за это.

— Что же ты хочешь? — удивилась Гуань-Инь.

— Мне пришлось недавно находиться рядом с местом, где противоборствовали могучие магические и даже божественные силы. Мне кажется, что я от этого заболел. Это так?

— Да, твое тело сильно поражено и проживет лишь несколько дней. Это имеет для тебя какое-то значение?

— Имеет, — Конан скрипнул зубами и продолжал: — Ты можешь излечить меня? За это я отдам тебе талисман.

— Если бы ты отдал мне его без условий, ты мог бы надеяться на мое милосердие. Но ты захотел справедливости. Ты ее получишь.

Богиня протянула руку. Киммериец мгновение сомневался, потом протянул ей звезду. Не стоит испытывать терпение богини. А если уж боги будут обманывать смертных, то этим они поставят себя ниже людей.

Гуань-Инь взяла талисман за цепочку, сделала над ним очищающий жест рукой, и он мгновенно засверкал, как будто только что вычищенный полировочной пастой. Еще один жест — и они оба оказались охваченными стремительным золотым вихрем, который превратился в слепящий луч, мгновенно устремившийся в неведомую даль. Не успел Конан понять свои ощущения от этого полета, как они оказались в цветущем саду, ярко освещенном солнцем, и богиня удалилась, велев киммерийцу ждать ее возвращения. Тот присел на траву. Голова болела, и тело наливалось тяжестью, но живительный воздух, наполненный ароматами цветов и плодов, облегчал самочувствие. Цветов и плодов? Конан начал присматриваться и обнаружил, что и в самом деле в этом саду деревья и кусты в одно и то же время цвели и плодоносили. А в ровной траве не ползали жучки и паучки, в воздухе не летали мошки. Не бывает на земле таких садов...

Киммериец услышал за спиной тихое урчание и оглянулся. К нему медленно направлялся огромный тигр. Под лоснящейся шкурой плавно перекачивались могучие мускулы. Оскаленная пасть позволяла видеть отличный набор зубов, способных одним движением откусить человеку руку. Конан мгновенно вскочил на ноги и схватился за меч. Подняв меч над плечом, чтобы рубануть зверя без промедления, он оскалился в ответ на тигриный оскал и медленно отступал за дерево.

Тигр выпустил острые когти и стал готовить-

ся к прыжку. Такого зверя не остановишь одним ударом, он даже со смертельной раной сможет располосовать свою жертву когтями. Конан готовился рубануть тигра в момент прыжка и тут же самому укрыться за деревом! Вышедший внезапно из-за кустов старичок в желтом халате спокойно подошел к зверю и хлопнул его ладонью по боку. Тигр оглянулся, от души зевнул, махнул длинным хвостом и пошел прочь.

— Ты его зачем дразнишь? — спросил старец Конана. — Ты кто такой?

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии.

— И за какие же заслуги тебя допустили в сад бессмертных?

Конан пожал плечами. Разговор стал казаться ему бессмысленным. Старичок смотрел на него, как на неразумного зверька, забравшегося в неположенное место. А оправдываться — да с какой стати? Тут наконец вернулась Гуань-Инь, и старичок почтительно ей поклонился. Гуань-Инь принесла Конану большую чашу с выщербленным краем, наполненную до половины прозрачной ароматной жидкостью, и велела выпить ее содержимое. Киммериецпил прохладный напиток и чувствовал, как отступает головная боль и яснее сознание, а тело покрывается холодным липким потом, очищаясь от болезни.

— Ну, вот ты и исцелен, — сказал богиня.

— Благодарю тебя, Гуань-Инь, — поклонился Конан. — Теперь я могу вернуться назад?

— А тебе не нравится сад бессмертных? — спросила богиня.

— Сад великолепен, — признал киммериец. — Вот только не для меня он. Я предпочитаю обычную жизнь.

— И ты прав. Как ни прекрасен этот сад, время, проведенное в нем, бесполезно. А получить новые силы души и заработать духовные заслуги можно только в земных мирах. Те испытания, которые ты выдержишь, делают тебя сильнее. Ты должен вернуться в свой мир, но помогать в этом я тебе не буду. Выбери сам.

И богиня, превратившись в золотой луч, мгновенно умчалась куда-то. Конан растерянно оглянулся. Старичок, прогнавший тигра, со счастливой улыбкой на лице сидел на траве, подогнув под себя ноги.

Киммериец развернулся и пошел прочь. В саду было нежарко, но он обливался густым вонючим потом. Хотелось умыться, но источников воды не было видно. Он срывал с деревьев плоды и ел их на ходу, но голод они утоляли плохо. Ему хотелось мяса. Любого. Побольше...

Шел он довольно долго, и сад уже начал надоедать ему своей монотонной красотой, но тут он вышел на полянку и в замешательстве остановился. На траве сидел все тот же старец. Полянка была явно та же самая, откуда он и пошел после расставания с богиней. Можно было, конечно, пытаться пойти в другую сторону, но Конан почувствовал, что результат будет такой же. Он медленно подошел к старцу и почтительно спросил:

— Как тебя зовут, уважаемый?

— Вайс-Равана, — ответил старец, устремляя на Конана взгляд маленьких черных глаз.

— Скажи мне, достопочтенный Вайс-Равана, как можно выбраться из сада бессмертных?

— Выход везде, где ты можешь его открыть.

— Но как это сделать?

— Научи меня летать, попросил маленькую птичку крокодил, — начал медленно рассказывать старец. — Это легко, ответила птичка. Надо только посильнее оттолкнуться ногами от земли и махать крыльями. Точно так же я могу сказать тебе — открой дверь и иди.

— А ты можешь открыть для меня дверь?

— Могу. Но зачем мне делать это?

— А я могу что-то сделать для тебя, чтобы ты исполнил мою просьбу?

— Можешь. Попрыгай вокруг меня на одной ноге, громко кукарекая.

— Зачем? — удивился киммериец.

— Затем, что мне хочется посмотреть на кукарекающего варвара, — спокойно объяснил Вайс-Равана.

Конан сидел, подумал, вздохнул и исполнил желание старца. «Если тот вздумает увильнуть после этого от выполнения обещания, то горько пожалеет об этом», — думал он.

— Да, жалкое зрелище, — покачал головой старец, когда Конан закончил свое представление. — Но если ты думаешь, что кидаться на противника с воинственным воплем, размахивая клинком, лучше, то ты ошибаешься.

Конан, тихо зверяя, уже начал протягивать

руку к мечу, но тут Вайс-Равана сделал неуволный жест рукой, и перед киммерийцем возникла полоска белого песка, в которую тихо плескали морские волны. Конан рванулся вперед и ощутил легкое дуновение теплого ветра на лице.

Сад за его спиной немедленно исчез без всякого следа, а перед ним раскинулась бескрайняя морская ширь. Конан огляделся, не увидев никаких людей вокруг, быстро разделся и вошел в теплую воду. Смыв с себя пот, он почувствовал большое облегчение, вышел на берег, посидел, чтобы обсохнуть, потом оделся и начал осматриваться внимательнее. Следов людей не было видно. Полоска песка, тянувшаяся вдоль моря в обе стороны насколько хватало обзора, чуть дальше от кромки воды переходила в небольшую гряду, подмытую морскими волнами.

Конан поднялся на эту гряду и оказался на холмистой равнине. Здесь были следы людей. Даже слишком много. Пыльная дорога вела вдоль берега моря, а отпечатки на ней были всякие — босых ног, изредка перекрываемые следами сапог и лошадиных копыт. Следы были свежие и вели в одну сторону. Конан пошел в том же направлении и через некоторое время увидел людей, оставивших эти следы. Возле дороги был устроен привал. Десятка два солдат и до полусотни рабов в связках по десяти человек, соединенных в цепочку деревянными рогульками. Рабы были в основном чернокожие, одетые лишь в набедренные повязки. Воины были одеты в просторные черные одежды, вооружены копьями в рост челове-

ка. Киммериец намеревался спокойно пройти мимо них, но навстречу ему вышел человек в более богатой одежде и с саблей у пояса, следом за ним потянулись солдаты.

— Кто ты такой? — уверенным тоном человека, имеющего право задавать любые вопросы любому встречному, спросил Конана человек с саблей. По всему было видно, что это начальник. Говорил он по-стигийски, с незнакомым акцентом, но Конан его понял.

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии.

— Мне ничего не говорит это имя, — нахмурился начальник. — Так что я повторяю вопрос — кто ты такой и что здесь делаешь?

Солдаты тем временем потихоньку обступали киммерийца, но он не мог ничего с этим поделать. Тем более что он не нарушил перед ними никаких законов и ожидал, что ему удастся договориться мирным путем.

— Я просто путник, — пожал плечами Конан, — и не ищу ничего другого, как дойти до города и купить там себе лошадь.

— Путник? — скривился начальник. — Что значит — путник? Если ты пришел с торговым караваном, то скажи, с кем ты ведешь дела. Если ты воин, скажи, кому ты служишь.

— Я служу только самому себе! — не выдержал непонятных придирок киммериец, положив руку на рукоять своего меча.

— Вот так бы сразу и говорил — бродяга! Вор. Разбойник. Грабитель.

Широко улыбаясь, начальник сделал шаг на-

зад, и тут же его солдаты набросились на Конана. Сзади на голову ему накинута крепкое полотнище и сразу обернули вокруг, чтобы он не смог его сорвать, Конан дернулся было в сторону, но кто-то цепко схватил его за ноги. Сильный толчок опрокинул киммерийца. Десятки рук вцепились в него, сорвали с пояса меч, выдернули кинжалы, заломили руки и стали вязать. Несколько ударов, которые киммериец успел нанести вслепую, его не спасали. Когда ты лежишь на земле, придавленный и ослепленный, а твою руку выворачивают двое не самых слабых солдат, долго сопротивляться не получается. Через несколько минут напряженной возни Конану крепко связали руки за спиной, после чего разматывали ткань на голове.

Начальник с гнусной усмешкой разглядывал Конана.

— За что?! — сплюнув, спросил киммериец. — Я ничего не сделал!

— А что хорошего ты мог сделать? Что может сделать бродяга, живущий мечом? Если он не служит кому-то, то он может получить деньги только грабежом. Мне не нужны другие свидетельства тому, что ты вор и грабитель. Поэтому ты будешь работать на строительстве вверенной мне крепости. И принесешь несравнимо больше пользы, чем болтаясь с мечом в поисках посылной цели для разбоя.

— Я не буду рабом! — выкрикнул Конан.

— Вот как? Поспорим? — прищурился начальник.

— Можешь меня убить, но я не буду рабом!

— Ты думаешь, что ты единственный страшный человек в этом мире? Ты думаешь, что рабами становятся только трусы? Ты глубоко ошибаешься.

Он сел рядом с киммерийцем, велел солдатам расходиться и продолжал:

— Немногие ломаются от страха смерти. Гораздо больше не выдерживает боли. Ты не боишься боли? Напрасно. Ты просто не знаешь, насколько мы хорошо умеем пытаться. Несколько дней пытки, и уже не боль, а лишь ожидание невыносимой боли ломает непокорного. Мы просто не можем позволить рабу самому делать этот выбор — жить или умереть. Ты не боишься боли и смерти? Тогда твоя смерть послужит наглядным примером другим рабам — как карается неповиновение. Я велю выколоть тебе глаза и кастрировать. Как бы ты ни сопротивлялся, ты не сможешь помешать моим людям это сделать. После этого мы бросим тебя здесь. Ну что? Позвать палача или ты будешь подчиняться?

Конан скрипнул зубами. Начальник не торопился, но терпеливо ждал ответа. Он умел заставлять людей повиноваться и знал, что никакого выбора у пленника нет. Киммериец напряг все мускулы, но веревка была прочна. Умереть не в бою, не в смертельной схватке, а под ножом ничтожного вырожденка было совершенно невыносимо.

— Я буду подчиняться, — выдавил из себя Конан. Он еще вырвется на свободу и сполна отплатит своим мучителям!

— Вот и хорошо. Жизнь прекрасна надеждой, а глупые поступки необратимы. Не расстраивайся слишком. На строительстве неплохо кормят, а если будешь вести себя достаточно благоразумно, то потом сможешь перейти в пограничную стражу.

— Разве можно брать в войско насильно? Такие воины разбегутся перед врагом!

— А им некуда будет бежать.

С окончанием привала Конана прицепили к неполной связке рабов и вместе со всеми погнали к городу. Начальник пограничной стражи Рамтон командовал здесь строительством крепости, которая должна была охранять Стигию от нападений с юга и не давать бежать на юг рабам из Стигии.

Строительство велось с большим размахом. Множество рабов на тяжелой работе, множество воинов для охраны, множество мастеров и торговцев. Конана вместе с большой группой молодых сильных рабов погнали в каменоломню. Ожидая удобного случая для побега, киммериец все больше убеждался в том, что такого случая может не представиться вообще. Для кормежки и ночлега рабам развязывали руки, но перед этим попарно связывали ноги, а бдительная охрана не спускала с них глаз. Развязали их совсем только в каменоломне, крутые стены которой служили надежной оградой, а единственная дорога, ведущая наверх, охранялась сотней воинов.

Несколько дней Конан работал в каменоломне. Тяжелыми кувалдами загоняли клинья в тре-

щины в камне, отламывали большие глыбы, обтесывали их по заданным размерам и тащили наверх, для отправки на строительство крепости.

Для киммерийца работа была не столь тяжела, сколь унижительно было сознание того, что его схватили как ничтожного бродягу, неспособного защитить себя от произвола, сделали рабом, и он должен подчиняться жалким людишкам, с каждым из которых в отдельности он справился бы в один момент. Голыми руками...

Кормили рабов неплохо, но работать заставляли без продыху. Конан все больше тяготился тем, что эта работа никак не приближает момент его освобождения. В один из дней он работал на скале, забивая клинья. Израсходовав взятую связку клиньев, он присел на крошечной площадке и посмотрел вдаль. Над краем каменоломни мирно голубело южное небо в белых пятнах плывущих облаков. И не было в мире ничего такого, что заставляло бы человека тиранить своих близких. Краем сознания Конан улавливал, что внизу озверело орет и ругается надсмотрщик, что медленно затихает кипящая в каменоломне работа, что спешат уже на помощь надсмотрщикам стражники с верхней заставы, но все это было настолько далеким и бессмысленным, что не проникало сквозь возникшее у него ощущение свободы от окружающего мира. Так что когда перед ним вместо обрыва опостылевшей каменоломни возникла зеленая лужайка с цветущими кустами и деревьями, осыпанными спелыми плодами, киммериец решительно шагнул вперед. И ока-

зался перед Вайс-Раваной. Стигийская каменоломня исчезла, как дурной сон, только вот вместо привычного меча в руке Конана была раздолбанная кувалда.

— Ты что же, все это время сидел здесь? — удивился Конан.

— День в небесных сферах — это год на земле, — спокойно пояснил Вайс-Равана.

— Понятно. А скажи, это ты открыл мне путь обратно в небесные сферы? Или у меня это получилось без твоей помощи?

— Путь открыл я, — ответил старец, — но ты идешь верным путем. Я открыл тебе путь в ответ на твой зов.

— Зов? — удивился Конан, — Но я не произносил ни звука!

— А кому нужны твои звуки? Я слышу зов души.

Киммериец призадумался.

— Понятно. А скажи мне, достопочтенный Вайс-Равана, ты специально отправил меня в стигийское рабство?

— Куда?

— Твоим путем я попал на побережье Стигии, меня там схватили как бродягу и заставили работать в каменоломне.

Старец задумался.

— Нет, — наконец сказал он, — я не устраивал твою судьбу. Ты хотел вымыться — и я открыл тебе путь на морское побережье. Если это оказалось побережье Стигии, то вполне случайно. Не к ледяному же морю тебя было посылать. Но я

чувствую, что время, проведенное тобой в Стигии, не было бесполезным для твоей души. Ты кое-что понял.

— А можно ли вернуть меня туда, откуда меня взяла Гуань-Инь? Я бы уж сам дальше добрался до нужного мне места.

— А я откуда знаю? — удивился Вайс-Равана. — Откуда тебя взяли в небесный сад? Да и нет мне больше никакого желания тобой заниматься. Сам выбирайся.

— Ах, сам?! — рассердился Конан. Он резко развернулся и быстро пошел через сад. Не может быть, чтобы во всем саду бессмертных был только один этот нудный старикашка. Все равно найдется кто-то еще, кто сможет помочь киммерийцу вернуться на землю. По дороге Конан выплескивал свою злость, обрушивая сокрушительные удары кувалды на стволы деревьев. Толстые стволы содрогались и осыпали гневного киммерийца свежими плодами, тонкие деревья ломались, оставляя размочаленные пеньки. Попадись сейчас на дороге тигр или любой другой зверь — ему было бы суждено умереть от руки Конана. Но навстречу ему вышли не дикие звери и не рассерженные боги. Два юных прислужника в новеньких цветных халатах и красных туфлях окликнули буйного гостя:

— Ты чего здесь устраиваешь беспорядки, безумный?

У одного из юнцов в руках была прозрачная чаша для сбора плодов, у другого длинная колотушка для сбивания плодов с деревьев.

— Ах вы, мелкие прихвостни! — зарычал Конан, бросаясь на них и грозно размахивая кувалдой. Он хотел не убить, а испугать дерзкую прислугу, чтобы по их следам найти выход из сада. Но этим намерениям не суждено было сбыться. Юнцы расступились перед ним и внезапно выросли в размерах, превратившись в настоящих гигантов.

Огромная колотушка выбила кувалду из рук изумленного киммерийца, а прозрачная чаша накрыла его, как пойманного зверька. Некоторое время прислужники забавлялись, строя дурацкие гримасы и постукивая по чаше. От этих постукиваний чаша гудела, как гигантский колокол, и тщетно Конан зажимал уши, чтобы избавиться от невыносимого звучания — вибрация сотрясала все его тело. Наконец чаша над ним исчезла — прислужникам надоела эта игра, и они сели рядом с лежащим на траве киммерийцем.

— Ну что, смертный, испугался? — радостно спросил один из них. — Ну так вникни, здесь ничего твоя сила не стоит. Любой из бессмертных разотрет тебя в порошок одним движением.

— Понял, — вздохнул Конан. — Век бы мне вашего сада не видеть. Может, подскажите, как из него выбраться?

— Ты хочешь выбраться отсюда на землю? — безмерно удивился юнец с колотушкой. — А тебе разрешен выход?

— Что значит — разрешен? — спросил Конан.

— Гуань-Инь сказала, чтобы я сам нашел выход.

— А! Значит, искать тебя не будут? Это здорово-

во. Слушай, брат, — обратился юнец с колотушкой к своему напарнику с чашей, — давай махнем на землю? Поживем там в свое удовольствие, пока нас не начнут искать.

— А как?

— Очень просто. Ловим призыв какого-нибудь мага, и по его каналу сходим на землю. А этот смертный нам поможет разделаться с магом, чтобы освободиться от его власти на земле. Что скажешь?

— Здорово! Наши талисманы дадут нам на земле великое могущество, и мы сможем весело провести время! Ну что, смертный, согласен отправиться с нами на землю?

— Согласен, — кивнул Конан. Он не совсем понял, о чем говорят эти бессмертные, но ему было все равно, лишь бы вернуться в привычный мир.

Юнцы принялись приплясывать вокруг киммерийца, напевая непонятные ритмические гимны, потом вокруг них стала возникать темная пелена, и все трое быстро стали уноситься в беспросветную воронку. Конан подумал, что это немного похоже на золотой луч богини, но только темный и более медленный. Приземление оказалось жестким. Киммериец получил сильнейший толчок в зад и тут же врезался в какого-то человека, сбив его с ног. Вокруг был полумрак, особенно мрачный после яркого солнца сада бессмертных.

— Сломай пентаграмму, смертный! — раздался вопль двух глоток за его спиной. Его спутники

раскорячились посреди железной пентаграммы, где им невозможно было нормально стоять и некуда упасть. Вокруг смыкались мрачные стены магической лаборатории, а маг, придавленный киммерийцем, что-то невнятно сипел, пытаясь восстановить перебитое дыхание.

Конан взялся руками за звенья пентаграммы и разомкнул ее. Юнцы вывалились из нее и бросились к поверженному волшебнику. Они схватили его, вывернули руки так, что захрустели кости, ладонь одного плотно запечатала магу рот, чтобы он не смог произнести заклинания, а другой тут же вцепился зубами в горло жертвы. Он пил живую кровь, и распухающие плечи рвали тонкую ткань его халата. Если в небесном саду они увеличивались в размерах, сохраняя свой прежний облик, то сейчас юнец превращался в могучего оборотня.

Конан быстро высматривал себе подходящее оружие. Стараясь не привлекать к себе внимание, он медленно двигался вдоль стены к выходу. Помимо магических приспособлений в лаборатории было и оружие. Конан мимолетным движением подхватил со стола кинжал, потом увидел в стороне меч в ножнах и шагнул к нему. Тем временем обитатель небесного сада, напившись крови, превратился в монстра с буграми неимоверно раздувшихся мускулов, торчащими наружу клыками и парой крутых серебряных рогов.

Он протянул повисшее тело мага напарнику. Тот выбросил вперед ладонь, пробил грудную клетку безвольной жертвы и вырвал дымящееся

сердце. Он сунул сердце в свою широкую пасть и, мерзко чавкая, тоже стал превращаться в монстра. У него были рога золотого цвета и несколько иные пропорции, чем у брата, но оба они были чудовищны.

Киммериец уже схватил меч и скользнул в открытую дверь. Он бежал по лестнице, слыша позади удовлетворенный рев монстров и их сводящий с ума смех. Попавшемуся на пути к выходу человеку Конан крикнул:

— Беги, спасайся!

Не останавливаясь для подробных объяснений, он оттолкнул его с дороги, выбежал на нижний ярус башни, сорвал засов, метнулся в конюшню, схватил в охапку седло со сбруей, вытолкнул к выходу испуганную лошадь, вскочил на другую и поскакал прочь. Отъехав от башни, Конан остановился и оседлал лошадь. Приманив вторую, надел на нее уздечку и теперь, не торопясь, поехал дальше. Он не знал, где находится и куда он едет, но лошадь, не направляемая всадником, идет по знакомой дороге и сама выбирает, куда ставить ногу.

Конан рассчитывал, что назад к башне лошади не повернут — их чутье на опасность не обманешь. Это люди вечно попадают в ловушки для дураков. Обольщаясь безмерной выгодой, устремляясь к мимолетной славе, удовлетворяя свои ничтожные желания в ущерб тому, что им необходимо на самом деле. Люди постоянно обманывают себя и других, совершая такие поступки, которые никак не могут привести к намечен-

ной цели. И при этом люди не делают никаких выводов из своих ошибок!

Киммериец дремал в седле, а когда начало светать, лошади вышли к одинокой хижине на берегу ручья, текущего с ближайших гор. Солнце вставало над горами и несло в этот мир тепло и свет, надежду и радость. Всем, но не Конану. Пусть не знал он, что творит, но это он своими руками впустил в мир кровавых оборотней. Пусть они даже не проявляли агрессивности к нему, справедливо считая его своим пособником, но оставаться с ними и пользоваться их властью, чтобы самому получить богатую добычу?! Нет, это было неприемлемо. Варвар привык добывать золото мечом, но никакое золото в мире не делает его прислужником злобных монстров. Он должен исправить свою ошибку и избавить мир от оборотней. Но как?

Конан остановил лошадь возле ограды из жердей, окружавшей небольшой огород возле хижины, спрыгнул на землю и приветствовал старика, вышедшего встретить неожиданного гостя.

— Кто ты? — спросил старик.

— Мое имя Конан. Конан из Киммерии. А как твое имя?

— Меня зовут Лао-Бай. И куда же ты едешь, Конан из Киммерии?

— Не знаю.

— Тогда чего же ты ищешь?

— Неподалеку от твоей хижины жил один маг, — начал Конан.

— Жил? С ним что-то случилось?

— Да. Его башню сегодня ночью захватили чудовищные оборотни. Мага больше нет. Я хотел предупредить, что дорога мимо башни теперь будет крайне опасна.

— Я хорошо знал мага, — помолчав, сказал старик. — Не то, чтобы он был со мной дружен, он слишком был увлечен своей магией. Но его гибель, а тем более появление оборотней касается не только меня, но и всей округи. Оборотнями придется заниматься всерьез, пока они не набрали себе помощников из числа неприкаянных духов. Как бы они ни были сильны, их можно одолеть, собрав большой отряд охотников, а вот когда их будут защищать многочисленные помощники, то взять их будет гораздо сложнее. Но как получилось, что у тебя я вижу меч и кинжал, принадлежавшие магу?

— Я был с ними, когда они убили мага и стали превращаться в монстров, — признал Конан. — Но я не понял, ты намереваешься собирать людей для похода на оборотней? Я полагал, ты просто предупредишь окрестных жителей, а уж они будут решать — звать ли на помощь воинов, или нанимать колдунов, или просто обходить этот район стороной.

— Ну, как же, — рассмеялся Лао-Бай. — Они решат! Одни впадут в панику, другие станут посылать гонцов за войсками в уездный город, третьи храбро соберутся идти на оборотней, но разбегутся при малейшей опасности. Еще чего! Люди готовы идти за вождем, который покажет им четкую цель и не позволит уклоняться в сторо-

ну. А сами они способны только на беспорядочную возню и неразбериху. Ты что, не знаешь людей? Ты один лучше бы справился с оборотнями, чем сотня наших воинов. Ты выглядишь сильным и опытным бойцом. Ты пробовал сражаться с оборотнями?

Конан передернулся от воспоминания о хрупких юнцах в небесном саду, превратившихся в настоящих гигантов и накрывших его чашей для сбора плодов. Он рассказал старцу о том, как получилось, что он стал невольным пособником оборотней.

— Жаль, что ты упустил момент, — сказал Лао-Бай. — Это в саду бессмертных его обитатели могут менять свой облик и размеры в невероятных пределах. На земле они гораздо более связаны телом, в которое воплотились. Если они и казались неимоверно сильными, то на самом деле сила их была еще невелика. Но чем больше времени они проведут на земле, тем сильнее будут их материальные тела. О духовных заслугах здесь речь не идет, они не родились на земле в этот раз и не могут повысить свой духовный уровень, они беглецы и паразиты, которые будут творить зло просто для удовольствия.

— Лао-Бай, — удивленно спросил Конан, — откуда тебе известны такие подробности об обитателях сада бессмертных? Или ты сам один из них?

— У меня были хорошие учителя, — скромно ответил старец. — Я странствовал по Кхитаю и Вендии, учился у великих мастеров. Да и потом,

кто хочет достичь цели, тот своего добьется. Мир един и небесные сферы вовсе не закрыты наглухо от взоров просветленных. Все в мире давно известно, только рассеяны эти знания, потому что мало кто из людей готов посвятить себя поиску истины. Да ведь и все обитатели сада бессмертных откуда взялись? Только с земли.

— Так что же мы будем делать с оборотнями?

— Конан вернул старца к главному вопросу. — Их можно сейчас взять мечом и стрелой?

— Можно. Только они не выйдут сражаться против большого отряда, пока не наберут достаточно сил. А в укрепленной башне они просто перебьют нападающих одного за другим. Они хоть и не могли еще войти в полную силу, но все же будут сильнее любого из людей.

Старец смерил могучую фигуру Конана оценивающим взглядом и добавил:

— Возможно, ты еще мог бы справиться с ними один на один. Но вдвоем они тебя несомненно одолеют.

— Как же быть?

— Надо выманить их из башни и навести на засаду стрелков.

Лао-Бай пригласил Конана отдохнуть в хижине, а сам послал двух своих учеников в ближайшие селения собирать стрелков. Старик пользовался уважением в округе, а ученикам было велено не запугивать людей рассказами о силе оборотней, так что за день собралось до полусотни крепких мужчин с луками и длинными копьями. Лучники устроили возле хижины Лао-Бая стрель-

бу на меткость, чтобы похвалиться друг перед другом своим мастерством и восстановить стрелковые навыки. Стреляли они, на взгляд киммерийца, довольно плохо, и луки у них были весьма слабые, но Конан утешал себя мыслью о том, что залп из засады будет все же достаточно силен, чтобы свалить оборотня. Воины они были никакие, и с большим трудом удалось объяснить им необходимость не ругаться в походе, молчать в засаде и не стрелять без команды.

Утром следующего дня они выступили к башне мага. Стрелки и копейщики, которые должны были добивать подстреленных оборотней, спрятались в кустах вокруг башни, а киммериец подошел к воротам и стал рубить их заранее приготовленной секирой. Он вырубил половину створки ворот, когда разбуженные шумом оборотни вышли из башни. Конан быстро отошел на десяток шагов назад. Золоторогий и Серебрянорогий вывалились из башни и заорали, перебивая друг друга:

— Кто тут ломится в ворота? Кому жизнь надоела? А, это ты, смертный! Чего надо?! Пришел за своей долей добычи? Ну, так заходи!

— Мне не нужна добыча, — громко ответил Конан. — Я хочу, чтобы вы покинули землю и вернулись в сад бессмертных. Иначе я убью вас.

— Ах, так?! Ну, тогда готовься умереть!

Оборотни метнулись в башню и быстро вернулись, вооружившись все той же колотушкой и чашей. Золоторогий с колотушкой в руках набросился на киммерийца, стремительно нанося

удары со всех сторон. Конан отступал, уклоняясь и пытаясь перерубить древко колотушки, но его меч лишь бессильно звенел и отскакивал от древка. А оборотень наносил удары обоими концами, вращая тяжелой колотушкой как легким шестом.

Серебрянорогий попытался зайти сбоку, но Конан ушел в сторону, и оборотень не смог на него напасть, чтобы не попасть под удары своего напарника. Золоторогий обрушил на киммерийца новый вихрь ударов и вдруг достал Конана быстрым тычковым выпадом. У варвара перехватило дыхание, и он полетел на землю. А оборотень уже замахнулся, чтобы добить его, но в этот момент воздух наполнился гудением — из засады ударил залп стрел и выскочила группа копейщиков.

Но Серебрянорогий защитил брата. Он бросился вперед с чашей, обращенной к засаде, и все стрелы с чистым звоном ушли в чашу и осыпались на землю грудой бесполезного хлама. Подбагающие копейщики не дали возможности оборотням добить киммерийца, но не решились преследовать могучих противников, а Золоторогий и Серебрянорогий отступили в башню, приняв волшебной чашей еще два неуверенных залпа выпущенных в них стрел.

Штурмовать башню желающих не нашлось, и воинство отправилось по домам, громко обсуждая произошедшую битву. Конан вместе с Лао-Баем вернулись в хижину.

— Ну, и что же мы будем делать? — спросил

Конан, — Магическая чаша оборотней будет улавливать, видимо, не только стрелы? Может, нам поискать мага, который сможет справиться с оборотнями?

— Оборотни весьма устойчивы к магии, — грустно ответил Лао-Бай. — К тому же это ведь воплощенные бессмертные. Видимо, я сделал ошибку. Надо было сразу вызывать кого-нибудь из высших духов небесных сфер, чтобы они забрали своих прислужников обратно.

— Ты можешь это сделать?

— Сделать можно все, что угодно. Но не такое простое дело — донести свой зов до обитателей небесных сфер.

— Ну да, — сказал Конан, — мне говорили, что год на земле равен дню на небесах.

— Вот, вот. Поэтому все краткосрочные явления, происходящие на земле, не воспринимаются на небе. Или взывать должен исполин духа, который после смерти попадет в небесные сферы, или следует проводить довольно длительный обряд. Следует очистить свое тело постом, чтобы желания тела не мешали свободному полету духа. Следует отрешиться от земных забот, чтобы установить контакт с духом высокого уровня. В самом простом случае так вызывают, например, дождь при длительной засухе. Но нам надо вызывать не духов стихий, отвечающих за дождь, нам нужен кто-то из могущественных повелителей небесных сфер, который будет обладать властью над оборотнями. Так, киммериец, ты говорил, что в небесных сферах беседовал с богиней Гу-

ань-Инь и небесным полководцем Вайс-Раваной? Тогда ты сможешь мне помочь. Я подготовлю обряд, и завтра мы будем медитировать, обращаясь к этим великим покровителям мира. Может быть, они услышат тебя быстрее, раз уж они принимали непосредственное участие в твоей судьбе.

До конца дня Лао-Бай готовился к ритуалу. Они с Конаном вымылись и выстирали одежду, старец возжег ароматические лампадки вокруг своей хижины, поил киммерийца травяными настояями и настраивал его на медитацию.

— Ты сильный, — размеренно говорил он киммерийцу, — но настоящая сила не нуждается в подтверждении. Если ты живешь рядом с глупцами, то совершенно не обязательно доказывать свою силу, вышибая остатки мозгов у каждого глупца, встретившегося тебе на пути. Истинно сильный человек не провоцирует окружающих его дураков, показывая им свое презрение. Он просто идет мимо, не оскорбляя их не задевая их. В большинстве случаев этого достаточно.

— Но иногда они сами ищут драки, — возразил Конан.

— И ты наносишь удар, делая столкновение необратимым? Зачем? Этим ты проявляешь свой страх. Ты боишься, как бы они не подумали, что ты недостаточно силен, чтобы ответить на вызов. Это бесстрашие молодости, для которой смерть далеко, в необозримом будущем. И они не знают, что все мы живем одним миром — смерть человека рядом с тобой рикошетом бьет и по тебе. В

зрелом возрасте люди начинают понимать, как это больно и страшно — умирать. И убивать. Насилие ломает душу убийцы. Он теряет способность ощущать тонкие движения души, душа убитого уносит частицу его собственной души. И только когда человек испытает этот страх смерти, но сможет сломать его в душе своей, тогда он получает путь к бессмертию души. Ни потеря имущества, ни боль смертного тела, ни смерть близких не заставят его бояться. И он может делать то, что должно, без страха и сомнений. И он может слышать голоса с небесных сфер. И для него нет преград.

— Меня после смерти встретит Кром, — твердо сказал Конан. — Бог воинов.

— Каждого после смерти встретит тот бог, в которого он верит, — не стал спорить старец. — Но кто-то возрождается для новой жизни, кто-то отдает свою душу своему божеству, а кто-то достигает таких вершин духовного роста, что занимает место в небесных сферах рядом с богами. Такие люди редко встречаются на земле. И их заведомо не найти в городах. Там люди слишком привязаны к вещам и слишком часто сталкиваются друг с другом. Нет возможности быть одному, размышлять и слушать голоса небесных сфер.

И была ночь, согретая негасимым пламенем ароматических светильников. И было утро с яркой полоской восхода. И был путь по росистой траве к вершине горы. И был безбрежный купол небес над поляной, где Конан и Лао-Бай предава-

лись медитации. И ударил с небес золотой луч, и предстала перед ними прекрасная богиня Гуань-Инь.

— Я вижу, ты нашел выход из сада бессмертных? — с улыбкой спросила богиня Конана.

— Не совсем так, — несколько смутился киммериец, — я встретил в небесном саду двух прислужников с колотушкой и чашей для сбора плодов. Они помогли мне перенестись на землю, но сами превратились в кровожадных оборотней и мы не можем с ними справиться.

— Понятно, — сказала богиня. — Значит, ты нашел не выход, а лазейку? Ужели прямая дорога тебе недоступна? А что касается сбежавших прислужников, то в небесных сферах прошло совсем немного времени, и их исчезновение просто не успели заметить. Так где они сейчас находятся?

— В часе ходьбы на восток от этой горы, — объяснил Лао-Бай. — Они засели в башне мага.

— Значит, надо будет выманить их наружу. Тогда я смогу вернуть им первоначальный облик и забрать обратно в сад бессмертных.

Богиня сделала плавный жест рукой, и рядом с ней появилось три белых облачка, похожих большие охапки мягкого пуха. Богиня села на облако и поднялась над землей.

— Садитесь, — сказала она.

Лао-Бай не совсем ловко, но довольно уверенно сел на второе облако и тоже воспарил над землей. Конан с большим недоверием подошел к третьему облаку, напрягся, чтобы не упасть, если

облако его не выдержит, и сел на пушистую белую массу. Под ним была как будто мягкая сетка. Облако выдержало его вес, но не поднялось над землей, а безобразно провисло, выпирая краями и расплывшись посередине на траве.

— Расслабься, Конан, — с улыбкой посоветовал Лао-Бай.

— Ага, сейчас, — пробормотал киммериец.

Его ноги были уже задраны выше головы, и он прилагал отчаянные усилия, чтобы поудобнее устроиться на облаке, ворочаясь при этом как медведь. Гуань-Инь начала помогать ему.

— Смотри на меня, — сказала она повелительным тоном.

Конан отвлекся от борьбы с непослушным облаком, взглянул на богиню и почувствовал, что под руками появились твердые выступы, за которые он немедленно ухватился, чтобы зафиксировать свое положение. Облако медленно восстановило форму и поднялось в воздух. По воле богини три облачка быстро полетели на восток. Полет прошел быстро и мог бы доставить Конану большее удовольствие, если бы он не был так сосредоточен на удержании равновесия на быстро летящем облаке.

Они приземлились неподалеку от башни и киммериец с облегчением сошел на твердую землю. Гуань-Инь послала Конана и Лао-Баю выманить оборотней из башни, а сама укрылась за ближайшим кустарником.

Конан подошел к воротам башни, не починенным со вчерашнего дня, и начал пинать створку

с торчащими свежими щепами от ударов его секиры. Ворота открывались наружу, так что выбить их было невозможно, но шум от ударов был изрядный. Вскоре оборотни вышли разбираться с дерзким посетителем.

— А, это опять ты?! Пришел получить недополученное вчера? И подмогу привел — полудохлого старца! Сам будешь биться или его пошлешь в бой?

Конан ответил стремительным ударом меча, но Серебрянорогий подставил под удар волшебную чашу, и клинок с визгом крутанулся по краю чаши, а Золоторогий немедленно попытался прибить киммерийца своей колотушкой. Конан отбежал на несколько шагов назад, остановился и грозно взмахнул мечом:

— А в честном бою, без волшебного оружия, вы боитесь со мной не справиться? — крикнул он.

— А может быть, ты хочешь, — ухмыльнулся Золоторогий, — чтобы мы для совсем уж честного боя себе ноги связали? Или глаза закрыли? Я сожру твое сердце!

И оборотень бросился на Конана. Но Серебрянорогий слова киммерийца все же уязвили, и он, положив чашу за порог башни, отправился биться голыми руками.

Конан уже вовсю рубился с Золоторогим, пытаясь достать его своим клинком, но оборотень отбивал все удары киммерийца, и нельзя было сказать, кто из них сильнее.

Лао-Бай напал на Серебрянорогий, и они со-

шлись в рукопашной схватке, изрядно удивив варвара. Он не предполагал, что старец может сражаться лучше многих воинов, которых Конан встречал на своем пути. Но после нескольких схваток Лао-Бай все же дрогнул и побежал. Конан, отражая непрерывные удары Золоторогий, последовал за ним, чтобы прикрыть его от Серебрянорогий, устремившегося в погоню за ускользающим противником. И тут перед демонами появилась Гуань-Инь.

— Чашу, брат! — крикнул Золоторогий, отступая назад, чтобы разорвать дистанцию боя с киммерийцем.

Серебрянорогий растерянно взмахнул руками и бросился было к башне, но прекрасная и грозная богиня преградила ему дорогу.

— Кто это позволил вам покидать сад бессмертных? — рассерженным тоном спросила она.

В свете ее величия оборотни опустили на колени и быстро приняли свой прежний облик.

— Прости нас, великая богиня, — просили они, — мы всего лишь воспользовались удобным случаем, чтобы побывать на земле.

— Отправляйтесь немедленно обратно, — приказала им Гуань-Инь. — Вам не пристало жить на земле и творить всяческие злодеяния.

Развоплощенные оборотни забрали волшебную чашу и колотушку, сели на облака и стремглав умчались в небесную высь.

— Что же мне делать с вами? — строго спросила богиня Конана и Лао-Бая.

— Если великая богиня позволит, то я бы ос-

тался приводить в порядок эту башню, — ответил Лао-Бай, смиренно поклонившись.

— Хорошо, пусть будет так. А ты, Конан из Киммерии, что скажешь в свое оправдание?

— Я просто искал выход из небесного сада, — пожал плечами Конан, — я не намеревался делать ничего плохого. Почему бы великой богине не позволить смертному следовать своим путем? Я и так несу одни лишь потери.

— Но ты не заслужил свободы, — возразила Гуань-Инь. — Ты не исполнил предназначенного.

— Предназначенного?! — рассердился Конан. — Что значит — предназначенного? Если я при нашей первой встрече сказал не те слова, которые тебе хотелось услышать от смертного, то я уже нагружен каким-то предназначением? Я делаю то, что считаю нужным, а если я допускаю ошибку, то сам за нее расплачиваюсь. Предназначение — это злобная выдумка! Оно бывает только у вещи. Если боги наделяют людей предназначением, то почему бы этим богам самим не исполнять свои предначертания, не ломая людям жизнь?

— Не суди дела богов по человеческой мерке!

— А по какой же мерке я должен их судить? Нет у меня других способов измерения, кроме как по себе. Если небожитель спускается на землю в образе людоеда, демона или еще какого-нибудь чудовища, то я встану против воли богов, пусть они хоть подавятся своими предназначениями!

— Хорошо, — лицо богини прояснилось, — я

знаю, что с тобой делать. Ты хочешь сам вершить свою судьбу? Да будет так. Ты пройдешь путем выбора и придешь туда, куда приведет тебя твой выбор.

— Опять какая-то ловушка, — чуть не завыл Конан. — Зачем я вам нужен?!

— Затем, что сила небесных сфер постепенно переходит в мир материальный. Создавая материальный мир, высшие духи вкладывали в него свою силу, так что теперь боги сильно ограничены в своем воздействии на мир людей, наоборот, они черпают из него силу. Ты можешь сделать то, что мне не по силам. Но не обольщайся. Крайне редко среди людей появляются гиганты духа, способные занять место рядом с богами в небесных сферах, но так же редки люди действия, способные делать правильный выбор. Вот недавно одному многообещающему герою прямо в руки вложили царский престол...

— В руки? — ухмыльнулся Конан.

— Ну, да... В это самое и вложили. Так герой начал бушевать — «Я возьму сам!» И такого наворочал, что небожители только диву давались. Его духовные метания — это ладно, его дело. Но вся страна страдала от беспорядка. Ведь четкая же была ему показана дорога, только сделай правильный выбор!

— И что я буду должен сделать? — уныло поинтересовался Конан.

— Ничего. Ты просто пройдешь путем выбора и окажешься там, куда он тебя приведет.

Богиня превратилась в золотой луч и через

мгновение оказалась вместе с Конаном в роскошном зале дворца, отделанном полированным камнем. Гуань-Инь сделала жест рукой, и перед Конаном возникла светящаяся полоска коридора.

— Иди, вот твой путь, — сказала богиня.

Конан вступил в открывшийся коридор, прошел несколько десятков шагов вперед и оказался на развилке. Ход в одну сторону был темен и уходил за поворот каменной стены, но у входа ярко горели два светильника в золотых оправах. Другой путь был широк и светел, он вел в зеленую долину между высоких гор. Конан пошел туда, и под ноги ему легла ровная зеленая трава. Здесь было красиво. Горы крутыми склонами закрывали долину со всех сторон, мирно журчал ручей, падая с небольшого обрыва, а возле него стояла аккуратная маленькая хижина, окруженная густой рощей.

Из хижины вышла молодая женщина и приветливо улыбнулась гостю. Она была красива и спокойна. Одежда на ней была совершенно новая — ни пятнышка, ни вытянутой нитки, ни потертости, ни лишней складки.

— Я рада видеть гостя в своем доме, — сказала она. — Меня зовут Лила. А как твоё имя?

— Конан. Ты живешь здесь одна?

— Да. Больше никого.

— Давно ты живешь здесь?

— Всегда, — мило улыбнулась Лила.

— А у тебя были родители? Братья, сестры?

— Не помню. Ты голоден? Пойдем в дом.

В хижине было чисто и красиво. Лила расста-

вила тарелки с лепешками и жареным мясом, налила в кружки вина и принялась угощать киммерийца, сама она от еды и вина не отказывалась, но видно было, что аппетита у нее нет. Видно было, что ей не приходится изнурять себя непосильным трудом и голодать.

Долина была каким-то очень мирным и безопасным местом. Конан ел и отдыхал, занимался любовью с Лилой, охотно отвечавшей на его ласки. Здесь не было людей, которые могли бы им помешать, здесь не было зверей, которые могли бы на них напасть. Ни ветер с гор, ни дыхание осени не задевали эту долину. Здесь можно было жить совершенно безмятежно. Никогда и нигде Конан не встречал такого райского уголка. И он наслаждался покоем и безопасностью. До утра следующего дня.

Проснулся он рано, умылся ледяной водой из ручья и обошел долину вокруг. Выхода из нее не было. Крутые склоны гор были настолько высоки и отвесны, что подняться на них было совершенно невозможно. На гладких скалах не было даже малейших трещин, обычных в горах. А трава под ногами была такая же ровная и безжизненная, как в саду бессмертных. Все здесь было не настоящее.

Конан вернулся в хижину и позавтракал с Лилой, потом стал ее расспрашивать:

— А ты когда-нибудь покидала свою долину?

— Нет. Зачем, здесь есть все, что только нужно для жизни.

— А сюда кто-нибудь приходит?

— Нет, никогда.

— А откуда берется еда и вино, которыми ты меня угощала?

— Не знаю. Они просто есть и все.

Лила отвечала как-то слишком уж равнодушно, не вникая в суть вопросов Конана. Ему не хотелось обижать ее, но этот кусочек искусственного мира начал уже порядком раздражать его. Он поднялся, собрал свои вещи и вышел из хижины. Лила шла следом.

— Я ухожу, Лила, — сказал он.

— Счастливого пути, Конан, — спокойно ответила она. — Спасибо тебе, что погостил у меня.

— Ты не хочешь пойти со мной?

— Нет. Я не могу.

Конан подошел к коридору, который привел его в долину, и решительно шагнул вперед, не оглядываясь. Перед его мысленным взором лишь мгновенно промелькнуло призрачное видение цепочки мирных долин, уходящее в бесконечность небесных сфер. Тихое счастье! Мечта тысяч и тысяч людей, которые безмерно страдали в жизни и не представляют себе ничего прекраснее.

Конан подошел ко второму выходу из коридора. Здесь все так же ярко горели светильники, и так же непроглядна была темнота впереди. Киммериец осторожно шагнул вперед, и нога его резко ушла вниз по гладкому каменному полу. Коридор моментально превратился в наклонный желоб, по которому Конана понесло со все более нарастающей скоростью в крошечную темноту.

Он отчаянно упирался руками и ногами в гладкие стены, но это ничуть ему не помогало.

Вдруг на его пути появилось светлое пятно, и он, оказавшись рядом с ним, мгновенно ухватился рукой за кромку открывшегося ответвления. Сила продолжавшегося движения рванула его так, что хрустнули суставы руки и острой болью резануло пальцы, но он удержался и остановил свое скольжение в никуда. Подтянувшись, он залез в боковой ход, который через несколько шагов привел его в ярко освещенный зал.

Шагнув вперед, Конан тут же бросился на пол и покатился в сторону, выхватив из ножен меч. Потом медленно встал и подошел посмотреть то, что его напугало. Это была фигура воина, в два человеческих роста высотой, устремлявшего удар огромного копья прямо на вход. Впечатление было такое, будто наконечник копья вот-вот вонзится в грудь человеку, входящему в зал.

Киммериец облегченно перевел дух и стал осматриваться. Зал был невелик по размерам и непонятно чем освещен, по крайней мере, светильников не было видно, каменные стены были украшены разноцветной мозаикой, изображавшей разнообразные земные пейзажи. Конан остановился перед мозаикой, на которой многоглавый дракон и птица с человеческим лицом склонялись с разных сторон над бревенчатым городком. Рядом был изображен лес, объятый пламенем.

Конан пристально разглядывал картину, привлекая его внимание, и с удивлением обнаружил, что внимательный взор открывает все но-

вые и более мелкие детали в неподвижном изображении. Неподвижном? Да оно как раз непонятным образом надвинулось на киммерийца, захватило все поле зрения и ожило вокруг него. Фигура дракона при этом как-то ушла за поднимающиеся пригорки и скрылась за густым лесом. Вокруг Конана стоял вековой бор, и был это настоящий лес — с запахом прелой листвы и хрустящими под ногами сухими ветками, с надоедливой паутиной, липнущей на лицо, и ложбинкой, по которой медленно протекал небольшой ручей. Небольшой-то небольшой, но низкие берега напоены влагой, не перепрыгнешь, не промочив ног, и вброд переходить — придется потом сushиться, а то и увязнешь в липкой грязи...

Конан прошел вдоль ручья, пробираясь среди густого подлеска, отыскал поваленное дерево и по нему перебрался через ручей. Здесь была видна тропа — не он один ходил этим путем. Киммериец пошел по тропе, и она вывела к дороге. Здесь были видны глубокие следы лошадиных копыт, хотя все уже порядочно заросло травой. Кое-где даже ветки кустарника выползли с обочин на середину дороги. Когда-то это был торный путь, но давно, давно. Конник, проехавший здесь недавно, был один.

Конан пошел вдоль дороги, готовый в случае опасности укрыться в лесу. Он вышел к деревянному мосту через небольшую речку. Лес не подступал к реке вплотную, оставляя широкую полосу зеленого луга, на той стороне деревья не стояли стеной, а распадались на отдельные ост-

ровки посреди широкой равнины. Но зеленый берег возле моста на той стороне был на несколько десятков шагов вокруг вытоптан и перепахан в жестокой битве. И лежали две огромные бесформенные кучи падали, распространявшие вокруг неимоверную вонь. Даже воронье не пировало на них, лишь облепляли крупные мухи.

Киммериец перешел мост и спешно отошел подальше от смердящих куч. Он успел лишь заметить на земле, перемешанной возле моста в безжизненную грязь, глубокие следы сапог. Следов было немного, человек бился здесь один.

От моста Конана уже отделяло с сотню шагов, и тут из-за ближайшей рощицы с густым подлеском, делающим ее непроглядной, вывалило чудовище. Огромное туловище на коротких толстых ногах было похоже на слоновье, но увенчано оно было целой охапкой длинных шей с зубастыми головами. Величиной головы были с лошадиную, но формой походили на змеиные, каждая с двумя парами кривых зубов, выступающих наружу. Увидев человека, чудовище бодрой рысью устремилось к нему. Конан, немедленно выхвативший меч и кинжал, стал быстро отходить в сторону, но монстр двигался именно на него и не собирался менять свои намерения.

Тогда Конан встал твердо и стал ждать нападения с мечом наготове. Когда многоглавое чудовище подбежало почти вплотную к киммерийцу, сразу три его головы метнулись вперед, злобно лязгнув сомкнувшимися клыками. Сомкнулись они в пустоте — киммериец был готов и, резко

отпрянув в сторону, рубанул мечом по ближайшей шее. Он вложил в удар всю свою силу, и голова монстра покатила по земле, а из обрубка шеи потекла темная кровь.

Оставшиеся головы дружно издали страдающее глухое шипение. Конан еще дважды успел рубануть чудовище, прежде чем оно смогла развернуться и снова попытаться напасть на него. Оно было не так уж проворно, но огромные размеры и тупая сила делали его достаточно опасным. Варвару приходилось бить в полную силу и двигаться во всю прыть, чтобы ускользать от новых и новых атак чудовища.

В первой схватке он срубил две головы, и еще одна осталась бессильно болтаться на поникшей шее. Однако у чудовища оставалось еще шесть целых голов. Удары в полную силу съедают несколько мгновений схватки, но быстрыми легкими ударами не нанести достаточно глубокой раны.

Конан снова встретил атакующего монстра мощным рубящим ударом, срубил ему еще одну башку и бросился в сторону, но одна из голов в отчаянном выпаде достала киммерийца. Пара иглоподобных зубов рванула его плечо и сорвалась, не удержав добычу. Боль была жгучая и пронзительная. Конан прокатился по земле, быстро вскочил и снова обрушился на чудовище. Он рубил, увертывался от ударов, отступал и снова нападал на врага сбоку. Монстр, перемесивший траву под ногами в грязь и обильно поливший ее своей кровью, все так же однообразно пытался

затоптать киммерийца своей тяжестью или схватить уцелевшей пастью. Но человек был слишком быстр и ловок. Когда на изуродованном туловище осталась всего одна голова, чудовище перестало гоняться за ним, осело и только озиралось по сторонам, пытаясь встретить своего ничтожного врага хотя бы еще одним точным ударом.

Конан атаковал и рубанул уже не по шее, а прямо по морде, бросившейся на него. Судорожное движение разрубленной головы чуть было не вырвало клинок у него из руки, но он неимоверным усилием выворотил меч, застрявший в лобовой кости монстра. Потом обошел чудовище и так же уверенно добил последнюю голову. Он посмотрел на поверженного врага и медленно пошел к реке.

Плечо его сочилось кровью и горело жгучей болью — видимо, зубы монстра несли на себе зловредную слюну. Конан подошел к реке чуть выше по течению от моста, снял куртку и промыл рану, морщась от боли. Потом вымыл меч, вытер его и вложил в ножны. В это время к мосту той же дорогой, откуда пришел киммериец, подъехал конный воин. Здоровенный детина сидел на крупной лошади, которую тоже кормили от души. Дитина был облачен в свеженачищенную длинную кольчугу, прикрывающую бедра, железный шлем на его голове увенчивался высоким острием, круглый щит на левой руке был выкрашен в ярко-красный цвет, а в правой руке у него была богатырских размеров булава. Дети-

на медленно въехал на мост, внимательно обозрел окрестности, набрал в грудь побольше воздуха и заорал, обращаясь к Конану:

— Эй, ты! Оборванец! Это ты, что ли, моего зверя завалил?!

Говорил он на каком-то диалекте гирканского.

— Нет, оно от любовной тоски сдохло, — ответил Конан. — Тебя дождаться не могло.

Грозный тон воина его ничуть не беспокоил. По сырому берегу тот не проехал бы верхом, а спешившись, потерял бы свое преимущество. Взять же противника в равном поединке Конан не опасался.

— Нет, ну вот народ! — громогласно произнес детина. — Ну не успеешь отвернуться, как они уже все испоганят! На два десятка лиг вокруг ни один человек не осмеливался приближаться к этому месту! И что же? Стоило мне задержаться, как какой-то бродяга уже украл у меня победу над чудовищем! Ты откуда здесь взялся?!

— Тебя больше всего интересует, откуда я взялся? Не знаю! Волей богов и путями неведомыми. А за чудовище что, награда великая положена, что ты так расстроился?

— Ага, награда! Уютная могила! Я тут, у моста, уже трехглавое чудо-юдо положил, и шестиглавое, а сегодня должен был с девятиглавым биться! А ты влез и все испортил...

— Так в чем же дело? Чудовище мертво, чего тебе не хватает?

— Предсказание нарушено. Что теперь будет?

— Ничего не будет, — рассердился Конан. —

Езжай дальше и верши свой путь. И не блажи мне тут насчет предназначений.

Ему стало плохо, он отошел от берега и сел на траву. Дитина, наконец, обратил внимание на то, что его собеседник ранен в битве, легко спешился, оставил оружие и подошел к киммерийцу с небольшим дорожным мешком.

— Да ты ранен? Покажи-ка.

Он осмотрел следы зубов на плече киммерийца, достал из мешка тряпицу и деревянную чашку с густой темно-зеленой мазью. Перевязав плечо невольного соперника, он посидел с ним, пока Конану не стало лучше.

— Насчет предназначения ты не прав, — говорил он. — Рассказывали у нас про одного героя. Не из наших краев, откуда-то с далекого запада. Надел он прочные доспехи, взял верный меч и надежное копьё, сел на доброго коня и поехал совершать великие подвиги. Ну и заехал для начала на земли одного из ближайших соседей, с которым он был в давней ссоре. Разогнал людей с полей, порубал горшки на плетнях, и все подвиги на этом закончились. Поехал он дальше и заехал в дикий лес, где проклял все на свете. Длинное копьё не давало проехать сквозь густые заросли, и пришлось его бросить. Доспехи к концу дня стали неподъемной тяжестью. И никого вокруг — ни людей, ни зверей, ни жилья, ни ночлега. Вернулся он кружным путем через земли другого соседа, с которым был в большой дружбе, и устроили они великолепную пирушку, на которой придумали столько замечательных подвигов,

что тамошним менестрелям-трубадурам на стол хватало в балладах воспевать. Так что если уж выпало тебе предназначение, то не пренебрегай им, а то будут потом вечно тянуться перед тобой глухие, кривые, окольные пути...

Потом детина оставил киммерийцу половину круглого каравая хлеба из своих припасов, сказал, что Конан шел не туда, а населенные места лежат в противоположной стороне, после чего оседлал лошадь и медленно двинулся своей дорогой.

Конан вернулся назад, но не стал обходить ручей по дороге, а прошел напрямик, так же перешел через него по стволу упавшего дерева, пересек лес и выбрался к человеческому жилью.

Небольшой двор составляли бревенчатые жилой дом и хозяйственные пристройки, связанные высоким забором. Над воротами возвышался аккуратный козырек, чтобы не гнили ворота под дождем, да и чужому человеку труднее будет перелезть.

Из открытых ворот выскочили две крупные собаки и стали яростно облаивать незваного гостя. Лаяли, но не бросались. Вышел из ворот хозяин — крепкий мужик лет тридцати, хотя и не такой высокий и широкоплечий, как могучий киммериец. Он отогнал собак и спросил:

— Чего ищешь?

— Город далеко? — спросил Конан.

— Город? До темноты не успеешь добраться. Ты один, или за тобой еще кто-то подойдет?

— Один. Можно будет у тебя переночевать? Я

Конан из Киммерии. Попадал в ваши места путями, самому мне неизвестными.

— Вот как? Ну, ладно. Буянить не будешь?

— Нет. Я тут с одной зверюгой сцепился, и она мне плечо порвала.

— Ладно, заходи. Меня Радотом зовут.

Семья Радота была невелика — он с женой, да сыновья лет семи и лет десяти. Гостю дали умыться и переменить белье, накормили и напоили отваром из разных трав и сушеной малины. Отяжелев от еды, киммериец сидел на заваulinке и слушал Радота.

— Места здесь богатые, и лес, и поле, и выпас для скота. Видишь, какое хозяйство я поставил? Все своими руками сделано. Страшновато, конечно, лес здесь встречается со степью, и если степное войско нападет, то все прахом пойдет. Одна надежда, что через речку коннице плохо переправляться, и степные идут южнее, в стороне, а сюда, в мой тупичок могут не добраться. Ну а там их встречает городская дружина. Город Черниз — крепкий город. С ходу его конница взять не может, а в долгой осаде держать — подойдет помощь от других городов. Так и живем. Городская дружина ходит в степь, бьет кочевников и угоняет их стада. Степные иногда собираются большим войском, идут в наши земли, хватают пленников, жгут города и деревни, кого с собой не уведут — убивают всех подряд. Обычай степной войны — убивать всех, чтобы не выросло поколение мстителей. Одно хорошо — между собой степные воюют еще злее из-за удобных мест для

зимовок. Свой сосед кочевнику хуже любого врага — он пасет свой скот, отнимая пастбище у него.

— И что же? — спросил Конан. — Ты собираешься отсидеться от врага за этим забором?

— Да как сказать? Большое войско ко мне не придет — незачем. Им простор нужен. А если какой-нибудь небольшой отряд появится — то ненадолго. Спрячемся.

На следующее утро Конан поднялся отдохнувшим и окрепшим. Рана на плече хорошо заживала. Радот попросил киммерийца помочь ему, и они начали собирать новый амбар. Бревна были уже подготовлены, оставалось поднимать их на вершину начатого сруба. Ворочая тяжелые бревна, Конан поинтересовался:

— Как же ты в одиночку дом ставил? Двоем-то тяжело, а одному и вовсе работа неподъемная.

— А куда деваться? Постепенно — поднял край, положил на подпорку, поднял другой край, уложил бревно на место. Да соседей иногда звал на помощь.

До обеда работали на строительстве, подняли стены, и Радот начал затаскивать наверх стропила. Старший его сын на лошади подвозил из леса во двор сваленные загодя бревна. Вдруг Радот опрометью бросился вниз и кинулся затворять ворота.

— Всадники! — крикнул он. — Чужие!

Конан быстро вооружился и побежал к воротам, но Радот уже плотно закрыл их на засов. Он бросился к бревнам и схватил топор.

— Сколько их? — крикнул Конан.

— До десятка! Попробуем отбиться?

— Конечно!

Налетчики уже лезли через забор по обе стороны от ворот. Радот метнулся к ближним, замахиваясь топором. Конан встретил тех, которые лезли дальше. Могучему киммерийцу не впервой было биться против нескольких противников, но он вовсе не хотел, чтобы на него напали с нескольких сторон сразу.

Даже два врага, хорошо владеющие клинком, делают схватку смертельно опасной. Если они не стеснены узкими коридорами и могут действовать хоть чуть-чуть слаженно, то победить их весьма непросто. Поэтому Конан старался бить врагов с ходу, не дав им возможности взять его в кольцо.

Неотвратимое движение меча киммерийца почти не замедлялось, встречая на своем пути руку или плечо, горло или шлем летящего со стены налетчика. Стальной вихрь с короткими ударами кинжала разметал врагов и оставил пятерых лежать на земле и умирать — кого быстро, кого медленно. Двое последних противников даже не решились спрыгнуть со стены, благоразумно бросились назад.

Радот тем временем оказался один против троих. Ударил первого еще в прыжке, но добить сразу не смог, и тут же бросился на следующего. От быстрого сабельного удара очень трудно защититься топором на коротком топорище. Остается одно — бить самому на опережение, не ду-

мая о защите. Лязгнул топор по шлему одного из противников, потом с мягким чавканьем прорубил кольчугу на плече второго. И упал Радот, посеченный саблями, увлекая за собой поверженного врага.

Конан броском кинжала свалил еще одного врага и сошелся в коротком поединке с последним. Лязгнуло железо, и сабельный клинок обломился, встретившись с мечом киммерийца. Он рубанул обезоруженного врага и обернулся. Все налетчики были повержены. Конан быстро поднялся на забор — двое уцелевших конников скакали прочь, уводя с собой коней убитых соратников.

Киммериец подошел к Радоту, возле которого уже возилась подвывающая жена. Он помог перенести раненого в дом. У Радота была рассечена голова и плечи. По голове сабля скользнула, срезав клочок волос, но не прорубив кость, на одном плече перерублена ключица, на другом две неглубокие раны.

— Может, выживет, — сказал Конан и помог перевязать раненого.

Он вышел во двор и занялся порубленными врагами. Добил двух раненых, собрал в кучу оружие и начал раздевать убитых. На их телах нашлось несколько серебряных украшений. Конан собрал ценности, выбрал себе пару кинжалов по лучше, потом нашел в сарае лопату и пошел копать яму. Захоронив убитых в стороне за забором, он вернулся в дом и сказал пришедшему в сознание Радоту:

— Я оставляю тебе одежду и оружие налетчиков, а мне за это нужна лошадь.

— Бери, — отозвался Радот. — Спасибо тебе, отбилась. В город поедешь?

— Да.

— Ладно. С дороги не собьешься. А в остальном — удачи тебе.

Конан оседлал лошадь, открыл ворота и поскакал вперед. Дорога шла между полей и перелесков, несколько повышаясь над приречной низиной. Десяток всадников вынырнул из-за леса в сотне шагов от киммерийца и, разворачиваясь в цепь, поскакал к нему. Варвар остановился — по всему было видно, что это были не степные наездники, а городские дружинники. Их кони были крупнее и выносливее, выкормлены овсом, а не травой. Всадники одеты не как кочевники.

— Кто ты такой? — спросили Конана, окружая его.

— Я Конан. Конан из Киммерии. Я не враг вам.

— Куда ты направляешься?

— В Черниз.

— Тогда едем с нами. Город сейчас в осаде, и в одиночку ты не проедешь.

Конан поехал с ними, и они соединились с двухсотенным отрядом конных дружинников. Рослые сильные кони, хорошо вооруженные воины составляли сильный отряд. Случись им биться в крепком месте, они бы сдержали натиск любого противника, в неудержимой атаке они пробili бы строй любого войска, но что в степи две

сотни воинов? Капля в море. И никакой витязь не выдержит, когда его бьют со всех сторон.

Отряд выслал вперед конные разъезды и двинулся к Чернизу. Когда по расширившимся полям стало чувствоваться приближение города, сбоку из-за перелеска выехал десяток степных воинов. Им не повезло. Передовой разъезд отрезал им путь отступления, а основной отряд, взявшись за луки, перестрелял их как куропаток. Ни один не ушел, так что появление дружины перед городом должно было стать неожиданностью для противника.

Убедившись, что дорога свободна, разведчики вернулись назад, и отряд, набирая скорость, помчался вперед. Окружившее город степное войско насчитывало до двух тысяч воинов, но было не готово к сражению. Дружина прорезала вражеский лагерь, как нож — масло. Развернувшись плотным строем, дружинники рубили мечущихся врагов, но в стороне уже начинала собираться степная конница, нацеливаясь для удара во фланг дружине.

Тут распахнулись городские ворота, и еще один конный отряд пошел на соединение с атакующими воинами. Совместным ударом дружинники опрокинули отряд степных, а когда вторая половина вражеского войска собралась против них, развернулись и ушли в город, подставив преследователей под стрелы и камни с городской стены. Самые горячие наездники, пытавшиеся ворваться в ворота следом за отступающими дружинниками, были выкошены залпом лучников,

бивших в упор. Кони, битые стрелами, и лишившиеся своих всадников, смешались перед воротами в бессмысленную массу, через которую пробиться к воротам никто не смог, и тяжелые створки накрепко затворились за воинами, вернувшимися в город.

В городе было тесно от людей, укрывшихся за его крепкими стенами от вражеского нашествия. Но хозяева принимали чужих без разбора, было бы место, где лечь. Конан пристроил лошадь в одном из дворов и пошел на стену, где смешались и дружинники, и простые люди, вооруженные чем попало. Отстаивать стену предстояло всем вместе.

Урон степному войску от удара дружинников был велик, но не достаточен, чтобы снять осаду. Они уже убирали тела убитых и готовили мощный таран с укрытием от стрел и камней. К врагам подошло сильное подкрепление, и группа прибывших мастеров налаживала камнемет. В городе готовились отражать штурм. Вокруг ворот ставили прочный забор, чтобы, пробившись через ворота, враги оказались в ловушке.

Конан ушел со стены, вернулся к тому двору, где оставил лошадь, напился и перекусил. Потом лег, чтобы отдохнуть и уснул. Проснулся он среди ночи. Над городом летели горящие стрелы. Обмотанные промасленной ветошью зажигательные снаряды вонзались в стены и крыши, падали на землю или находили случайную цель, поражая людей. Повсюду тушили огонь.

Конан разбудил соседей, спавших рядом с

ним, и отправился к стене. Там несколько десятков воинов били из луков в конных стрелков, которые на скаку пускали зажженные стрелы в спящий город. Несколько десятков стрелков против нескольких сотен в поле! Городская дружина имела около пяти сотен отличных воинов, но в степном войске, по всей видимости, было сейчас не менее пяти тысяч бойцов.

А город уже горел. В нескольких местах жители не успели погасить горящие стрелы, и теперь дома полыхали так, что подступиться было невозможно. Лишь бы удалось не пустить огонь дальше!

Солнце высушило дерево построек, и пламя полыхало вовсю. Багровый огонь пожара начал сливаться с полоской рассвета, и степное войско двинулось на приступ. Медленно полз вперед таран, бежали воины с лестницами в руках. Конан обнажил свой меч. Вот и настал его час. Вряд ли кто-то из защитников города переживет этот штурм.

— Встречай меня, Кром! — воскликнул Конан.

Хлопнул в поле камнемет, и в редющем утреннем сумраке киммериец увидел летящую в него каменную глыбу. Он в мельчайших подробностях видел поверхность приближающегося к нему снаряда, и вдруг все перед ним заволкло серой пеленой, а вместо чудовищного удара камня у него появилось ощущение полета, в глазах померкло, а когда мрак рассеялся, он стоял в ярко освещенном зале яшмового дворца, а перед ним грозно возвышался бог Кром.

— Ты звал меня, смертный? — громоподобным голосом произнес Кром.

— Звал, — согласился Конан. — Точнее сказать, взывал. Но я привык, что взывать к богам бесполезно, мы сами вершим свою судьбу, и милость богов снисходит до их почитателей лишь после смерти.

— Воистину, так, — согласился Кром. — Но сейчас твой зов звучит не как ничтожное сотрясение воздуха смертным глупцом. Ты открываешь путь, соединяющий небо и землю. И твой зов услышит любой из богов.

— Значит, я еще не убит там, на земле? — ошарашено спросил Конан.

— Нет, мой доблестный почитатель, Конан из Киммерии!

— Ты знаешь меня? Мое служение во славу твою было тобой замечено?

— Нет. Но я вижу тебя перед собой и мне этого достаточно. Я вижу твою доблесть и твою глупость. Я вижу силу твоего духа и кровь невинных жертв на твоих руках.

— Каких это жертв? — не понял Конан, непроизвольно взглянув на свои руки. — Разве не победа над врагом служит твоему торжеству?

— Это какой негодяй учил тебя этому? — рассердился Кром, — Победа победе рознь. Может, я еще должен покровительствовать режущим глотки? Убивающим из-за угла? Мучителям беззащитных жертв? Ведь все они победили своих противников! Насильнику и убийце я должен радоваться!

— Как же так? — удивился Конан. — Меня с детства учили, что мы, дети Крома, рождаемся для того, чтобы убивать врагов!

— Ты не видишь разницы? — прищурился Кром. — Так устроен человек, что он вечно старается заставить других делать то, что нужно ему. Насилие и смерть служат орудием для этого. И тот, кто встает против врага — тот мой сын. Неважно, победит он в бою или будет повержен. Он не смиряется с насилием, он преодолевает страх боли и смерти! А негодяй, ломающий тех, кто слабее его, это просто ничтожный выродок!

— И кто же я в твоих глазах?

— Я уже сказал. Доблестный воин, отягощенный по глупости своей тяжелой ношей преступлений.

— И что же мне делать?

— Думай! Не числом одержанных побед определяется величие моих сыновей, а победой духа! Найди свой путь, а не мотайся по миру, как хищник, оставляющий после себя только кровавый след.

— Куда же мне теперь?

— А куда хочешь.

— Но я не могу открывать дорогу на землю!

— Почему? Можешь. Впрочем, я помогу твоим расстроенным чувствам. Иди!

И перед Конаном раскрылась тревожным красным цветом воронка, вытянутая вдаль. Полет по ней был краток. Киммериец обрушился на жесткую поверхность, крепко приложившись пятками, удержал равновесие и стал оглядываться.

Он стоял на открытой террасе какого-то огромного дворца. На далеком горизонте тускло светилась багровым светом узкая полоска заката. Небо уже почерпело, яркие звезды холодно глядели на город, толстая луна заливала окрестности плотным светом безумия. Из дворца явственно доносились звуки разудалого пиршества. Конан никогда не бывал в этом дворце, но по доносящимся голосам на Шемитском наречии, по силуэтам крыш вокруг и по запаху поздних роз узнал место, куда он попал на этот раз.

Это был один из лучших дворцов Эрука — города в Шеме. Конан посмотрел вниз с террасы и увидел, что в по осеннему саду перед дворцом неторопливо расхаживает многочисленная стража. Вдоль самого здания и вдоль стены, окружающей сад, у главного входа и у боковых выходов дежурили вооруженные люди. Спуститься вниз и объяснить стражникам свое появление во дворце в качестве незваного гостя показалось Конану неудачным решением. Не тот случай. Примут за вора, начнут вязать, потом примутся развлекаться над беспомощным пленником. Драться с ними? Не за что. Он же ничего здесь не украл...

Конан прошел по террасе и вошел внутрь дворца. В огромном зале, освещенном многочисленными масляными светильниками, было жарко и душно. Длинный стол, уставленный остатками роскошных блюд, грязными тарелками и многочисленными кувшинами, мог вместить добрых две сотни гостей. И, безусловно, вмещал. До недавнего времени. Теперь же часть гостей плясала

в пьяном угаре, часть расплзлась по углам, увлекая за собой полураздетых девушек из прислуги. Прислуги было немного, и она больше старалась принести на стол вино и яства, чем поддерживать на нем хоть некоторое подобие порядка. У главного выхода и у дверей для прислуги Конан заметил по две пары стражников — здоровенных мордovorотов, старательно пытающихся не бросаться в глаза толпе пирующих гостей. Получалось плохо.

Конан подошел к столу и сел на одно из свободных мест. Пододвинул к себе блюдо с жареной бараниной и стал есть. Насытившись и выпив вина из чьего-то кубка, он обратился к соседу, который уже не ел и не пил, но с язвительной улыбкой откинулся на своем кресле и неподвижно глядел на пирующих.

— Что, не нравится это веселье? — негромко спросил его Конан.

— А что, в этом есть что-то веселое? — скривился собеседник.

— Ну, да. Вкусная еда, обильная выпивка, музыка. Все же веселятся.

— Как тебя зовут?

— Конан. Конан из Киммерии.

— А мое имя Перес. Так вот, Конан из Киммерии, я никак не могу увидеть ничего веселого в куске жареного мяса. Он может быть замечателен на вкус, но причем здесь веселье?

— Если человеку приходилось в жизни часто голодать, то он будет от души радоваться вкусной пище, — пожал плечами Конан.

— Просто я не люблю такого веселья. На всяком пиру бывает один человек, которому не весело. И это всегда я!

Жалобно взвизгнув, сбилась музыка, и в зале наступило молчание. Даже упившиеся до безобразия, медленно умолкали, прекращая молоть обычный пьяный вздор. На каменной стене зала неотвратимо наливались мертвенным светом непонятные письмена. Знаки были незнакомы Конану, но по расположению символов можно было понять, что они составляют три слова. Остывшие взоры пирующих были устремлены на эти письмена, и не было в пьяных глазах ни надежды, ни радости. А была лишь тупая покорность и отчаяние.

— И что это значит? — спросил Конан снова скривившегося Переса.

— Ты не знаешь? — поразился тот. — Откуда же ты взялся? Впрочем, это неважно. Эта надпись появляется на стене уже третью неделю. И, как говорят все наши пророки, она не предвещает ничего хорошего.

— Кому?

— Ну, в первую очередь, царю.

— А потом?

— А потом одному из гостей нашего праздника, потому что по жребию один из них займет место царя на сегодняшнюю ночь.

— И что же бывает ночью?

— Никто не знает, что бывает ночью, — сказал Перес, заметно бледнея. — Но заканчивается она смертью избранника судьбы. Плохой смертью.

— Чем же особенно плоха такая смерть?

— Тем, что человек теряет не только жизнь, но и душу. Одни народы сжигают тела умерших, освобождая душу от притяжения материального тела и облегчая ей перерождение. Другие хоронят мертвых в земле, и пока не истлеет материальное тело, душа человека блуждает по царству мертвых. Возвращение тела в круговорот жизни на земле дает душе дополнительные силы, чтобы тоже возродиться. Стигийцы сохраняют тела своих царей нетленными в гигантских пирамидах, где время теряет свою силу, и душа, имеющая постоянную опору в мире материальном, остается навсегда жить в пирамиде невидимой и беречь свой народ. А смерть, которая приходит по знаку судьбы, который ты видишь сейчас на стене дворца — отдает душу человека в вечное рабство темных сил.

— Откуда ты это знаешь?

— Оттуда, недоверчивый варвар, что лучшие наши маги и жрецы великих богов пытались справиться со знаками судьбы. И были это отнюдь не шарлатаны, обирающие легковверных. И открыли они, что даже Митра не может отвести от царя исполнение злого пророчества. И определили они, что не смерть тела отпускает душу умершего вместо царя, а исчезновение души, выпитой неведомым врагом, оставляет тело избранника лежать бездыханным после каждой ночи.

— И все это знают?

— Они? Это безмозглое веселящееся стадо? Они знают, что кто-то из них умрет. И все. Но

тот, кто попытается уклониться от участия в священном жребии, тот умрет сразу. Не дожидаясь ночи. Вот они и веселятся.

— А сам царь тянет жребий?

Перес безудержно расхохотался. Из-за возобновившихся за столом разговоров на него не обратили особого внимания, но Конану стало не по себе от этого смеха.

— Царь раздает жребии! — отчетливо произнес Перес.

Гул голосов снова стих, и от царя, величественно восседавшего во главе стола, торжественно двинулись шесть гвардейцев в парадных доспехах. Все как один — высокие, сильные. Медленно прошествовав вдоль всего стола, они остановились возле Переса.

— Жребий пал на тебя, — провозгласил один из них.

Перес был просто раздавлен этим приговором. Он суетливо поерзал на месте, будто что-то искал, потом медленно поднялся, искательно озираясь по сторонам. Бессмысленно было все — мольбы и проклятия, борьба или смирение. Сопротивление птички не спасет ее от когтей кошки. Конан видел, что его собеседник готов был на любое унижение, если бы оно могло сейчас ему помочь. Но помочь ему не могло ничто, и лишь остатки гордости давали ему сил идти самому, а не извиваться бессильным червяком в равнодушных руках беспощадных стражей.

Переса увели вдоль стола, и он скрылся за дверью в дальнем конце зала. Безумный пир про-

должался, но Конан заметил, что стражники у дверей неторопливо стали покидать свои посты. А гости потихоньку стали выходить из зала и возвращаться назад, новые слуги неназойливо наводили порядок, унося уснувших за столом, убирая объедки и вытирая залитые столы. Снова заиграла музыка, но веселье было сломано.

Воспользовавшись движением в зале, Конан поднялся из-за стола, прошел вдоль ряда узких окон и приблизился к двери, в которую увели Переса. Царь, возле которого оставалось двое телохранителей, в это время поднялся и, пошатываясь, двинулся к той же двери. Гвардейцы последовали за ним, поддерживая повелителя с чрезмерной заботливостью. На киммерийца они даже не взглянули, а если кто-то из пировавших рядом с царем, и заметил чужого человека, то никак на это не отреагировал.

Конан мгновенно решил и спокойно вошел в дверь следом за царем. За дверью он прижался к стене и увидел, что в коридоре, ведущем к богатой двери в царские покои властитель Шема встретился с воинами, отводившими Переса.

— Все в порядке, повелитель, — сказал один из воинов. — Он заперт в опочивальне.

— Хорошо, — хрипло произнес царь. — Вы свободны.

Воины ушли в боковой коридор, а царь постоял возле двери, жадно прислушиваясь, потом вместе с телохранителями двинулся еще в один коридор. Конан скользнул за ними, в несколько бесшумных шагов настиг их и ударом кулака

свалил одного из стражей. Телохранители были не слабее киммерийца, но неожиданный удар в голову лишает сознания любого богатыря. Конан толкнул царя, чтобы перебить ему дыхание и не дать кричать, а сам напал на второго воина. Он мгновенно заткнул ему рот ладонью, поставил подножку и толкнул плечом, потом перехватил потерявшего равновесие телохранителя и впечатал его затылком в каменную стену коридора.

Не дожидаясь, пока бесчувственное тело сползет по стене на пол, Конан бросился к царю, который успел выхватить богато украшенный кинжал и встретил киммерийца колющим выпадом. Но Конан был не только силен, но и быстр. Он перехватил руку с кинжалом, и запястье противника хрустнуло под железной хваткой киммерийца. Варвар поймал падающий кинжал, перехватил ослабевшее тело царя и поволок его к дверям в опочивальню.

Дверь была закрыта снаружи подпоркой, опирающейся на специально прибитый брусочек на полу. Видно было, что он прибит здесь недавно — настолько он был чужероден рядом с роскошной дверью. Конан решительно выбил подпорку, открыл дверь и заволок царя внутрь. Тот начал было сопротивляться, но для киммерийца это было не более чем трепыхание рыбешки в крепких сетях.

Он бросил стонущего и ругающегося пленника на пол и огляделся. Опочивальня с огромной кроватью, завешенной шелковым балдахином, шитым золотом, четыре масляных светильника

на стенах, Перес, сидящий на полу возле кровати и глядящий на вошедших с боязливой надеждой. Царь, бессмысленно шевелящийся на полу, покрытом коврами, сделал вдруг попытку криком позвать на помощь, но киммериец безжалостно пнул его сапогом, и тот захлебнулся своим криком.

— А что? — поинтересовался Конан, — кто-то придет сюда на призыв о помощи?

— Это вряд ли, — усмехнулся Перес и весомо произнес, глядя на поверженного повелителя. — Царская власть кончается за порогом этой комнаты, не так ли?!

— Так! — Царь сел более-менее ровно и, злобно глянув на киммерийца, сказал: — Я в вашей власти. И гибель моя неминуема. Но неужели вы думаете, что сможете уйти отсюда живыми?

— А почему бы и нет? — спросил Конан. — Ведь смерть ищет тебя и не успокаивается, пока ты подсовываешь ей других.

— Нет, киммериец, — покачал головой Перес, — смерть возьмет всех, кто окажется рядом с царем.

— Что мы можем сделать?

— Ничего, — с мстительной радостью в голосе произнес царь, — десяток лучших воинов умерли здесь так же, как жалкий одинокий старик. Ни оружие, ни магия не способны помешать исполнению проклятья. Ни светлые боги, ни покровители зла не откликаются на призывы своих жрецов, которые молят их избавить нас от гибельного пророчества.

— Тогда замолкните, — непререкаемым тоном велел киммериец.

Он попробовал открыть дверь, но кто-то уже заботливо вернул подпорку на прежнее место, и толстые створки даже не шелохнулись. Конан достал из ножен меч и лучший кинжал, сел возле двери с оружием наготове и задумался. Перес встал, отошел к узкому проему окна и стал глядеть в звездное небо, как будто прощаясь с этим миром, царь тоже поднялся на ноги, медленно прошел вдоль глухой стены и как будто ненароком попробовал надавить на какой-то малозаметный выступ в стене.

Ничего не произошло, и царь негромко выругался. Верные слуги добросовестно позаботились о том, чтобы из этой ловушки не было никакого выхода.

Отмечая краем сознания эти перемещения, Конан одновременно настраивался на грядущий смертельный бой, хотя бы этому поединку и предстояло стать последней битвой киммерийца, и размышлял. Что можно сделать в такой ситуации? Взывать к богам? Последние события давали некоторую надежду на то, что его зов действительно может быть услышан богами. Но кого призовет в ответ на это его противник?

Время между тем текло, и, по-видимому, настала полночь. Воздух в комнате вдруг стал дрожащим и колючим, умерли даже случайные шорохи и звуки дыхания. Перес обернулся от окна и застыл недвижимым изваянием, царь безмолвно хрипел, протягивая перед собой руку, унизанную

драгоценными перстнями. А в центре комнаты соткалось бесформенное пятно абсолютной черноты, пронизанное редкой переливающейся сеткой тонюсеньких огненных нитей.

Конан почувствовал, что этот призрак обладает невиданной мощью. Даже от Крома или Гуань-Инь не веяло такой силой. Но была это не чистая сила воплощенного бога, способная передвигать горы и моря. И не безумная злоба демона, вызванного из темной бездны магическим искусством, чтобы убивать и разрушать по воле хозяина.

Даже крокодил, разрывающий на куски свою жертву, вызывает у человека не только отвращение перед жуткой работой несущей смерть пасти, но и невольное восхищение перед его свирепой мощью. Призрак же не был похож ни на что человеческое.

Вряд ли он смог бы отдернуть занавеску у окна, однако безграничный голод духа, стремящегося насытиться человеческими душами, парализовал волю к сопротивлению и беспощадно растворял в себе и ярость злодея, и смирение праведника.

С появлением призрака Конан мгновенно был на ногах, держа оружие наизготовку. Но первое движение призрака было к царю. Смертный ужас исказил его лицо, и бездыханное тело медленно стало сползать по стене.

Каким-то природным чутьем Конан почувствовал, что призрак забрал душу царя и теперь нацеливается на Переса.

— Ты получил, то что тебе было нужно, — твердо произнес Конан. — Теперь — изыди!

Призрак не обратил никакого внимания на слова киммерийца и медленно потянулся к Пересу. И тогда Конан с невероятной быстротой располосовал его своими клинками. Железо проходило сквозь призрак, не встречая сопротивления, но огненные нити распадалась на части. И тут же срастались.

Перес стал падать, и Конан понял, что его недавний собеседник уже мертв. Тогда Конан по какому-то наитию понял, что может быть призрака не оружием, а своей волей. Он вытолкнул вперед руки, будто отталкивая огромный груз, и призрак расплущился и отлетел немного назад. Не выпуская из рук меча и кинжалов, Конан движениями тестомеса сминал и сворачивал бесформенную черноту перед собой.

Призрак издал неясный стон, и киммериец почувствовал, что он может делать с призраком что угодно, но тот не в состоянии уйти, оставив в живых смертного, видевшего его. А концентрация воли не может длиться бесконечно. Чуть Конан переставал давить на противника, как тот начинал восстанавливаться. И мощь его вовсе не убывала. Держать его напряжением воли было не легче, чем держать каменную глыбу на вытянутых руках. Киммериец собрал все свои духовные и физические силы, неистовым усилием закатал призрака в тугую кокон и, делая волевой посыл в небесные сферы, открыл перед собой сияющий тоннель.

Их вынесло в ярко освещенный зал яшмового дворца, и в этом свете призрак жалобно завизжал, съежился, оставаясь таким же бездонно черным, и моментально юркнул в картину на ближайшей стене.

Конан уже знал, что картина может вывести куда угодно, но у него сейчас не было желания преследовать врага. Он изгнал его с земли, а это было главное.

Он огляделся и сумрачно насутился. Здесь было какое-то сборище богов. Они собрались в этом роскошном зале во всем блеске своей силы и славы, а теперь все дружно смотрели на него. Смотрели и молчали. Конан узнавал Змееного Сета с Нергалом, благостного Митру и многих других. Где-то во втором ряду виднелась мощная фигура Крома.

— Вот ты и научился открывать двери там, где это нужно! — К Конану с благосклонной улыбкой подошла Гуань-Инь.

Конан осторожно отстранил прекрасную богиню и подошел к Митре.

— Почему по нашему миру вечно шляются стада демонов и чудовищ? — kloкочущим от ярости голосом спросил он. — Светлые боги что, для развлечения их запускают?!

Митра грозно нахмурился и стал быстро расти.

— Не забывайся, смертный! — важно произнес он, глядя на киммерийца с высоты. — Милость богов не беспредельна.

Конан насутился, собрал свои духовные силы,

и Митра с несколько растерянным видом вернулся к прежним размерам. Конан вытянул указательный палец к лицу бога.

— Я спросил, почему в наш мир открыт доступ всякой нечисти! И я желаю получить ответ!

— Вот как? — не растерялся Митра. — Желаете? Что же, получите свой ответ!

Окружающее вдруг поплыло перед глазами киммерийца, а когда мелькание цветных пятен прекратилось, Конан оказался перед стеной, на которой цветным мелом были нарисованы фигурки богов, а на зеленой траве возле стены стоял невысокий человек средних лет, с ничем не выдающимся лицом, одетый в какую-то серую хламиду.

— Добрый день! — приветствовал он киммерийца с приятной улыбкой.

— Добрый? — спросил Конан. — День? Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. Прости мое невежество, но кто ты?

— Я? Я — ответ на все вопросы. Ты интересовался, почему в твоём мире так много порождений темных сил? Я могу дать тебе ответ.

— Да уж, — пробурчал Конан. — Люди и так достаточно отравляют жизнь друг друга, чтобы еще становиться жертвами демонов и оборотней, чудовищ и магических чар. И если все это порождения злых богов, то почему добрые боги не защищают нас от злых?

— Все боги — это частичные воплощения Единого. Ни один из них не может говорить от лица Единого, но каждый несет в себе Его часть. А доб-

ро и зло возникает только в отношениях между людьми. И нет такого доброго действия, которое люди не смогли бы приспособить для причинения зла себе подобным.

— Но кто пускает в мир всех этих монстров?!

— Кто? А вот приходит ко мне ищущий, желая вернуть близкого человека, умершего безвременной смертью. И как ни объясняй ему, что не к добру он этого добивается, не понимает он ничего. И вот идет по земле возвращенный к жизни зомби. Я же не виноват, что нельзя вернуть дух в мертвое тело?! А что такое зомби, ты наверное, знаешь?

— Уж знаю, — горестно вздохнул Конан.

— Да, труп, не обремененный душой. Голодная нечисть и ничего больше. Другой ищет бессмертия и его находит. Вампир или упырь — тоже погань преизрядная. До чего же люди не ценят свою душу! Ради осуществления ничтожных желаний они убивают сами себя. Ты понимаешь меня?

— Понимаю. Есть вещи, на которые нельзя соглашаться ни за что. Просто нельзя и все!

— Именно! Маги тоже вот как дети сущие. Тянутся к могуществу, совершенно не думая о последствиях. И ползут в мир всяческие монстры. Да и боги в своей вражде друг с другом насоздавали себе подручных низкого уровня, которые потом попадают в мир и ко вражде людей между собой добавляют свои возможности. А когда им закрывают свободный путь в мир, маги тянут их к себе могучими заклинаниями.

— Так кто же может закрыть чудовищам путь в мир людей навсегда?!

— Я могу. Ты этого хочешь?

— Да, хочу!

— Закрывать в мир доступ чудовищам из других уровней мироздания?

— Да.

— Подумай. Те чудовища, которые сейчас уже находятся на земле, не смогут быть изгнаны. С ними придется мириться или побеждать их своими силами, потому что никто уже не придет людям на помощь!

— Пусть так! Рано или поздно, люди выбьют всю нечисть нашего мира.

— Подумай. Ты научился открывать пути через небесные сферы, сейчас ты потеряешь это могущество.

— Но перед этим я смогу вернуться на землю?

— Да. Я отправлю тебя назад и только потом закрою доступ на землю из небесных сфер.

— Пусть будет так!

— Подумай! Отказываясь от грядущих бед, ты отказываешься от всех благ, которые боги могли бы дать смертным в будущем.

— Нет таких благ, за которые стоит платить столь непомерную цену!

— Ты прав! Прощай!

Сверкающий всеми цветами радуги вихрь подхватил опешившего киммерийца и понес куда-то с неимоверной быстротой. Мелькали вокруг неясные образы и исчезали в серой пелене, закрывающей все вокруг. И вот Конан оказался

на вершине пологого холма, а впереди простиралась широкая равнина. И тянулась по ней грязная дорога к виднеющемуся на горизонте городу. Холодный мелкий дождик сыпался с беспросветно серого неба, а принизывающий ветер принялся старательно продувать киммерийца. Конан плотнее запахнул плащ и быстрым шагом двинулся к городу.

Королевское бремя

Конан, король Аквилонии, проснулся с первыми лучами солнца. Просыпаться в такую несусветную рань считалось старыми служителями королевской цитадели совершенно противоестественным для монаршей особы. Но своенравный киммериец не собирался подстраиваться под их привычки. Весь мир просыпается на рассвете, и нет никаких причин человеку выбиваться из естественного ритма жизни. Конан резко откинул роскошное одеяло, встал с широкого королевского ложа и подошел к открытому окну.

Те несколько недель, которые прошли после церемонии коронации, он спал один, и никого не разбудил ранний подъем властителя Аквилонии. На своем богатом жизненном пути варвар никогда не испытывал недостатка в женском внимании и не одна красotka после коротких встреч с

ним еще долго потом вспоминала мужскую красоту и силу киммерийца. Но одно дело — естественное влечение мужчины и женщины, и совсем другое — отношения в обществе. Бродяга, искатель приключений легко может оставить женщину и отправиться странствовать дальше, потому что он ничего ей не обещал, и она, пользуясь его щедростью во времена удачи, не может рассчитывать на что-то большее. Король — другое дело. Если он будет пользоваться возможностями государя, чтобы давать своим женщинам деньги или власть, положение в обществе или что-то еще, то найдется множество желающих заработать королевские милости, изображая неземную любовь. Конан не собирался использовать королевскую власть для того, чтобы тупо удовлетворять желания тела ценой опустошения души. Поэтому он воздерживался от случайных связей, надеясь встретить женщину, которая станет ему верной супругой и матерью его детей. Настоящей королевой.

Конан умылся и оделся. Как бы ни пытались старые слуги настаивать на обязательном участии в этих процедурах, киммериец отвергал любые обычаи, в которых не видел никакого смысла. Потом он прошел в свой кабинет, сел за стол перед окном и взял стопку пергаментов. Если король не управляет государством, а лишь проводит время в свое удовольствие, то государством будет управлять кто-то другой. И Конану весьма не хотелось когда-нибудь обнаружить, что под его правлением расплодилось бы беззаконие и

кто-то его именем пользуется в своих целях. Управление государством оказалось весьма нелегким занятием, и киммериец честно пытался вникнуть во все детали. По его приказу канцлер готовил ему подробные отчеты о поступлении денег в королевскую казну и об их расходе.

— Если Ваше Величество думает, что письменность была изобретена для того, чтобы записывать умные мысли, то это не так, — сказал ему в начале этой работы канцлер Публио. — Долги записывать, вот зачем! Умные мысли передают от учителя к ученику и от поколения к поколению. А вот долги и уплату налогов надо фиксировать и отслеживать.Пусти все на самотек — и казна будет пуста, людишки все по крохам растащат, и нечем будет платить воинам, не на что строить дороги и мосты, крепости и флот. А на слабое государство найдется много желающих пойти войной, ограбить города, взять добычу, оторвать приграничные провинции.

— Это все правильно, — сказал Конан. — Но я хочу знать — сколько денег уходит на армию, а сколько прикарманивают мои чиновники и сборщики налогов. Я не желаю строить процветание государства ценой нищеты моих подданных!

— Будем строже следить и беспощадно карать нарушителей закона.

— И еще. Я хочу знать, сколько вообще собирается денег в казну и на что они расходуются.

— Хорошо, я подготавливаю все необходимые сведения, — ответил канцлер.

Он исполнил обещание, но Конан чувствовал,

что ему дают слишком много документов, чтобы уяснить из них четкую картину. Подати с крестьян и торговые пошлины, налог на соль и дорожные сборы, расходы по всем провинциям. Каждая отдельная цифра ничего не значила, а собрать их в систему он был не в состоянии.

Киммериец почувствовал, что ему в первую очередь нужны верные люди, которым он может доверять, и которые поедут во все города и провинции Аквилонии наводить порядок его именем. Но где взять таких людей? Его старые боевые друзья были верными соратниками и веселыми собутыльниками, но доверить им сбор денег в казну было бы несколько опрометчиво. Оставалось использовать тех людей, что были под рукой, но постепенно заставлять их делать не то, к чему они привыкли за всю свою жизнь, а выполнять королевскую волю, как бы это ни было противно их интересам.

Конан отложил просмотренные документы, поднялся из-за стола и потянулся, хрустя суставами. Потом принял бойцовскую стойку и прошел по кабинету, нанося сокрушительные удары воображаемому противнику. Размявшись таким образом, он вышел из кабинета и коротко бросил ожидающему у входа личному слуге по имени Одди:

— Вели подавать завтрак.

Пока прислуга готовила стол, Конан допустил к себе брадобрея, который аккуратно выбрил повелителя, развлекая его рассказами о мелких событиях в городе. Придворные вельможи ему о

них не доложат, не считая достойными королевского внимания, но из малых причин порой вырастают большие последствия. Конан считал полезным следить за городскими слухами.

— А правду говорят, что далеко на востоке кочевники никогда не моются? — спросил между делом брадобрей.

— Правда, — ответил Конан. — Но это не значит, что они такие дикари. Все обычаи возникают ведь не просто так. В степях дуют резкие сухие ветры, от них чистая кожа зимой обмораживается, а летом высушивается.

Брадобрей закончил работу, высушил лицо короля свежайшими полотенцами и стал собирать свои принадлежности. Конан в своих многочисленных странствиях привык неделями носить пропотевшую одежду и бриться остро заточенным ножом, но ценил такие блага цивилизации как чистая одежда и горячая вода.

Король с приглашенными к монаршему завтраку вельможами прошел в столовую и принялся за еду, полутно обсуждая дела государства. Королевские повара не могли в полной мере проявить свое прославленное искусство — киммериец требовал подавать простую здоровую пищу, а утонченные соусы и фаршированная дичь готовились теперь только для больших приемов или обедов для важных гостей.

— За время неурядиц в Аквилонии на границе с Аргосом и Зингарой стало беспокойно, — рассказывал Просперо. — Развелось большое количество банд, которые нападают на деревни и

даже на города. Торговцы, везущие товары из Вендии и Кхитай морским путем, поднимают цены, потому что им приходится платить разбойникам отступные или нанимать сильные отряды для охраны. А я не могу провести большую облаву, потому что тогда приграничные города останутся без охраны.

— Что же ты хочешь? — спросил Конан. — Получить для подкрепления войска? Я пока не могу этого себе позволить — в Немедии неспокойно, и войска могут понадобиться на восточной границе. Ты можешь набрать дополнительно солдат в Пуантене?

— Мне будет это позволено? — заинтересованно спросил граф.

— А почему нет? — удивился киммериец.

— Препными королевскими указами мне было разрешено держать войска лишь для защиты моих крепостей.

— Почему?

— Потому что большое войско не может сидеть без дела. Или солдаты дуреют и начинают обижать местных жителей, или их командиры проявляют неуместную инициативу и сами начинают делать вылазки на соседнюю территорию. Чтобы у меня не было возможности втянуть Аквилонию в дополнительную войну, меня и ограничивали в численности войск.

— Набери наемников, — посоветовал Конан. — Вооружи их, дай своих командиров, хорошо заплати. И пусть они выжгут разбойничьи гнезда дотла.

— Хорошо, государь. Я немедленно займусь этим.

— Одних разбойников выбьем, а других разведем, — пробормотал канцлер с кислым видом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил король.

— Я просто полагаю, что граф Просперо мог бы справиться с разбойниками и теми солдатами, которые у него есть.

— Легко рассуждать, сидя за крепкими стенами столицы! — вспыхнул Просперо. — Если бы это была вражеская армия, я разбил бы ее в поле. А в горах и лесах мои малые отряды заманят в ловушки и засады. И большие силы я собрать не могу — бандиты отступят и ударят на крепости, оставленные без солдат.

— Все! — прервал ссору король. — Я разрешаю графу Просперо набрать наемников для борьбы с бандитами, но за порядок в провинции он ответит лично передо мной!

— Есть ли новости из Немедии? — спросил он у Палантида, командующего гвардией.

— По моим сведениям, они потихоньку увеличивают гарнизоны пограничных крепостей, готовят дороги и мосты. Полагаю, что в недалеком будущем нам не избежать войны с Немедией.

— Как же это Немедия начнет с нами войну? — язвительно спросил канцлер Публио. — Немедийская возвышенность менее плодородна, чем равнины Аквилонии и мы постоянно продаем им наше зерно. Мы же в случае войны немедленно прекращаем поставки продовольствия, и их армия остается голодной!

— Победоносная война изменит ситуацию в их пользу, — пожал плечами Паллантид, — Я, правда, не знаю, на что они рассчитывают, наша армия не слабее немедийской. Но они закончили давние распри с Бритунией и Пограничным королевством, а теперь перебрасывают войска на нашу границу.

— Но их войско не сможет прорваться вглубь Аквилонии мимо наших крепостей?

— О, нет! Им придется встретиться с нашей армией в поле, и битва будет проходить там, где мы этого пожелаем. Потому я и не сомневаюсь, что мы сможем их разбить.

— Это хорошо, — медленно произнес Конан, — Но подготовка к войне должна вестись без излишней самоуверенности. Нет ничего хуже, чем недооценить противника, считая его слабее себя. Я хочу, чтобы в моих войсках были созданы отряды хорошо подготовленных лучников. Я знаю, что сила аквилонской армии основывается на сокрушительной атаке тяжелой конницы, но бывают ситуации, когда стрелковое прикрытие оказывается жизненно необходимым. И для этого мне нужны тщательно отобранные и обученные стрелки. Потому что когда они понадобятся в битве, за все золото мира нельзя будет найти то, что не приготовлено заранее.

— Я распоряжусь, государь, — согласился Паллантид. — Хотя подготовка лучников потребует больших усилий и постоянной тренировки. Это ведь не ополченец, которому можно дать в руки оружие потяжелее и поставить в строй. Вообще-

то, атака конных рыцарей в тяжелых доспехах пробивает строй вражеского воинства, а смятое войско сражаться не в состоянии. Тогда один наш рыцарь может поразить десятки врагов.

— Все так, — сказал Конан. — Но пока рыцари бьются копье на копье и меч на меч, они наносят удары врагу и сами получают в ответ. А лучники бьют противника, не получая ответных ударов. Хорошо подготовленный лучник выпустит десяток стрел, пока атакующие враги смогут достать его. А отряд лучников может сорвать атаку даже тяжелой конницы. Мне вообще не нравится решение атаковать вражеское войско, подготовившееся к битве. Они ведь тоже знают силу удара наших рыцарей и могут подготовить какие-нибудь хитрости. Врага надо заставить врасплох и бить во фланг, в тыл, а не переть напролом. Я бы с большим удовольствием создал отряды конных лучников, которые могут уходить от противника и поражать его стрелами без ущерба для себя. Но этим мы займемся несколько позже, конного лучника подготовить еще сложнее. Пусть пока будут пешие отряды под прикрытием ополченцев.

* * *

Моиншин, глава крупнейшего торгового дома Тарантии, собирался на прием в королевский дворец. Он надел камзол из черного бархата, ношенный, но чистый и опрятный, повесил на шею золотую цепь, поправил на голове шитую золотом шапочку и позвал телохранителей. Все дета-

ли были тщательно продуманы. Богатство, не бросающееся в глаза, властность, скрытая неприметной внешностью, как булатный клинок в потертых ножнах. Пожилой уроженец Шема вел дела в Аквилонии не первое десятилетие и куда лучше короля представлял себе детали государственного устройства страны. Торговый дом занимался поставками зерна в Немедию и корабельного леса в Аргос, контролировал поставки товаров с Востока и рабов на Юг.

Новый король Аквилонии может стать для Торгового дома источником большой опасности или возможностью заработать огромные деньги. И Моишин шел на встречу с королем, как рыцарь идет в бой. И как могучий воитель уверен в своей победе, так старый шемит был уверен в успехе своей миссии.

Каждый правитель стремится совершить великие деяния и прославиться ими в умах современников и памяти потомков. А для этого нужны деньги. Большие деньги. А взять их больше негде, кроме как у торговцев. Подданные приносят в казну основной доход, но ни земледelec, ни большинство ремесленников не имеют дело с золотом. Они могут расплатиться с казной, лишь продав свой товар торговцам. Реки медных монет сливаются в ручейки серебра и оседают золотыми монетами в королевской казне, но без торговцев обойтись невозможно. Сбирать с сотен тысяч людей налоги зерном и мясом, одеждой и железными изделиями невозможно. Поэтому услуги Торгового дома заменить просто нечем!

Моишин подошел к воротам королевской цитадели и велел телохранителям ждать его. О его визите, естественно, были извещены и без заминки провели к королю. Конан встретил гостя на троне в полном королевском облачении. Мысленно улыбнувшись, Моишин одобрительно оценил действия советников короля. Варвар на троне Аквилонии пытался заранее поставить торговца на место, показав ему его ничтожность перед престолом повелителя.

В учтивейших выражениях шемит приветствовал короля и заверил его в безусловном стремлении следовать высочайшей воле в делах обустройства государства Аквилонского.

— Я при этом надеюсь, — продолжал Моишин, — что наш Торговый дом будет так же успешно работать в державе великого короля и наши привилегии не будут ущемлены. В свою очередь, я готов предложить королю финансирование неотложных государственных нужд на самых льготных условиях. Я готов завтра же внести в королевскую казну двадцать тысяч золотом.

— Самые льготные условия вашего Торгового дома оборачиваются потом немалыми прибылями для него, — заметил канцлер.

— Но мы же не можем работать даром, — удивился шемит. — Мы вкладываем свои деньги и рискуем, мы делаем большую работу, которая необходима государству. Вы ведь прекрасно понимаете, что если не давать торговцам свободно покупать и продавать товары, то никому от этого хорошо не будет! Крестьяне и ремесленники не

смогут получать то, что им необходимо, товары будут лежать на месте без дела, портиться, пропадать, а люди будут терпеть лишения и осажда-ть властителей с жалобами на свои бедствия. И самое обидное, что это будет сделано из неразумного стремления ограничить доходы купцов. Легко считать чужие деньги. Но сколько трудов приходится приложить, чтобы их заработать!

— Это интересная мысль, — сказал король Конан. — Я хорошо представляю, сколько должен работать земледелец, чтобы прокормить свою семью и заплатить налоги. Я знаю, как зарабатывают деньги мастера в городах. Неужели работа купцов настолько тяжела и сложна, что они по праву оказываются самыми богатыми людьми в любом государстве? Не вернее ли было бы предположить, что их богатство создано не непомерными трудами, а собрано с моих подданных путем бессовестного обмана? Если у крестьянина покупают зерно по заниженной цене, то он просто не знает, сколько заработает купец на перепродаже. Или не может продать товар тому, кто даст более справедливую цену. Если заемщик не может расплатиться с вами по займу, то его ответственность достается вам за половину цены. И это еще в лучшем случае!

— Но сделка есть сделка, — слабо попытался возразить Моишпин. Он почувствовал, что варвар на троне Аквилонии не так глуп и переводит спор в такую плоскость, где все заготовленные доводы оказываются неприменимы. — Мы ведь никому не навязываем свои условия...

— Как не навязываете! — возмутился канцлер Публио. — Именно навязываете. Если вы отплачиваете налоги графства с условием вести торговлю зерном и солью, то и цены на них устанавливаете по своему усмотрению. А помимо Торгового дома торговать оказывается невозможно!

Купцу очень хотелось сказать, что знать тоже получает доходы со своих земель, не прилагая для этого особых усилий, но он благоразумно сдерживал в себе этот порыв. Можно сказать правду в глаза власти имущим, но только ничего хорошего от этого он не получит. И это еще мягко сказано.

— Но я ведь уже говорил, — продолжил он. — Можно разогнать Торговый дом и отобрать в казну накопленные им богатства. Но разрушение торговли потом обернется такими убытками государству, которые многократно перекроют сегодняшнюю добычу. Зачем это делать? Я добровольно готов внести в казну тридцать тысяч золотом!

— Успокойся, мессир, — сказал Конан. — Деньги в казну ты внесешь. И Торговый дом разгонять я не буду. Хотя у меня есть все основания для такого решения. Но я не хочу начинать свое правление произволом. Аквилония достаточно богата и сильна, чтобы ее жители обеспечивали ее всем необходимым без грабежа и насилия. Но если я узнаю, что твои люди обманом принуждают моих подданных к кабальным сделкам, то на тебя обрушится не королевский произвол, а королевское правосудие. Все понятно?

Моишин медленно склонился в почтительном поклоне. Он был растерян и разбит. Получив разрешение удалиться, он отправился домой, обдумывая происшедшую беседу с королем. Похоже, что ему выпало пережить большие перемены в Аквилонии. Хорошо, что богатства Торгового дома не подвергнутся разграблению. Такая опасность существовала всегда, но риск оправдывался высочайшими доходами от работы в этой стране. Плохо, что король собирается контролировать их деятельность. Конечно, можно будет подкупить королевских проверяющих, но если такое откроется, то последствия могут быть непоправимыми. Варвар не шутил о королевском правосудии. Моишин предпочитал использовать судебную систему для того, чтобы зарабатывать деньги, а не отвечать перед ней. Тем более отвечать своей головой и головами своих родичей, управляющих многочисленными отделениями Торгового дома.

Если у киммерийца на троне Аквилонии будет достаточно времени для осуществления своих замыслов, то страна сможет сильно измениться. Нужна война! Война или какое-то большое бедствие, чтобы король Конан был вынужден заниматься решением неотложных проблем. Чтобы ему требовались деньги. Много и сразу. Но нельзя при этом допустить, чтобы в грядущих событиях прослеживалось влияние Торгового дома. Надо будет связаться с наследниками предыдущего короля Аквилонии, собрать сведения о похождениях киммерийца, установить контакты с

магами Шема и Стигии. Пусть варвар не надеется на спокойную жизнь!

В королевском дворце канцлер пытался склонить Конана к тому, чтобы все же привлечь к суду шемитских торговцев и конфисковать их богатства. Сам канцлер был должен им немалые деньги и знал, что многие знатные люди тоже обрадовались бы истреблению своих кредиторов.

— Ущерб от нарушения торговли не будет так уж велик, — говорил Публио. — Торгаш просто преувеличивает свою незаменимость. Не будет его, тут же появятся новые люди, которые займутся той же самой торговлей. Только это будут уже не поганые инородцы, а наши коренные аквилонцы. И аквилонское золото будет оставаться в стране, а не утекать за границу.

— Слишком сильное средство, — возражал киммериец. — Легко разрешить людям грабить и предавать, но на кого потом можно будет опереться в тяжелое время? Я еще мог бы пойти на это, если бы государству грозила смертельная опасность и не было другого выхода. Но устраивать произвол только потому, что мне довольно легко будет этим достичь каких-то второстепенных целей, я не намерен!

* * *

Капитан Мольес, начальник стражи аквилонской столицы, вышел из залитого нечистотами заднего двора третьеразрядной таверны в одном из бедных районов города. Место не самое подхо-

дящее столь важному человеку, но только на взгляд дилетанта. Охрана королевской цитадели и городских ворот осуществляется обычным порядком и не требует постоянного контроля начальника. Патрулирование улиц и охрана порядка — вообще дело королевских сержантов. А начальник занят более серьезными вещами. Он должен быть в курсе тех событий, которые не всплескиваются на поверхность, а добросовестно скрыты от посторонних глаз.

Заговоры знати и буйство черни должны быть замечены до того, как они станут необратимыми. Большая часть тайных планов рушится именно потому, что они становятся раскрыты до срока. И большинство бунтов можно погасить в зародыше, своевременно применив либо силу, либо подкуп к зачинщикам беспорядков.

Капитан встречался в таверне со своими осведомителями. Каждому ясно, что тайные сведения о поступках важных персон должны передаваться так, чтобы этого не видел никто из посторонних зрителей. Потому что самые безобидные слова, сказанные между делом, часто могут по самой неожиданной цепочке дойти до человека, для которого они окажутся чрезвычайно важными.

Мольес приходил в таверну через дом, расположенный на соседней улице и примыкающий к заднему двору таверны. Он проходил в специально отведенную для него комнату, и туда же через общий зал таверны приходили его люди. А уж кто, куда и зачем здесь идет, народ был спрашивать не обучен. Надо — значит, идет. Тому, кто

суется в чужие дела без спросу, быстро укоротят любопытный нос.

Агенты Мольеса получали от него оплату каждый по своему положению, кто битой медью, кто чистым золотом, кто информацией, а кто удовлетворялся тем, что его в свое время оставили в живых. Капитан умел подбирать себе осведомителей. И умел их с толком использовать.

В столице постоянно происходят события, которые нельзя выпускать из-под контроля. Обедневшие дворяне вечно ищут возможности восстановить утраченное величие, ввязываясь в разнообразные авантюры. Богатые вельможи с тем же безрассудством стремятся превзойти равных себе в богатстве и роскоши, славе и власти. Гадючник. В этой мутной воде можно выловить все, что угодно. В погоне за избыточным они часто жертвуют необходимым, а если и добиваются успеха, то часто совершают при этом поступки, за которые потом им приходится долго расплачиваться. У каждого найдется своя коллекция мрачных тайн. А светлых тайн вообще не бывает.

Король Конан принял капитана Мольеса в своем кабинете наедине. Право короля обсуждать любые проблемы со своими советниками, но доклад тайной полиции должен быть тайным. Это условие капитан поставил перед киммерийцем сразу и безоговорочно. Иначе секреты будут утекать, а работа агентов окажется бесполезной.

— Что слышно в народе? — благодушно спросил Конан, приветствовав Мольеса.

— Услышать можно все, что захочешь, — по-

жал плечами тот. — Всегда найдутся дураки и блаженные, восторженные приверженцы и упертые недоброжелатели. Но в целом настроение в столице спокойное. Народ надеется, что Аквилонии удастся прожить хоть несколько лет без войн и прочих бедствий. Ремесленники загружены заказами, неплохо зарабатывают сами и могут платить наемным помощникам. Торговля успешна, цены на продукты терпимые. Так что положение в стране устойчивое.

— Однако есть и какие-то проблемы? — догадался Конан не столько по словам капитана, сколько по его недомолвкам и интонациям.

— Проблемы есть всегда, — Мольес мягко уклонился от прямолинейного ответа, разжигая интерес повелителя, и продолжил: — Есть люди, которые при прежнем короле имели большое влияние, и они не перестают вынашивать планы восстановления на престоле Аквилонии наследников старой династии.

— Хотеть они могут, — усмехнулся Конан. — Но есть ли у них какие-нибудь возможности для осуществления этих планов?

— Пока что это только разговоры, — согласился капитан. — Но они будут искать удобный случай. А кто ищет, тот находит.

— Что же они могут найти?

— Обычные приемы, чтобы освободить трон. Яд в бокале дорогого вина. Кинжал в спину от купленного телохранителя. Ловушки. Магия.

— Что тебе известно об их магических возможностях? — нахмурился Конан.

Больше всего на свете он не любил, когда против него применяли магию. Киммериец предпочитал встретиться с любым самым страшным противником лицом к лицу, чем попасть под воздействие магических чар. Ему удавалось с честью выходить из таких ситуаций, но даже те немногие моменты, когда вражеская магия делала его совершенно беспомощным, отравляли ему радость от одержанных в итоге побед.

— Пока почти ничего, — ответил капитан. — Я знаю, что заговорщики ищут возможности привлечь к себе магов Стигии и Шема. Но насколько они преуспели в этом, мне пока не удалось выяснить.

— Что ты предлагаешь? — варвар был сосредоточен и серьезен.

— У меня есть список заговорщиков, — медленно начал Мольес. — Самое благоразумное — схватить их, пока они не сумели получить возможность реализовать свои планы.

— А что с ними делать потом? — взгляд киммерийца стал пронзителен и суров.

Мольес понял, что наступил критический момент. Конан ненавидит магию и вполне готов для того, чтобы согласиться начать истребление своих противников. А это даст в руки начальника стражи абсолютное оружие. Получить из рук короля право распоряжаться жизнью и имуществом любого человека, — что может быть лучше?! Любой твой враг может быть повержен в полное ничтожество обвинением в покушении на престол. Любой вельможа будет просить как о мило-

сти возможности быть полезным карающей деснице правосудия.

— Казнить, — твердо произнес начальник стражи. И, чтобы закрепить свой вывод, начал объяснять королю преимущества такого решения. — Истребление заговорщиков даст отличную возможность запугать врагов и окружить себя верными сторонниками. Имущество их, и немалое имущество, пополнит казну. Для великих свершений понадобится много денег, а среди заговорщиков много богатых людей.

— Выделить долю доносчикам, — тихо подсказал Конан.

— Непременно! Тогда никто не останется в стороне от бдительных взоров окружающих.

— А кто сказал тебе, капитан, что я собираюсь прославить свое царствование великими свершениями? — голос короля был полон холодной ярости. — Что такое великие свершения? Могучая армия, которая сокрушит соседние королевства и создаст великую империю, которая развалится на куски после моей смерти? Это вполне достижимо, но зачем мне это? Или мне прославиться строительством грандиозных сооружений? Вроде пирамид в Кемии? Вбухать в их строительство все силы и средства, надуваясь от гордости как павлин? И ради этого ты предлагаешь мне устроить в Аквилонии беспощадную резню? Казнить людей только за то, что они думают обо мне не то, что мне хотелось бы? И ради этого расплодить доносчиков и лжесвидетелей, которые будут подводить соседей под тонер, чтобы получить часть

их имущества? Да не будет мое имя покрыто таким позором!

Мольес понял, что допустил серьезную ошибку. Гнев и страх, вспыхнувшие в его душе, не отразились на его лице, но он почувствовал, что покрывается потом. Надо было немедленно исправлять положение. Он почтительно поклонился и, демонстрируя почтительное понимание, вдумчиво произнес:

— Я покорнейше прошу повелителя не гневаться за чрезмерное усердие его слуги. Но я должен буду продолжать следить за заговорщиками, пока не смогу представить на суд доказательства их противоправных действий?

— Именно так! — рявкнул Конан. — Я полагаюсь на твой бесценный опыт, капитан, и буду карать преступников по их вине. Но по одному лишь подозрению, что они плохо обо мне думают, я не могу арестовывать и казнить людей. Я понял, что ты мне предлагал. Страшное средство — разрешить людям расправляться со своими врагами посредством доноса и клеветы. Действительно мощный способ для того, чтобы добиться поставленной правителем цели. Но пойми, Мольес, что навязано людям силой, обречено в скором времени рассыпаться в прах! Мне не нужна краткая слава людоеда. Я сделаю все, чтобы мои мечты сбылись, но не боюсь, что они не сбудутся. Я надеюсь, что ты действительно хотел дать мне возможность добиться желаемого, но это средство не для меня. Пусть от этого тебе придется приложить больше усилий для того, чтобы обес-

печивать безопасность столицы, но не надо искать слишком легких путей. Они не ведут к достойной цели.

Капитан последовал за киммерийцем в расстроенных чувствах. С одной стороны, король не позволил ему реализовать его честолюбивые замыслы. Но при этом он не лишил его поста, на котором Мольес все же имеет достаточно большие возможности.

Он еще придет к королю с раскрытыми настоящими заговорами. И поразит врагов киммерийца, и добьется уважения и признания своих заслуг!

Конан занял свое место и приказал звать верховного жреца Матиатида. Тот вошел в сопровождении двух прислужников. Пожилой человек высокого роста с бледным лицом и тусклым взглядом был одет в расшитую золотом мантию. Степенно приблизившись к трону, он приветствовал короля.

— Милость великого Митры способствовала одолению врагов государства и возведению на престол Аквилонии величайшего из королей, — сказал он. — И чтобы впредь благоволение нашего небесного покровителя не оставило смертных, нам надлежит не забывать в дни благополучия отдавать ему должное.

— Несомненно, — кивнул Конан.

Благостный Митра никогда им особо не почитался, суровый киммериец превыше всех богов почитал Крома.

Но королевский трон не лучшее место для ре-

лигиозных диспутов. Митра вполне подходящий бог. Вот темным богам киммериец не стал бы совершать предписанные обряды.

— Через два дня в главном храме столицы будет проходить обряд, посвященный Великому Митре, — продолжал тем временем жрец. — Вашему величеству надлежит принять в нем участие, чтобы народ мог убедиться в божественной поддержке избранного повелителя Аквилонии. Для этого я прошу посетить храм накануне, чтобы служители храма объяснили все подробности обряда.

— Я обязательно буду, — ответил Конан.

— Хорошим предзнаменованиям весьма способствуют богатые подарки храму, — продолжал Матиатид. — Подарки, которые должны быть истину достойны короля Аквилонии.

— Подожди, почтеннейший, — нахмурился киммериец. — Я вовсе не против подарков храму, но на престоле Аквилонии мне достались не сундуки, полные сокровищ, а многочисленные проблемы, для решения которых нужны время и деньги. Много денег! Мне важнее укрепить безопасность страны, чем украсить храм!

— Красота и величие храма — это не пустая роскошь, — твердо возразил жрец. — Ничто так разрушающе не действует на умы людей, как прозябание священнослужителей и упадок храмов. И ничто так не воодушевляет их, как величие образов, которые открываются им пред ликом Великого Митры. Если люди заботятся только о своих телесных потребностях, то они пре-

вращаются в бессмысленных скотов. Люди не свиньи, чтобы знать только свою кормушку, им необходимо видеть звездное небо над головой и величие храмов своих богов. Тогда они готовы работать и сражаться, тогда страна становится великой и непобедимой.

— До тех лишь пор, пока люди и в самом деле верят в силу обрядов. Когда их выполнение превращается в обязательный ритуал, вера умирает, не так ли?

— Так вот мы и делаем все возможное, чтобы не слабела вера в сердцах людей!

— И что-нибудь получается?

— А кто может это определить? Мы просто смиренные служители Митры и делаем лишь то, что в наших силах.

— Ну, хорошо. Так что же все-таки с подарками храму? Я не могу отдать деньги, предназначенные для оплаты неотложных надобностей государства.

— Храм не настаивает на том, чтобы получить деньги или драгоценности. Король может пожаловать храму часть земель короны. Доходы пойдут храму постепенно.

— Нет! — твердо ответил Конан. — Доход ведь дает не земля сама по себе, а люди, которые работают на ней. Я не буду отдавать людей в зависимость кому бы то ни было. Вот что, часть коронных драгоценностей мне все же досталась. Я передам их храму при условии, что они останутся в нем и впоследствии будут выкуплены обратно. Хорошо?

— Пусть будет так, — склонился в поклоне Матиатид. Он был разочарован, но умело скрывал это.

— У тебя есть еще какие-нибудь пожелания или известия?

— Да. В последнее время служители Митры чувствуют ослабление веры и уход людей к проповедникам других религий. Мы просим короля Аквилонии принять меры к тому, чтобы оградить страну от вредоносного влияния извне.

— А сами вы не в состоянии убедить людей, что лучше поклоняться Митре, чем чужим богам? — нахмурился Конан. — Трудно людей заставить во что-то верить!

— Речь не о том, — поправился жрец, — Мы говорим о последователях темных культов, которые обещают своим людям магическую поддержку и покровительство. Они обманывают простаков, обещая им немереное могущество, умалчивая при этом, чем им придется расплачиваться за исполнение обещанного. И злое колдовство отдает людей во власть темных сил.

— Ты можешь сказать, кто этим занимается? — грозно спросил король.

— Да. Недавно мы застали недалеко от столицы стигийских магов, которые приносили в жертвы демонам преисподней людей. Покупали рабов и убивали их во исполнение черных обрядов. Мы сорвали им ритуал и разогнали их, но у нас не было воинов, чтобы схватить нечестивцев на месте.

— Ты слышишь? — обратился Конан к капи-

тану. — Вот тебе достойная цель. Пусть твои люди выслеживают этих магов и ведут на мой суд. Я не потерплю, чтобы в Аквилонии приносились человеческие жертвы!

— Будет исполнено, повелитель, — склонился в поклоне Мольес. Вот и появился у него шанс проявить себя перед королем.

— Кстати, — обратился Конан к жрецу, — вы в храме тоже, наверное, магией занимаетесь?

Матиатид замаялся. Ненависть короля к магам была общеизвестна и признавать занятия магией было рискованно. Но отрицать это было бы просто глупо. Киммериец, без сомнений, поймет, что его обманывают, и только укрепитя в своих подозрениях.

— Наша магия берет силу от обращения к светлым богам, — осторожно сказал жрец.

— Я тебе, конечно, верю, — мягко сказал Конан. — Но передай всем заинтересованным людям — я не собираюсь запрещать занятия магией всем подряд. Пока маг помогает людям бороться с порождениями зла, пусть будет спокоен. А вот если он вздумает искать силы и могущества в привлечении сверхъестественных сил, я его уничтожу. Никогда из этого не выходило ничего, кроме смерти и бедствий для людей. Так что пусть даже и не пытаются.

— Мудрость повелителя безгранична, — Матиатид с облегчением склонился в глубоком поклоне.

— Если у тебя все, то можешь быть свободен.

* * *

Ранним солнечным утром отряд всадников выехал из главных ворот Тарантии и скорой рысью отправился на восток. Два десятка воинов в полном боевом снаряжении сопровождали короля Конана Аквилонского и нескольких его спутников, среди которых было два чиновника из людей канцлера Публио, пара жрецов из храма Митры — грамотеи и любознательцы, и посланец, который доставил в столицу сообщение о том, что с неба на землю Аквилонии опустился неведомый объект.

Место его посадки оказалось неподалеку от Тарантии, и довольно скоро королевский отряд выехал к указанному месту. Равнина с полями и деревнями здесь переходила в холмистую возвышенность, покрытую лесами. Леса, правда, были основательно вырублены в последнее время — на строительство и на дрова. На одной из старых вырубок лежала гигантская болванка темного металла. В длину она достигала три сотни шагов, а в ширину полусотни. Высоту ее Конан оценил в четыре своих роста. Форма болванки была каплеобразная.

Навстречу королю подъехал стражник из числа тех, которые окружали вырубку редкой цепочкой охраны.

— Рассказывай! — приказал Конан.

— Так что вчера под вечер эта штука появилась в небе со стороны юго-востока, пролетела, постепенно снижаясь, и опустилась вот сюда.

— Как быстро она летела?

— Да довольно неторопливо. Раза два можно было сосчитать до ста. И спускалась она не круто, а по пологой дуге. Когда снизилась, замедлила свое движение, и опустилась уже совсем медленно. И гудела при этом так, что уши закладывало. А когда опустилась, гудение медленно стихло.

— Что еще особенного наблюдалось при этом?

— Ну, еще было слабое свечение вокруг нее, пока она по небу летела. Мы-то в деревне были, а когда увидели эту штуку, я свой десяток собрал, послал гонца в город, а сам двинул посмотреть, что это тут будет. Видно же, что это не просто глыба металла, пусть даже поднятая в небо магией какого-нибудь колдуна. Мало ли что из нее может появиться?

— Верно рассуждаешь, — похвалил воина Конан. — А к самой болванке подъезжали?

— Подходили. Штука эта под своим весом потихоньку уходит в землю, хрустят сминаемые сучья, но больше никаких звуков от нее не доносится. Да, еще она немного теплая. А металл весь как будто источенный с поверхности — где глубокие ямки и бороздки, а где просто матовая оболочка. Но поверхность болванки без швов или разъемов. Монолит.

— Стучать пробовали?

— Нет. Побоялись.

— А это что там поблескивает?

Конан увидел, что на тусклом металле появился стеклянный отблеск, мигнул и снова возник.

— А не было ничего такого, — смутился воин.

— Наверное, только сейчас появилось. Похоже, внутри кто-то есть. Какой-то это воздушный корабль получается.

Конан сделал знак воинам сопровождения и распорядился:

— Четверо вперед. Десяток пусть будет позади с луками наготове, остальные прикрывают нас с флангов.

Конан со свитой последовал за четверкой разведчиков, которые подъехали к небесному кораблю почти вплотную. В металлической громадине вдруг возникла темная полоса, ограничивающая прямоугольник на некотором возвышении над уровнем земли, в которую уходило дно корабля. Беззвучно скользнули в стороны толстые металлические пластины, медленно выдвинулась вперед площадка из блестящего металла, огражденная прозрачным бортиком, и из недр корабля вышел человек.

Он был невысокого роста, облачен в одеяние из плотного серого материала без швов и отверстий. Бледное лицо его имело черты вроде бы вполне обычные, но никто не принял бы его за уроженца любой из известных стран. Он громко произнес несколько слов на неизвестном языке, потом рядом с ним развернулось широкое белое полотнище, на котором тут же возникло яркое изображение обширных построек, наблюдаемых с дальнего расстояния.

Среди строений лежал воздушный корабль, в который вошли несколько человек. Вход плотно

закрылся и корабль стал быстро подниматься над землей, пролетая над полями и озерами, оставил землю далеко внизу и устремился, все ускоряя движение, в непроглядную черноту, пробитую лишь светом звезд. Солнце, оставившееся сбоку, быстро исчезло где-то позади. Потом одна среди звезд превратилась в маленькое пятнышко и вскоре стало понятно, что это солнце. Другое солнце. Оно явно отличалось от первого более желтым оттенком. Корабль устремился еще к одному светлому пятнышку возле солнца, которое разрослось, надвинулось, и Конан узнал в появившейся картине равнину Аквилонии, окружающие ее горы, ее реки и города.

— Они из другого мира, — восхищенно произнес один из жрецов.

Тем временем на полотнище стали возникать простые картинки — солнце, корабль, человек, а человек из корабля стал громко и отчетливо называть их. Потом он обратился к зрителям, явно ожидая, что они тоже будут называть эти картинки на своем языке.

— Он хочет учиться нашему языку, — сказал один из воинов первого ряда, поворачиваясь к Конану.

— Конечно, — ответил киммериец. — Но если они совсем не знают нашего языка, то это будет довольно долго. Кому-то надо будет остаться здесь. Учить их язык и учить их нашему.

— Мы останемся, — вызвался один из жрецов.

— Хорошо. Я оставляю вам десяток воинов. Они будут вас охранять и устроят лагерь непода-

леку. Но имейте в виду — я не хочу, чтобы они усвоили наш язык лучше, чем мы — их. Это даст им некоторое преимущество, поэтому обмен словами должен идти в обе стороны одинаково. Я бы вообще предпочел взять одного из них в столицу и вести переговоры там — медленно и вдумчиво. Но брать его силой мне не хочется, мало ли какими силами они могут управлять, если уж сделали звездный корабль.

Король обернулся к чиновникам канцлера:

— Вы тоже остаетесь здесь. Участвовать в изучении языка, но при этом вы должны понять цели чужеземцев. Зачем они прилетели к нам. Что их интересует. Каковы их планы. Каковы их возможности. Что мы можем получить от них, и чем за это придется расплачиваться. Вы должны следить, чтобы никто из наших людей не выболтал чужакам чего-либо лишнего. Я не знаю, что это может быть, но вы люди опытные и сами должны будете сообразить.

Конан распорядился половине своих воинов сопровождения оставаться здесь и ставить в некотором отдалении от звездного корабля полевой лагерь, везти из ближайшей деревни продукты и посуду, велел послать гонца в Тарантию, чтобы оттуда прислали еще пару десятков воинов. Киммериец не хотел выпускать действия пришельцев из-под плотного наблюдения.

Он медленно поехал по окрестным вырубкам, держа корабль в поле зрения и прикидывая возможные подходы к нему. Конан напряженно размышлял о том, что может быть нужно людям,

которые могут летать меж звезд? Что можно будет им противопоставить, если они окажутся завоевателями? Стрела и меч возьмут их так же, как и всех прочих людей. Но если они закроются в корабле, то никакая катапульта не прошибет стальную оболочку. А сила, способная двигать такую махину, сможет сокрушить любое воинство. И опустился корабль на холме, его не удастся, например, затопить водой. Мысли Конана становились все более мрачными. Обладающий силой способен навязать свою волю более слабым. Как можно будет им сопротивляться?

* * *

Несколько дней Конан провел в напряженной суматохе непрерывных дел. Праздник в главном храме столицы и прием гостей, донесения из провинций и переговоры с магистратом, обращения баронов со своими проблемами и беседы с людьми, назначаемыми королем на государственные должности. Киммериец убеждал и требовал, объяснял и орал на особо упрямых. Начальник стражи принес известие о готовящемся покушении на государя Аквилонии и своих немыслимых усилиях по установлению заказчиков. Наконец, король выбрал время съездить к кораблю пришельцев. Конан нагрянул без предупреждения, но остался доволен организацией охраны. Нападения врагов ждать не приходилось и солдаты, конечно, бездельничали, но оцепление было выставлено, и государя встретили в полной боевой готовности.

В обустроенном лагере сидели жрец с чиновником и, перебирая листы пергамента, бубнили непонятные слова.

— Язык учите? — спросил Конан, — И как уже продвинулись?

— Неплохо продвинулись, государь. Но чужеземцы учатся быстрее. Они, похоже, с одного раза запоминают слова и если переспрашивают, то только для того, чтобы точнее уяснить смысл нашего слова. А мы записываем их слова и потом учим.

— Так с ними уже можно будет нормально говорить, или еще нет?

— Можно. Они уже хорошо говорят по-нашему.

— И чего они хотят, говорили?

— Мы пока в основном занимались языком. А вот чего они просили, так это дать им разных наших растений и животных.

— Зачем? В пищу?

— Насколько мы поняли, нет. Им были нужны живые существа, а не мясо. Мы пока не стали им ничего давать — мало ли зачем им это нужно. Но они зачерпнули небольшой кусок земли и унесли ее внутрь корабля.

— Хорошо. Я сам с ними об этом поговорю. Как они себя называют?

— Тот, с которым мы учим язык, зовется Сути. А свой народ они называют Артис.

Конан прошел к звездному кораблю, где вторая пара аквилонцев вела разговор с пришельцем, старательно записывая каждое новое слово.

Увидев приближающегося короля, они прекратили свое занятие и почтительно приветствовали государя. Сути со своей площадки обратился к нему:

— Я рад встрече с великим королем Аквилонии.

Говорил он вполне отчетливо, но чуткое ухо киммерийца уловило небольшую заминку перед каждым произносимым словом и некоторую безжизненность интонаций.

— Если вы настолько хорошо изучили наш язык, — сказал Конан, — то нам пора уже поговорить о серьезных вещах. Насколько я понимаю, полет между звезд — дело нелегкое и недешевое. Что вы хотели найти в нашем мире? Какая у вас цель?

— Мы хотели узнать, есть ли у других звезд миры, подобные нашему, — ответил Сути. — Познание мира — высшая цель деятельности разумных существ.

— Ну да, — Конан согласно покивал головой. — Но вот вы увидели наш мир. И что дальше? Вы хотите торговать? Тогда что из наших товаров может быть вам нужно? Я сомневаюсь, что вам нужны золото и драгоценные камни?

— Да, — согласился Сути, — наш корабль стоит больше, чем если бы он был сделан из чистого золота и наполнен алмазами.

— То есть в честном обмене нам нечего вам предложить. А зачем вам понадобились наши животные и растения?

— Чтобы узнать, как они устроены.

— Зачем?

— Наши болезни могут оказаться опасны для вас, а ваши — для нас. Понимаешь? Все живое в каждом из миров приспосабливается к своим болезням, а чужие организмы могут оказаться в ином мире смертельно опасными. Поэтому мы не выходим из корабля, пока не проверим, безопасно ли это.

— Может оказаться, — медленно произнес Конан, — что из вашего корабля выйдет зараза, которая оставит на месте нашего мира гигантское кладбище?

— Да. Но мы не допустим такого. Мы сначала должны изучить устройство живых существ вашего мира и исключить опасность заражения.

— Зараза или есть или нет. Что тут можно сделать?

— Мы можем изменять свойства живых организмов и их чувствительность к болезням.

— То есть можете сделать лекарство против определенной болезни?

— Да.

— Но тогда вы можете сделать и болезнь? Наделить живое вредоносными свойствами?

— Но нам это не нужно!

— А что же вам нужно?

— Знания! Знание о том, как устроен мир, дает нам возможность использовать движущие силы природы в своих целях. Мы обеспечены пищей и одеждой, жильем и инструментами, мы можем летать с огромной скоростью и узнавать о происходящем в других странах. У нас есть все

необходимое. Но узнать — как устроена жизнь в других мирах — это новые знания и новые возможности. Ради этого мы готовы даже предоставить вам некоторые наши устройства. Без оплаты, в знак добрых намерений. Вот.

Сути протянул киммерийцу округлый предмет размером с кулак.

— Он тщательно очищен от возможности заражения, — сказал пришелец, — Если нажать выступ на устройстве, то можно будет говорить с нами, находясь на большом расстоянии от корабля. Если мы захотим что-то срочно сообщить тебе, то аппарат издаст громкий писк.

Конан с сомнением взял предмет и рассмотрел его. Он был легкий, но прочный. Рядом с выступом, на который надо было нажимать, имелось несколько рядов мелких отверстий.

— Одно устройство? — спросил король.

— Пока да. Потом мы сделаем для тебя еще несколько аппаратов.

— И тогда мои люди могут сообщать мне о происходящем в разных краях государства без ожидания, пока гонец доставит сообщение, — медленно проговорил Конан.

— Конечно.

— Это ценная вещь для армии.

— Армии? — смутился Сути. — Мы не хотели бы, чтобы наши устройства применялись для войны.

— У вас есть оружие? — как бы ненароком спросил Конан.

— У нас на корабле нет специальных боевых

средств, — осторожно ответил Сути, — но некоторые наши устройства можно использовать как оружие.

— Понятно, — задумчиво проговорил король, — любой транспорт можно использовать для переброски войск, любой инструмент можно использовать как оружие...

— Но ведь это неправильно. Инструмент — это то, что позволяет создавать что-то новое. А любое, самое совершенное оружие, это всего лишь разновидность дубины. Мы можем, например, пришить отрезанную руку или ногу. Никакое оружие не заменит в этом случае инструмент врача. И за все золото вашего мира ты не сделаешь этого. Так?

— Так, — согласился Конан. — Но отрезанная рука или нога может появиться только от удара человеческим инструментом. А если человеку оторвет руку какой-нибудь зверь, то пришивать будет уже нечего. И некому. Так что такое достижение не кажется мне столь уж полезным. Я себе представляю — как ваши лекари идут следом за войском и пришивают руки, ноги и головы, только что отрубленные в битве.

— Мы сделаем все возможное, чтобы вы могли жить без войн, торжественно произнес Сути.

— Каким же это образом? — насторожился Конан. — Если у людей идет борьба за то, чей род будет жить на спорной земле, то только сила дает ответ на этот вопрос.

— Мы создадим для вас более продуктивные виды растений. Земля сможет прокормить всех.

— А если кто-то не захочет менять свою жизнь по вашим советам?

— Мы никого не собираемся принуждать к чему-то. Мы надеемся, что наши знания смогут вам помочь, и ваши люди сами увидят, что им будет лучше.

— Не знаю, не знаю. Людей всегда интересует, чтобы лучше стало не кому-то вообще, а только себе лично. Они часто готовы причинить соседу немереный вред, лишь бы получить от этого ничтожную пользу для себя. Так что крайне рискованно пытаться сделать людям «как лучше». Для этого надо быть готовым беспощадно карать сопротивление. Это я на себе испытал. Ладно, я понимаю, что вы управляете силами, недоступными для нас, и сможете добиться своих целей через мое содействие. Вам доставят все, что вы попросите. Но я очень прошу вас быть осторожными и ничего не предпринимать без моего ведома. Чтобы не сделать чего-то, что недопустимо, а вы этого просто не знаете.

* * *

Переделав с утра множество неотложных дел, Конан вернулся в свои покои усталый и раздраженный. Он чувствовал, что попадает в какую-то безвыходную ситуацию — чем больше он отдает распоряжений, своей властью направляя подвластных ему людей на исполнение намеченных им целей, тем чаще обнаруживает, что без его приказов уже ничего не делается вообще. Но не мо-

жет же он держать в уме все повседневные нужды и распоряжаться каждым из слуг! Король раздраженно стукнул кулаком по столу. «Надо будет требовать, чтобы повседневные дела делались в обычном порядке, а приказывать только в случае необходимости», — подумал он.

Что делается против установившихся обычаев, то вязнет в пучине повседневных дел. Король может одним словом послать в поход многотысячное войско, казнить неугодных или устроить строительство грандиозных сооружений, но как только он пытается прекратить воровство и незаконные поборы, вымогаемые сборщиками налогов, так вся его власть становится бессильной, как клинок в трясине. Не за что ухватиться, некого покарать... То есть покарать-то можно, только каждый следующий чиновник немедленно начинает делать то же самое, за что был наказан его предшественник.

На столе пронзительно засвиристел аппарат связи, который Конан получил от пришельцев. Он схватил аппарат, нажал на выступ и раздраженно рывкнул:

— Я слушаю!

— Король Конан, — раздался из аппарата громкий отчетливый голос Сути. — Мы подвергаемся враждебному воздействию. Если это возможно, окажите нам помощь!

— Что случилось? — удивился киммериец.

— Ваш лагерь возле нашего корабля захвачен очень сильным магом. Он пытается получить контроль над нами. Мы просим о помощи!

— Вы не можете справиться с магией?

— Мы можем испепелить всю вашу страну со всеми ее магами! Но корабль при этом тоже погибнет. А менее мощные средства мы не рискуем применять. Маг уже отразил нашу попытку очистить пространство вокруг корабля и вывел из строя некоторые наши приборы. Остановите его, пока он не совершил непоправимого!

— Разве ваш корабль потерял способность летать? — спросил Конан.

— Он, похоже, увеличил сцепление корабля с землей. Мы не можем оторваться от ее поверхности.

— Влипли! — понял киммериец.

Он быстро пересек кабинет, резко распахнул дверь и распорядился:

— Коня мне! Сотню конной гвардии немедленно к выезду. Посыльного в храм Митры — пусть шлут за нами следом своих лучших магов.

Когда отряд во главе с королем подъехал к повороту от основной дороги на вырубке, их не встретил дозор, и Конан помрачнел. Или его люди, охраняющие лагерь, безобразно распустились и совершенно забросили службу, или его ждет ловушка. Он послал вперед дозорных и медленно последовал за ними. Наконец впереди показался лагерь. Несколько палаток, загон для лошадей, костер с висящим над огнем котлом и кашевар возле него. Лагерь как лагерь. Несколько воинов сидят на траве, перекрывая тропу.

Конан подозвал командира десятка дозорных и велел ему подъехать к этим разгильдяям и

приказать им подойти к королю. Дозорные подъехали к лагерю, но после непродолжительных переговоров не только не вернулись к своему повелителю, но медленно спешили и отправились куда-то за палатки.

— Так... — прошипел киммериец, наливаясь гневом, — Это все-таки ловушка. Будь там что угодно иное, воины должны были бы вернуться и сообщить мне — что им там сказали.

Он обернулся и подозвал к себе сотника.

— Митран, среди твоих гвардейцев найдутся такие люди, которые могут не только в поле биться и дворцы охранять? Мне нужны лазутчики, чтобы скрытно подобраться к лагерю и кораблю пришельцев и обнаружили, где скрывается маг.

— Найдутся государь, — уверенно ответил сотник.

— Хорошо, пришли их ко мне, остальные пусть ждут здесь, но не теряют осторожности. К лагерю больше пусть никто не подъезжает. Если к ним кто-то выйдет, встречать двойным дозором, а при малейших подозрениях отступать. Похоже, что этот поганый маг околдовывает моих людей и чем больше воинов окажется в лагере, тем сложнее будет с ним справиться.

После полудня лазутчики стали возвращаться, но не все. Из восьми человек вернулось только пятеро. Остальные оказались недостаточно осторожны и безвольно ушли в лагерь, захваченный магом. Тот расположился возле корабля пришельцев и что-то там колдовал, а взятые под

контроль аквилонцы были стянуты вокруг и прикрывали его от возможного нападения.

Звездный корабль пытался бить по окрестностям огненными лучами, выпускал малые летающие аппараты, но магу удалось их приземлить, а огненные лучи бесполезно жгли склоны окрестных холмов. Вход в корабль был все же закрыт.

Из города подъехал еще один небольшой отряд воинов, сопровождавший жреца Митры и начальника стражи. Мольес тут же пожелал сообщить королю донесения своих агентов. Оказывается, шемитские торговцы ожидали прибытия в Аквилонию сильного офирского мага и связывали с этим какие-то неясные надежды на упрочение своего положения. Сообщения агентуры основывались на услышанных вскользь недомолвках и намеках, поэтому точных сведений не было, но Мольес утверждал, что это несомненный заговор против короля.

— Похоже, что этот маг отклонился от заданной цели, услышав про корабль пришельцев.

Тем временем жрец попытался своим магическим искусством уловить воздействия вражеского мага и заявил, что магия явно южная, очень мощная и агрессивная.

— Ты сможешь ее подавить? — спросил Конан, не желая вдаваться в совершенно ненужные ему подробности.

— Вряд ли, — смутился жрец, — В лучшем случае я смогу отвлечь этого мага, но он явно сильнее.

— Ладно. Хотя бы отвлечешь его внимание,

когда мы пойдем в атаку. Хочу надеяться, что он не будет успевать околдовывать моих людей, когда они помчатся на всем скаку.

Где-то сбоку заверещал сигнал аппарата связи. Конан ругнулся, подошел к своей лошади и достал из седельной сумки аппарат.

— Сути вызывает короля Конана! — раздался голос пришельца.

— Я слышу тебя. Что случилось?

— Маг пытается прожечь корпус нашего корабля! Если его не удастся остановить, мы уничтожим корабль!

— Понял! Я начинаю атаку, попытайтесь чем-нибудь отвлечь мага!

Конан начал распоряжаться, и вскоре его гвардейцы двумя колоннами устремились в атаку. Сам король с двумя воинами поскакал стороной, чтобы обогнуть лагерь и напасть на самого мага. Звездный корабль тем временем выпустил в воздух сразу несколько малых летательных аппаратов, которые попытались атаковать шатер мага, расположенный рядом с кораблем.

Конники ворвались в лагерь, сбивая с ног встречных, и стараясь оглушать их, а не убивать — ведь это были свои же люди, пусть и попавшие под воздействие вражеской магии. Лязг железа и конское ржание, топот копыт и воинственные крики, беспорядочное месиво людей и животных в облаке пыли, поднятой воздух копытами несущихся лошадей.

Тем временем Конан подскочил к шатру возле корабля пришельцев и, прыгнув с лошади, во-

рвался внутрь с мечом наготове. В мягком сумраке он увидел что-то вроде алтаря, освещенного тусклым пламенем светильника, большой медный кувшин, покрытый рядами магических символов, и фигура волшебника с грозно воздетыми руками. Король не стал дожидаться, пока маг закончит свое колдовство — меч темной молнией мелькнул в воздухе и раскроил врага напополам.

Клинок еще не закончил свое смертоносное движение, а киммериец уже понял, что его обманули. Меч шел не так, как должен идти сквозь человека. На пол упали деревяшки манекена, разрубленные мощным ударом короля, и перед Конаном появился сам маг с вытянутой вперед рукой, ладонь его была обращена к непрошеному гостю.

Король попытался рвануться вперед и достать клинком настоящего противника, но короткая вспышка белого огня расцвела перед взором киммерийца, и он почувствовал, что не может двинуться с места.

Маг тем временем повернулся и парализовал одного из спутников Конана, ворвавшегося в шатер следом за своим повелителем, отступил на шаг назад и проделал то же самое со вторым воином. Но этого момента Конану хватило, чтобы вскипевшая злость придала ему силы преодолеть колдовство. Ему казалось, что ноги его прибиты к полу, и он по-прежнему не мог сойти со своего места, но он сделал неимоверное усилие и нанес еще один удар мечом.

Маг стоял слишком далеко, и киммериец не

пытался в этот раз достать мага. Он рубанул по кувшину на алтаре, и тот с глухим звуком расцелся под острым клинком. Оттуда плеснуло нестерпимым жаром, и вокруг алтаря возник слабо светящийся шар с туманными краями и сетью злых молний в сердцевине. Маг издал вопль, полный отчаяния и ярости, выхватил из складок одежды какой-то талисман и обратился к огненному шару, явно пытаясь взять его под свой контроль.

Король на подгибающихся ногах отошел от алтаря в сторону и сбоку приблизился к магу, занося меч для удара. Если тот сумеет обуздать своего огненного демона, то клинок киммерийца не даст ему воспользоваться этим успехом. Маг тяжело дышал и придушенно шептал свои заклинания, но Конан почувствовал, что он не может справиться с огненным демоном, освободившимся из-под власти заклинаний.

Тот не оставлял своих попыток, но стал покачиваться из стороны в сторону, дыхание его перешло в хрипение, от него пошел пар, и маг наконец не выдержал противодействовавшей ему силы. Издав громкий крик, он рухнул навзничь. А огненный шар удовлетворенно зашипел и двинулся к киммерийцу. Конан полоснул по нему клинком и, освобождаясь от магической немощи, стал рубить снова и снова. Его волшебный противник не терпел явного урона, но все же старался уклоняться от ударов меча, а потом и вовсе устремился прочь и вылетел из шатра.

Конан выглянул наружу и увидел, что еле

видный на фоне неба шар медленно удаляется, направляясь на юг. Король вернулся в шатер и осмотрел мага. Он был мертв. Воины, сопровождавшие киммерийца, лежали без сознания, но дышали. Конан вынес их на свежий воздух и осмотрелся.

Звездный корабль вдруг ожил, раздвинул плиты корпуса и выдвинул площадку. Аппараты пришельцев, лежавшие возле шатра грудой неподвижного металла, один за другим стали подниматься в воздух и возвращаться внутрь корабля. Потом на площадку вышел Сути.

— Спасибо тебе, король Конан, — торжественно сказал он. — Ты смог предотвратить великую катастрофу. Не подозревай нас в захватнических планах, их нет! Когда-нибудь мы вернемся, и наш контакт окажется более плодотворным.

— Хорошо, — ответил Конан. — Только заранее знайте, что кроме новых знаний и нам и вам придется столкнуться с новыми проблемами. Вы поняли, как маг смог удерживать ваш корабль? Вы сможете справиться с этим в следующий раз?

— Нет, — огорченно признал Сути. — Мы обнаруживали воздействие мага на наши приборы и аппараты, но его источник нам непонятен.

— Тогда не преувеличивайте своих познаний о мире.

— Хорошо. Прощай, король Конан!

— Прощай.

Площадка с Сути ушла внутрь корабля, сомкнулись железные плиты и корпус стал вновь неотличим от монолитного. Воздух наполнился низ-

ким гулом, от которого у киммерийца заломило зубы, и он предпочел отойти подальше. А корабль мягко приподнялся над землей, дрогнул, как будто отряхивая прилипшую к обшивке почву, и быстро устремился в сторону солнца, которое начинало клониться к закату.

К королю подъехали сотник Митран и жрец Митры.

— Как у вас дела? — спросил Конан.

— В атаке половина наших воинов была выбита колдовскими вспышками, — ответил сотник. — Но сейчас наваждение рассеялось, и люди приходят в себя. Пятеро убитых в стычке и восемнадцать достаточно тяжело раненых. И все наши воины обессилены, как после долгой битвы. Еле в седлах или на ногах держатся. Что это было, государь?

— Магия. Но сейчас маг мертв. А его демон удалился.

— Не очень далеко, — возразил жрец.

— Ты его можешь выследить? — повернулся к нему король.

— Могу. Я чувствую его. Он получил свободу от магических уз, но сейчас он слабеет. Я опасюсь, что он утнездится в каком-нибудь укромном месте и будет караулить неосторожных людей, которыми сможет поддерживать свою силу.

— Едем за ним! — воскликнул Конан.

— В одиночку? — удивился жрец. — Твои люди действительно сейчас не способны куда-то ехать или сражаться. Они станут легкой добычей демона.

— Если он сбежал от меня, то я догоню и добыю его, — вспыхнул киммериец.

— Твоя воля, государь, действительно способна сокрушить любого противника, — склонил голову жрец. — Едем. Я готов применить заклятие против демона — но, конечно, под твоим прикрытием. Один я против него не выстою.

Король и жрец поехали следом за удалившимся демоном. Ехать пришлось довольно медленно, потому что дороги через старую вырубку не было, и кони выбирали место, куда поставить ногу, на каждом шагу. Потом вырубка закончилась и пошли холмы, перелески, низины, заросшие кустарником. Конан заметил, что вдоль пути следования огненного шара трава и листья слегка отличаются по цвету от окружающей зелени — они были более бледными и желтоватыми, хотя и вовсе не выглядели опаленными огнем. Убедившись, что они находятся на верном пути, король поехал быстрее, его спутник с трудом поспевал за ним.

Наконец, уже в сумерках, они подъехали к высокому холму, заросшему густым колючим кустарником и покрытому россыпью огромных каменных глыб. След вел в заросли кустарника, но проехать здесь на лошади было невозможно, да и пешком пробираться весьма нелегко.

— Здесь он, — устало выдохнул жрец. — Точно. И место это не случайное. Похоже, что здесь когда-то очень давно было древнее святилище, не знаю уж какого бога.

Киммериец легко спрыгнул с лошади, беззвуч-

но вынул свой меч из ножен, подошел к зарослям кустарника и остановился, пристально вглядываясь сквозь него. Жрец тоже спешил, но не последовал за королем, а остался на месте, тяжело опираясь на седло своей лошади. Он был бледен и расстроен.

— Здесь он, государь, — сказал жрец, показывая на заросли. — Но опасное это создание. Я чувствую, что у меня с трудом хватит сил защититься от него самому. Демон питается жизненной силой людей, и офирский маг, подчинивший его себе, мог с его помощью подчинять себе чужое сознание. Так он смог заставить наших людей служить ему. А сейчас демон освободился от связывавшей его магии и может действовать самостоятельно.

— Оставайся здесь, — приказал Конан. — Я видел, как это создание старалось избежать ударов моего меча. Мне этого достаточно!

И он, раздвигая колючие ветки, двинулся вглубь кустарниковых зарослей. Когда он поднялся на вершину холма, уже почти совсем стемнело. Каменные глыбы лежали на вершине, образуя почти правильный круг, а в центре его, среди совсем уж непролазных зарослей, горел огненный шар. Конан вошел в каменный круг и остановился в некотором сомнении. Лезть в заросли, где не размахнешься мечом, где невозможно будет податься в сторону, зато легко запнуться и упасть, ему очень не хотелось. Вырубать весь этот кустарник — долго и нудно, противник легко может отступить, и как его тогда догонять?

— Король Конан Аквилонский, — раздался вдруг из кустов тихий, но вполне отчетливый голос. — Почему ты хочешь напасть на меня? Ты не сможешь причинить мне вреда, а я скоро все равно оставляю эту форму.

Голос звучал спокойно и уверенно. Он не запугивал и не подчинялся, но убеждал, как обращение могучего — к равному.

— Признай лучше меня своим богом, — продолжал голос, — и я поддержу твои великие замыслы своим немалым могуществом.

— Мой бог — Кром! — гневно воскликнул Конан.

— Бог воинов? Но много ли помогал тебе он? А я дам тебе настоящую силу и власть. Сотысячные вражеские армии будут уничтожены твоими войсками с моей поддержкой. Никто не сможет противостоять твоей воле, и твои потомки будут тысячи лет править миром, прославляя твое имя!

И перед мысленным взором киммерийца возник образ Великой Аквилонии. С хорошими дорогами и прочными мостами, с мощным флотом и неприступными крепостями, с процветающими городами и обустроенными деревнями, с покорными соседями и поверженными в прах врагами. И он почувствовал, что это — правда, что его не обманывают пустыми обещаниями.

— Твои потомки будут избранным народом, а я буду твоим богом, — продолжал голос. — Единственным! Пусть не будет у тебя других богов передо мной! А сейчас отдай мне душу жреца чу-

жого бога, который ждет тебя у подножия холма. Он защищен от меня, но ты можешь принести его мне в жертву. Сделай это!

— Жертву, значит? — голос короля зазвенел металлом. Наваждение пропало, и он четко осознал, чего от него хотят. — Нет! Не дождешься ты от меня жертвы. За все в жизни приходится расплачиваться, а душа человеческая — слишком высокая плата за твои ничтожные обещания. Выходи и сразись со мной!

Киммериец шагнул назад, освобождая место для поединка.

— Ни к чему, — прошелестел голос. — Я не могу вернуться в небесные сферы и с трудом поддерживаю свою нынешнюю форму. Сейчас я покину твою страну, но когда-нибудь я найду такого человека, который признает меня богом. Я дам ему свою силу, а он даст мне свою веру. И его потомки, а не твои, будут править миром!

И светящийся шар истаял туманной дымкой, не оставив после себя даже следа. Конан был уверен, что он не улетел прочь, а именно растворился в воздухе. Киммериец с отвращением плюнул и начал пробираться обратно.

— Государь? — тихонько спросил его жрец дрожащим от непереносимого страха голосом, когда он спустился с холма и, хрустя ветками, выбрался на свободное место.

— Да! Что ты такой перепуганный? Все в порядке, демон исчез.

— Ты не поддался ему?

— Ха, да я и не с такими созданиями дело

имел. Пусть радуется, что уцёлел после встречи со мной. А если он когда-нибудь таки найдет себе почитателей, то и с ними в свое время разберемся! Тебе как, полегчало?

— Да, государь. Похоже, что демон действительно исчез, и его воля больше не давит на нас.

— Ну вот. Тогда давай укладываться спать, завтра нам предстоит долгий путь домой.

И король Конан Аквилонский с чувством сброшенной с плеч тяжелой ноши принялся готовиться к ночлегу.

Предварение

А так, продолжая совершенствовать летопись королевства Аквилонского и вести собственные заметки о событиях и происшествиях, сопутствующих бурному царствованию нашего обожаемого монарха, я вновь берусь за перо с намерением описать некоторые малоизвестные подробности визита Его величества короля Конана Канах в герцогство Шамарское, что на восходе Аквилонии, рядом с границами владений Трона Дракона.

На протяжении полных восьми лет царствования Конана я достаточно хорошо изучил натуру киммерийца, чтобы сказать откровенно: ему не следовало становиться королем. Бесспорно, данная сентенция в моих устах прозвучала как жуткая крамола и антигосударственная ересь, но поверьте — я хорошо знаю, о чем говорю. В обычные тихие времена, когда не случается войн, ко-

гда стране не угрожает жуткая опасность, наподобие Полуночной Грозы или Алой Печати Каримэнона, и приходится заниматься наискущнейшими (с точки зрения Конана) текущими делами, король посещает уныние. Обычные развлечения — охота, дружеские вечеринки и даже поездки на Закат, имеющие целью надзор за рубежами Пуцци Пиктов, Конану приелись, а столь грандиозных событий, как недавняя война за корону Немедии, окончившаяся к первой летней луне 1294 года, ныне не предвидится. Что даже и к лучшему — я полагаю, Закатный материк получил более чем достаточную встряску, ибо неожиданное появление Алого Камня Равновесия, обладавшего воистину чудовищной магической силой, едва не ввергло страны цивилизации Заката в пучину всеобщей войны.

Поскольку государственные службы Аквилонии действуют исправно, королевство управляется разумно а с недостатком денег в казне мы в последний раз сталкивались года четыре назад, Конан частенько оставляет страну на попечение вице-короля, великого герцога Просперо Пуантенского, и отправляется путешествовать. За последнее время король посетил множество стран и земель, нанес визиты во все страны к закату от Кезанкии, навестил Туран и даже некоторые государства за Вилайетом. За весь прошлый, 1295 год, Конан находился в Тарантии не более трех лун, все прочее время их величество изволили отдать странствиям в компании нескольких десятков телохранителей и, разумеется, нашей оча-

ровательной королевы Зенобии Канах, урожденной Сольскель.

Бесспорно, все и каждый в нашем королевстве, начиная от придворных вельмож и заканчивая распоследними нищелюдами, отлично знают в чьих руках сосредоточены все нити управления Аквилонией — Конан весьма благоразумно распределил обязанности между Просперо, канцлером Публио Форсеза, генеральным казначеем Ришильди и нашим «серым королем», его милостью бароном Гленнором, отвечающим за безопасность короны и трона. Если монарх выехал из столицы, бразды правления переходят к «великой четверке» и никто из месьюров управителей не может претендовать на всю полноту власти, подменив собой царствующего государя. Мне, как тайному советнику, здесь отводится роль наблюдателя и беспристрастного судьи, каковой вынужден иногда примирять спорщиков (чаще всего ссорятся Публио и барон Гленнор), недовольных действиями друг друга.

В начале минувшего лета Конан Канах наконец-то прочно обосновался в Аквилонии, однако его неистребимая страсть к перемене мест снова взяла свое: король принял решение инкогнито объехать все крупные герцогства нашей страны, посетить важнейшие города и, так сказать, лично ознакомиться с жизнью подданных. А ваш покорнейший слуга, почувствовав, что засиделся в душной пропыленной Тарантии, в кои то веки напросился к Конану в сопровождающие, коварно отправив возлюбленную супругу, Цинцию Юс-

даль-Целлиг отдыхать на Полуденное побережье, в Кордаву Зингарскую.

Прежде всего, я жаждал посетить одного старого знакомого, обитающего в горном замке на склонах Немедийского хребта. Звали этого человека маркграфом Ройлом.

Закончив сие краткое объяснение, я переходу непосредственно к описанию нашего путешествия в Шамар и, как обычно, дам слово некоторым иным свидетелям, включая и королеву Зенобию...

Подписал своей рукой, Хальк, барон Юсдаль младший, тайный советник короны, личный библиотекарь и летописец короля Конана Канах. День осеннего солнцестояния 1296 года по Основанию Аквилонии.

Глава первая

Король в дороге

*4 день первой осенней луны 1296 г.
Дорога Королей — г. Шамар*

Вовнехонько два года назад произошло давно ожидаемое народом Аквилонии событие — его величество Конан I Канах обрел подругу жизни, в просторечии именуемую женой. Этого благословенного часа мы, верноподданные, ждали целых шесть лет. Во время холостяцкой жизни Конан ясно давал понять, что собирается основать собственную династию, однако никаких попыток сделать это с соблюдением всех законов, уложений митрианской религии и просто правил этикета и приличий со стороны короля не наблюдалось. Здесь я могу смело упомянуть полдесятка «ночных королей», восседавших на троне Аквилонии и в два раза больше мимолетных пассий Конана на означенном троне не утвердившихся — Конан, вместо освященной

традициями и храмовыми обрядами женитьбы, предпочитал заводить любовниц, которые либо со временем его бросали (не каждая женщина выдержит непостоянный характер киммерийца), либо сам король охладевал к своим дамам сердца и удалял их от двора (причем, щедро вознаградив или подыскав подходящего мужа),

Графиня Эвисанда Аттиос, Мойя Махатан из Темры, еще одна графиня — Альбиона Каэтос, госпожа Белеза Зингарская... Эти имена мелькнули на аквилонском небосводе подобно падающим звездочкам и быстро позабылись. Дольше всего в звании фаворитки Конана продержалась Белеза — аж целых полтора года! — и в свете начали поговаривать о том, что вскоре из сана «ночной королевы» темноглазая ревнивая красавица перейдет к статусу королевы обыкновенной, но этот союз распался благодаря ветрености киммерийца.

Едва в замке короны появилась смазливая мордашка Альбионы и варвар обратил внимание на это сомнительное сокровище (хорошенькая Альбиона была, увы, трагически глупа), Белеза, в полном соответствии с легендами о зингарском темпераменте, устроила Конану несколько громких сцен, а затем горделиво покинула Тарантию громко хлопнув городскими воротами. Если, конечно, столь неуклюжая метафора применительна к указанным воротам...

С Альбионой Каэтос вышло еще хуже. Зимой-весной 1294 года у наших соседей, в королевстве Немедийском, разыгралась настоящая историческая драма, известная ныне в летописях как «Час

Дракона» или «Война Алой Печати». Здесь нет никакого смысла описывать события немедийской круговерти — я, с помощью барона Хэлкарса Целлига из Бельверуса, уже составил подробнейший отчет о схватке за Драконий Трон, победителем в которой оказался младший сын короля Нимеда I, Ольтен Эльсдорф, по коронации принявший имя покойных отца и брата. Однако, нельзя не вспомнить, что значительную роль в этой невероятной истории сыграла некая Зенобия, дочь Стеварта Сольскеля из Пограничья.

К чему я веду? Дело в том, что после близкого знакомства с Зенобией и пережитых вместе приключений, Конан совершил невероятное: варвар, всегда предпочитавший не привязывать себя к определенному месту или человеку, сделал девице Дженне предложение руки и сердца. Заметим, что становиться очередной любовницей Конана Зенобия не собиралась, поставив обязательное условие — или свадьба, или мы расстаемся добрыми друзьями. Конан сдался. Отлично его понимаю — во-первых, Дженна оказалась близка варвару как по образу мыслей, так и по происхождению (вообразите — родная бабка Зенобии по отцу была родом из Киммерии!), во-вторых она была красива и умна, а в-третьих сорокапятилетний король попросту влюбился. И влюбился все-ррез.

Когда Зенобия приехала в Тарантию, Конан попробовал объяснить с Альбионой, ясно давая понять графине, что между ними все кончено. Последняя устроила ужасающую визгливую исте-

рику перед всеми придворными и в тот же вечер попыталась утопиться. Мокрую графиню извлекли из Хорота, препроводили к лекарям в митрианский храм и выдали ей подписанный королем вексель аж на десять тысяч кесариев (безумные деньги!).

Никто не спорит, Альбиона была глупа, как пробка, но своего упускать не собиралась и отлично знала, что теряет. Есть заметная разница между десятью тысячами кесариев и всеми сокровищами Аквилонии вкупе с королевским титулом, который был так близко, почти в руках! В общем, разочарованная в жизни красotka, снова попыталась показно покончить с собой, а затем покаялась и нежданно-негаданно ушла в митрианский женский монастырь, отдав все золото в пользу обители.

Но и тут не обошлось без тихого скандала. Спустя несколько лун после отречения Альбионы от мира в замок короны прибыла настоятельница монастыря и потребовала встречи с королем. Конан (равно и Зенобия, к тому времени уже являвшаяся коронованной государыней) с легким удивлением узнали, что Альбиона родила мальчика и после родов скончалась. А перед смертью сообщила настоятельнице, что дитя является потомком короля Конана Канах.

Как прикажете поступать?

Дело решила Зенобия, как всегда легко и изящно. С владельницы монастыря было взято клятвенное обещание молчать до гробовой доски, а младенца быстро переправили в Погранич-

ное королевство, к родственникам Зенобии — младшая сестра королевы недавно принесла двойню и согласилась выкормить и взять на воспитание бедного сиротку. С единственным условием: ребенок никогда не узнает, кто его настоящие родители и будет возвращен верным подданным Пограничья.

Целая романтическая история, правда? Брошенная любовница, смерть матери, царственное дитя тайно отданное чужим людям... Разрыдаться можно! Однако, и Конан и Зенобия, отлично помнившие приведшую к чудовищной катастрофе путаницу с законным и незаконным наследником в Немедии, решили не рисковать. Ребенок благополучно вырастет в богатой и дружной семье, а Пограничье — очень неплохая страна. Впоследствии незаконный ребенок Конана войдет в могущественный клан Сольскелей и его жизнь будет устроена наилучшим образом.

Мое мнение о Зенобии-Дженне таково: прежде всего, она хороший, верный и честный человек. Зенобия умна, решительна, не отступает от данного однажды слова, ничуть не ревнива. Она, как и царственный супруг, одинаково хорошо себя чувствует и в дворовых покоях, и в обеденной зале провинциального кабака. Раздававшееся два года назад шипение придворных графов-герцогов-маркизов о «худородной варварке» быстро утихло — Зенобия недаром провела пять лет при куда более чопорном немедийском дворе и научилась всему, что положено знать даме ее круга. А то, что королева является купеческой дочкой,

в народе никто не удивлялся. На иных тронах и шлюхи да маркитантки сживали, и ничего — правили не хуже других...

Учтем еще крайне сомнительное происхождение самого короля и пойдем: если новую династию как у простецов, так и в дворянской среде поименовали «варварской», значит, таково веление творящей историю мира богини судьбы.

Сейчас, к окончанию летних лун 1296 года, Зенобия снискала себе уважение в придворных кругах, окружениях и окружениях окружений, тем более, что она является другом таких уважаемых представителей рыцарства как «первейший дворянин» Просперо Пуантенский и Хальк, барон Юсдаль. И не говорите, что меня обуял грех гордыни — все-таки, по негласной иерархии Аквилонского королевства, я стою на шестой сверху ступени лестницы власти и влияния после самого короля, Просперо, канцлера Публио, командующего войском Паллантида и загадочного барона Гленнора, возглавляющего нашу секретную службу. Тайный советник короны — это не шутки!

Что бы сказала моя дражайшая мамочка, жена захолустного барона, видевшего в своей жизни только охоту, стычки с пиктами и невинные интрижки с молоденькими служанками в своем замшелом замке на окраине Гандерланда?..

Кстати, я забыл упомянуть еще одну важную деталь: на праздник середины лета 1294 года играли не одну, а целых две свадьбы — некий тайный советник и придворный летописец имел

честь взять в жены баронессу Цинцию Целлиг из Бельверуса...

* * *

Вот он, скромный королевский кортеж. Двадцать два всадника, без всяких пошлых дорожных атрибутов наподобие фургонов с платьями, драгоценностями и камеристками Ее величества. Конан и Зенобия предпочитают путешествовать налегке и почти инкогнито — если бы не «малый коронный штандарт», развевающийся над головой отряда, можно подумать, что едут обычные дворяне в сопровождении почти двух десятков офицеров гвардии из отряда «Черный дракон». Королева едет в мужском седле, а вовсе не в дамском, и нарушает все правила этикета мужским охотничьим костюмом, даме и монархине не приличествующим.

Смею заметить, что само понятие «этикет» за последние восемь лет преизрядно трансформировалось — спасибо Конану, лихо отменившему большинство нелепейших придворных постановлений, связывавших человека по рукам и ногам.

Если при последних королях из рода Эпимитреев монарх полагался «священной особой» в религиозном понимании данного слова (как-никак, потомки самого Эпимитриуса!), то варвар справедливо заявил, что уж он-то к династии знаменитого святого никаким местом не принадлежит, а посему прежние духовные обязанности короля, как верховного жреца митрианства, он передает

настоятелю главного храма Тарантии и собирается быть королем сугубо светским. Делами религии пускай занимаются те, кому это интересно и близко к сердцу.

...Я начинал службу в замке короны при Нумедидесе и отлично помню, как «священный» государь Всея на Свете допускал дворян к «перстнецелованию» (отменено Конаном), а таковое перстнецелование полагалось мистическим приобщением к тайнам откровения Эпимитриуса. Помню отвратительно-напыщенные храмовые службы, где положено было приносить жертвы особе ихнего величества, словно божеству. Много помню. Например и то, как «отец Аквилоний» изволил драть свое священное горлышко, не погнушавшись самолично облаять уважаемого всем дворянством герцога Троцера Пуантенского, чем-то не угодившего божественной особе Нумедидеса. Не удивляюсь, что именно Троцера и его бойкий племянник вкупе с бароном Гленнором организовали тот знаменитый заговор, приведший на трон Конана и выдвинувший молодого Просперо аж в вице-короли — никакой дворянин не потерпит публичного унижения, будь ты хоть сотню раз богом или его человекоподобным воплощением.

Теперь все иначе. Конан и королевские приближенные здраво смекнули, что ради блага государства (и собственного удобства) следует отказаться от ряда замшелых традиций с тысячелетней историей и провести определенные реформы, способные приблизить персону короля к Трем

Высоким Сословиям — дворянам, купцам и горожанам. А начать реформы следует как раз с изменений чудовищного дворцового этикета. Новая мода в замке короля скоро станет известной в самых отдаленных поместьях, а что достойно монарха, то достойно каждого.

Посему в наши дни никого не шокирует появление Конана на улицах Тарантии в скромной форме легата Черных Драконов и в сопровождении двух-трех телохранителей (самая малая свита Нумедидеса или Вилера составляла не меньше полутора сотен придворных холуев). Никто не ворчит на Зенобию, частенько появляющуюся на людях в мужской одежде или платьях с глубоким вырезом. Горожан ничуть не огорчила отмена нескольких особо пышных «коронных торжеств», деньги на которые, разумеется, прежде выкачивались из жителей Тарантии: простота стала основой жизни столицы. Дворянство со вздохом облегчения приняло известие об отмене наиболее оскорбительных уложений «о почитании особы государя». А сам Конан, безжалостно расправившись с самыми уродливыми традициями и создав новые, почувствовал себя гораздо свободнее.

Никто не спорит, на королевских приемах, государственных праздниках или иных торжествах, король являет себя народу во всем блеске и пышности, в горностаевой мантии, Пятизубом венце короля Алькоя, окруженный сияющими алмазами и золотом приближенными и разодетой в парадные облачения гвардией; орут трубы, ре-

ют знамена и распеваются гимны — Аквилония должна показывать всему миру и своим подданным, что величие страны с воцарением варварской династии ничуть не исчерпалось, а вовсе наоборот — возросло. Но в делах личных, в общении с наиболее близкими друзьями, Конан остается только Конаном. Варвар предпочитает не корчить из себя уже упомянутого «государя Всея на Свете» — эту обидную для Нумедидеса формулу некогда придумал острый на язык Просперо и она прочно вошла в обиход.

Однако, вернемся к нашему путешествию. Конан, Зенобия, командир отряда охраны граф Вилькон, ваш покорнейший слуга и еще восемнадцать мрачноватых молодых людей носящих черную с серебром форму личной гвардии монарха — свита его величества направляется по дороге Королей к городу Шамару, столице одноименного Великого герцогства. Ехать осталось недолго — лиг десять или двенадцать, а посему лошади идут спокойной рысью, обходя медленно движущиеся по широкому мощеному тракту повозки торговцев. Погода стоит ясная, солнечная, даже не скажешь что началась осень — на деревьях ни единого желтого листочка и только обширные хлебные поля золотятся созревшей пшеницей...

— Надо что-то сделать с этим штандартом, — ворчливо сказал киммериец, поворачиваясь ко мне и Зенобии. Мы с королевой ехали чуть позади самого Конана. — Иначе я скоро оглохну от воплей любезных подданных!

За нашими спинами еще гроыхало невнят-

но-восторженное «Да здравствует король!» — старшина купеческого обоза, узрев группу всадников под небольшим алым знаменем с геральдическим аквилонским львом и вензелем «КК — Конан Канах» немедленно доказал свою преданность обожаемому монарху подняв крик, который подхватили остальные торговцы.

— Езди не под государственным, а под личным дворянским гербом, — пожала плечами Зенобия. — Тогда станут меньше узнавать. Кстати, у тебя личный-то герб имеется? За два года супружества я его так и не видела.

— Герб? — фыркнул я в ответ. — По геральдическим уложениям, символ королевства одновременно является семейным гербом монарха, но государь имеет право носить и эмблемы предков, если они не являлись королями. Конан, тебе остается выдумать собственный герб, подать прошение в геральдическую коллегия для утверждения оного, ибо над действиями коллегии не властны даже государи... Годика эдак через два они рассмотрят твою челобитную, к которой положено приложить список именитых предков и все сведения об их фамильных символах, а затем вынесут решение на долгом и скучнейшем заседании. Устает?

— Ужас, — вздохнул Конан. — Какие именитые предки, Хальк? Откуда? Вся отцовская линия — потомственные кузнецы клана Канах, по матери же — охотники из Гленнлахов... Словом, с точки зрения родовитых дворян, происхождение самое сиволапое. И как ты себе видишь мой герб?

— Золотой рыбий скелетик в зеленом поле, усеянном кучками навоза, — не преминула съязвить Зенobia. Конан исподтишка показал верной супруге кулак. Впрочем, Дженна (так все друзья называли королеву в узком кругу) ничуть не растерялась и продолжила непринужденно:

— В Пограничье, кстати, все богатые купцы наподобие моего отца имеют право на герб. Семейная эмблема рода Сольскель — раскрытый мешок, наполненный монетами на фоне черных гор, символизирующих Граскааль, под звездным небом с изображением созвездия Серпа. Нравится?

— Нравится, — согласился Конан. — А почему ты его никогда не используешь?

— Не поймет высшее дворянство. У них на гербах драконы, единороги или леопарды, а у королев — кошель с золотом? Неблагородно. Придется довольствоваться аквилонским львом. И тебе советую, иначе тебя заставят полную седмицу отсидеть в геральдической коллегии, наблюдая за спятившими старикашками, которым дали повод лишний раз почесать языками и решить проблему вселенской важности — герб для самого короля!

Вскоре нас оглушили очередным «Да здравствует король» (встретили нескольких молодых дворян, направлявшихся по своим делам на Закат) и варвар распорядился свернуть штандарт. Это было просто невыносимо!

— Какое счастье, что ты не распорядился чеканить на монетах собственный профиль, — сказал я Конану. — Иначе узнавали бы на каждом

угау! Зато сейчас мы выйдем как обычный гвардейский отряд направляющийся в Шамар по надобностям службы.

— Кстати, ни герцог Шамарский, ни городские власти о нашем прибытии не извещены, — напомнил киммериец. — Оно и к лучшему. Остановимся на каком-нибудь постоялом дворе попримечнее, а завтра отправимся напрямик в Таброний, а оттуда в гости к нашему другу... Очень надеюсь, что в Шамаре нас не опознают, иначе не избежать визита к герцогу и встреч с депутациями благодарных подданных, жаждущих поднести своему государю подарки и подать прошения!

Если кто не помнит, великое герцогство Шамарское является одним из пяти крупнейших ленных владений Аквилонии и расположено в восточной части королевства между рекой Тайбор и немедийскими горами. С Полудня и Полуденного Заката оно граничит соответственно с Офиром и Пуантенем. Раньше значительная часть этих земель являлась спорной — великий король Сигиберт Завоеватель отбил у Немедии изрядные территории за Тайбором, и вялый конфликт с Троном Дракона из-за спорных ленов продолжался лет двести, вплоть до воцарения Нимеда II, который в благодарность за помощь в возвращении трона передал прилегающие к реке земли во владения Аквилонии «на вечные времена».

Кроме того, стоит упомянуть, что Шамарское герцогство не поддержало переворот против Нумедидеса в 1288 году и на то были свои причины:

тогдашний герцог Дарген и многие его родственники и приближенные являлись фаворитами последнего Эпимитрея, пользуясь почти неограниченным влиянием при дворе. Вполне естественно, что воцарение Конана было в Шамаре совершенно не одобрено и если бы не молниеносные действия пуантенского войска под руководством старого Троцера, шамарское дворянство подняло бы мятеж, который привел бы к гражданской войне.

Тем не менее вполне возможный бунт не состоялся, прежний великий герцог со своими присными отправился на эшафот по вполне обоснованным обвинениям в казнокрадстве и прочим злоупотреблениям, а огромный лен достался отдаленному родственнику Даргена, графу Раймунду, каковой и возложил на свое чело герцогскую корону. Разумеется, быстро разобравшийся в расстановке сил Раймунд незамедлительно принес присягу на верность новому королю (который, в свою очередь, подтвердил древние привилегии шамарской династии) и с тем в Аквилонии снова установилось «душевное согласие», как любит выражаться циничный барон Гленнор.

Шамар — большой город. Третий по величине после Тарантии и Танасула. Поскольку он почти два столетия находился под непосредственной угрозой вторжения со стороны любезных немедийских соседешек, здешние укрепления почти равны тарантийским, а кое в чем их и превосходят. Дело в том, что Шамар — это не одна крепость, а целых две. Сиречь, внутри внешнего

кольца городских стен находится еще один, куда более мощный пояс укреплений, за которым прячутся древний центр города и величественный герцогский замок — огромное восьмибашенное сооружение из красного гранита. По утверждению сведущих в военном деле людей, взять Шамар штурмом практически невозможно, и я склонен этому верить — если смотреть на город с гребня холмистой гряды, встающей к Закату от реки, то сразу замечаешь всю грандиозность крепостных построек, укрывающих за собой кажущиеся крошечными двух-трехэтажные домики горожан. Настоящий город-страж, город-воитель, столетиями стоявший на пути завоевателей с Востока...

Дорога Королей вывела нас с холмов на берег полноводного Тайбора — на реке было оживленно, виднелись торговые суда под знаменами Аргоса и Зингары, сплавливали строевой лес, являвшийся главным предметом торговли герцогства, ибо из здешних сосен и лиственниц на побережье Океана строили самые лучшие и быстроходные суда. Мощный плитами светлого камня тракт упирался прямоком в распахнутые городские ворота, над которыми вырастала квадратная башня барбикена. Наверху поблескивают под лучами солнца шлемы городской гвардии и копейные наконечники.

Конан вопросительно взглянул на меня. Все ясно, барону Юсдалю как всегда придется разыгрывать перед стражами ворот маленький спектакль.

Раз уж королю приспичило оставаться не узанным, придется пускать в ход фальшивые подорожные. Впрочем — почему фальшивые? Самые настоящие, заверенные в тарантийской дворцовой канцелярии и дорожной управе, со всеми подписями и печатями. Даже имена наших гвардейцев там записаны совершенно правильно. Исключение составляют только король, королева и ваш покорнейший слуга — в бумагах мы числимся под другими именами: месьор Коннахар из Темры с супругой и барон Линген (пришлось взять имя нашего соседа по гандерландским владениям. Впрочем, от старины Омсы не убудет, этот толстяк всего один раз в жизни ездил в Тарантию и у меня нет шансов оказаться уличенным во лжи).

Как и ожидалось, нас пропустили в город беспрепятственно — форма Черных Драконов вызывала уважение, подорожные были в полном порядке, а по каким таким надобностям господа гвардейцы изволили явиться в Шамар, пожилого десятника стражи совершенно не интересовало — раз приехали, значит надо по службе. Обязательный сбор уплатили только лица гражданские — я, Конан и Зенобия, с военных деньги за въезд в город брать запрещено.

— Давненько я в Шамаре не бывал, — сказал киммериец, когда мы уже ехали по длинной улице ведущей к внутренней крепости. — Лет пять, наверное... Но по старым временам отлично помню, что неподалеку от замка есть отличнейший постоялый двор «для благородных». Называется

«Феникс». Туда поедем или поищем что-нибудь попроще?

— Не собираюсь отказываться от привычки к дворцовым удобствам, — решительно заявил я, а Зенобия только плечами пожала. Королеве, как кажется, было все равно, как и графу Вилькону вместе с его вояками. — Показывай дорогу!

К сожалению, Шамар построен довольно бестолково. В отличие от Тарантии улицы как в нижнем, так и в верхнем городе узки, разобраться в их лабиринтах с непривычки довольно сложно — город всегда был зажат в тисках крепостных стен, посему драгоценную землю сэкономили и дома росли в высоту, частенько смыкаясь верхними этажами, которые образовывали некое подобие тоннелей: вроде бы едешь по улице, а над головой сплошные деревянные надстройки, почти соприкасающиеся меж собой.

Конан, однако, обладал великолепной зрительной памятью и вывел всю нашу компанию к «Фениксу» меньше, чем за половину колокола. За вторым кругом стен, в самом центре города было чуть попросторнее — здесь селились или дворяне, или весьма обеспеченные люди. Большой постоялый двор смотрел фасадом на широкую площадь с неперменным памятником Сигиберту Завоевателю, попиравшему царственной стопой немедийские и офирские знамена. Голова и плечи бронзовой статуи оказались белыми — голуби постарались. Напротив «Феникса» — здание городского магистрата, украшенное гербами цехов и гильдий, а если от площади пройти налево, то

выйдешь напрямик к воротам герцогского замка. Лавки и таверны, стоящие на близлежащих улицах — самые дорогие, как и положено в аристократическом квартале. Но зато вокруг чистенько, в крошечных садиках пестреют цветочные клумбы, прогуливающаяся городская стража не пьяна, нищих и бродяг не видно. Словом, блюдется порядок.

Едва мы завернули во двор «Феникса» (для наглядности над воротами был вывешен щит с изображением птицы в языках пламени), как налетела прислуга. Лошадей немедленно забрали и повели в обширные конюшни, а господ приезжих препроводили в главную залу, где нас встретил хозяин, назвавшийся месьром Бартом.

— Двадцать два человека? — содержатель постоялого двора, как и подобает всякому уважающему себя хозяину подобного заведения низенький и пухлый, морщил лоб, соображая, как бы получше разместить такое количество гостей. — Надеюсь, господа гвардейцы не будут против, если я распоряжусь подготовить комнаты на четверых?

Граф Вилькон против не был. Селите хоть в казарму, только дайте отдохнуть с дороги и пообедать!

— Месьр Коннахар... — взгляд хозяина, острый и внимательный, остановился на Конане и в глазах промелькнула странная вспышка. Не иначе, узнал. Конечно, профиль монарха на монетах не чеканят, но гравированные портреты за восемь лет царствования появились даже в самых

отдаленных уголках Аквилонии! — И благороднейшая госпожа Дженна?

— Не «благороднейшая», а просто благородная, — понимающе улыбнулась Зенобия, отлично зная, что титулование в превосходных степенях можно использовать только по отношению к особам королевской крови или представителям династий великих герцогов. — Вот что, милейший господин Барт... Мне и супругу требуется скромная, но достойная нас комната. И мы не хотим, чтобы нас беспокоили. Все ясно?

— Более чем, — деревянным голосом отозвался хозяин, пожирая глазами царственную чету. — Я немедленно распоряжусь... э... госпожа.

Точно, узнал. И теперь не понимает, как вести себя с королем. Пришлось принять меры — я аккуратно взял Барта за рукав, отвел в сторону, сунул за обшлаг монету в целых Два Льва и тихо сказал:

— Не надо показывать виду. Пред тобой всего лишь темрийский дворянин и его жена. А глупые догадки можно и нужно оставить при себе.

— Х-хорошо, — заикнулся хозяин, и по его взгляду я понял, что Барт пытается уяснить, кто же я такой — граф, герцог или переодетый начальник тайной службы. — Разрешите исполнять, ваша милость?

— Разрешаю, — величественно ответил я, подавив смешок.

Преимущества королевского титула дали себя знать немедленно. Конану и Зенобии выделили лучшие комнаты на втором этаже, мне достался

чуть более скромный апартамент по соседству, а гвардейцев Вилькона (вот диво!) расселили по отдельным комнатам.

Когда мы переоделись и спустились вниз, к обеду, в пиршественной зале таверны наблюдалась оживленная мышиная возня — служки с выпученными от усердия глазами шныряли между столов, повара на кухне гремели крышками котлов и сковородами так, что мне показалось, будто неподалеку проводятся маневры рыцарской конницы при полном доспехе. Месьюр Барт с несчастным видом протирает какие-то заплесневелые бутылки — видимо, извлек из тайников винного погреба самый лучший нектар.

— Та-ак... — ошарашенно протянул киммериец и повернулся ко мне. — Это что такое?

— Обед, — бесстрастно ответил я, с некоторой растерянностью оглядывая покрытый белоснежной скатертью стол, на котором разместилось столько яств, что их хватило бы на прокорм не меньше, чем гвардейского платунга. И тем не менее все это роскошество предназначалось нам троим — Черных Драконов хозяин разместил за соседними столами. — Кстати, фазан в остром соусе кажется мне вполне съедобным. Не говоря уж о кабане с чесноком и яблоками. Приступим, месьюр Коннахар?

Конан покачал головой, бросил быстрый взгляд в сторону замершего в тревожном ожидании месьюра Барта, но все же опустился в кресло.

— Вот это я понимаю — королевская трапеза, — шепнула мне на ухо Зенобия. — Нас даже в Та-

рантии так не кормят... Попеню дворцовым кухарям, напომни потом.

Нужно ли говорить, что мы съели не более одной пятнадцатой части предложенных месьюром Бартом блюд. Вино действительно оказалось великолепным — «Золотая Лоза» двадцатилетней выдержки, «Розовый Гайард», которым угощались еще на коронации Троцера Пуантенского незнаю сколько лет тому, да еще и лучшие шемские сорта... Подумав, сколько стоит подобный обед, я похолодел — денег мы взяли с собой не так уж и много. Однако, месьюр Барт заявил, что стоимость обеда включена в оплату за ночлег и с уважаемых господ следует всего пятнадцать кесариев. Милое провинциальное подхалимство спасло наш кошелек — хозяин просто-напросто хотел сделать приятное своему королю.

— А скажи-ка, дружище, — подобревший от выпитого вина Конан подозвал месьюра Барта, мигом замершего возле правой ручки кресла с самым подобострастным видом. — Что интересного можно сегодня посмотреть в Шамаре? Мы, знаешь ли, завтра уедем, а до заката еще далеко. Хочется прогуляться.

— Так это... — сконфузился месьюр Барт, видимо не знавший в своей жизни ничего интереснее кухни и пустых разговоров с гостями постоялого двора. — Ваша милость... Например, балаган комедиантов на улице медников. Говорят, показывают высоконравственные пиесы...

Конан закатил глаза. Высоконравственные пиесы — это было чересчур.

— Или вот! — оживился толстяк. — На площади перед замком сегодня будет вершиться правосудие! Казнь государственных преступников. Полгорода сбежится поглазеть.

— Ладно, иди, — поморщился король и повернулся к нам. — Пойдемте просто прогуляемся? Хочу взглянуть, как изменился город за последние годы.

— Только без меня, — отмахнулась Зенобия. — Я предпочту, чтобы месьор Барт приготовил мне купальню и отлично отдохну без ваших, намозоливших глаза, физиономий. Хальк, запомни, если его величество возжелает посетить какой-нибудь здешний бордель — вам обоим недобровать. Топайте!

— Я всегда подозревал, что брак связан с лишениями, но мне и в кошмарном сне не могло присниться, что он сопряжен со столь страшными жертвами, — вздыхая сказал Конан, когда мы выходили из «Феникса». Графу Вилькону попутно был отдан приказ отдыхать — нечего таскаться за королем без особой надобности. — А помнишь старые добрые времена? В Пограничье, например?

Я-то помнил. Едва их величество покидали замок короны и сбрасывали с себя постылые облачения вседержавного монарха, Конан немедленно вспоминал славные деньки буйной молодости и начинал вести себя как распоследний наемник. Кажется, только Зенобии удалось отучить киммерийца от кутежей и прогулок по веселым домам — за последнее время Конан заметно остепе-

нился. Все-таки женитьба обязывает к пристойности.

На площади мы сразу наткнулись на пышную процессию, которую исторгли распахнувшиеся ворота здания магистрата. Судя по эмблемам и знаменам — гильдейские старшины и управители города. За важными господами толпой двигались как простецы, так и благородные, все почему-то в праздничных одеждах.

— Ах, ну да, разумеется! — киммериец шлепнул себя ладонью по лбу. — Правосудие, чтоб его сплющило! Не понимаю, отчего моим добрым подданным это зрелище никогда не приедается — что за удовольствие смотреть, как другим рубят головы?

— Пожар и публичная казнь всегда являлись самыми популярными развлечениями народа, — ответил я. — Пойдем все-таки глянем, кому сегодня снесут башку именем тебя. Ведь король — высший судья Аквилонии. Так, нет?

— Охота тебе... — проворчал киммериец, но все-таки мы влились в общий людской поток, который потащил нас в сторону замка его светлости Раймунда Шамарского.

Резиденция великого герцога выглядела ничуть не менее представительно, чем знаменитый на весь Закат замок короны в Тарантии. Четыре башни по углам, высоченный круглый донжон, три небольших внутренних башни, зубчатые стены, украшенные знаменами и вымпелами. Очень представительно! Сразу заметно, что здесь обитает могучий и богатый владыка. Замок не угрожа-

ет, не властвует, он охраняет, защищает — до мозга костей крепость, твердыня, цитадель.

А вот сооружение, воздвигнутое плотниками возле полуночной стены замка не столь привлекательно. Эшафот. Причем высокий, чтоб всем интересующимся было видно, что именно будет происходить. Напротив эшафота трибуна для гостей и Высокого Суда — судя по многоцветным одеяниям и герцогскому штандарту, их светлость со свитой уже прибыли и с нетерпением ожидают начала церемонии. Ясное дело, сам эшафот отгорожен от зрителей тройной цепью гвардии, на всякий случай неподалеку стоят несколько конных десятков. В общем-то все как обычно, хотя у нас в Тарантии подобные действия обставляются куда пышнее, при дворе даже существует должность «мастера печальных церемоний», в обязанности которого входит организация казней по приговору короны.

Кстати, Конан прежде терпеть не мог лично исполнять обязанности Высшего Судьи Аквилонии, но на путь истинный киммерийца наставила опять же Зенобия — после того, как сославшись на занятость, он отказался рассмотреть важное дело, она как бы невзначай бросила: «Тогда не будь королем». С тех пор варвар относится к своему монаршему долгу более серьезно...

Нам повезло — толпа сама собой вынесла меня и киммерийца на самое удобное место — рядом с дворянскими трибунами. А поскольку мы оба носили оружие и гербовые цепи, стража немедленно пропустила нас на трибуну и мы очу-

тились в третьем ряду. Отсюда было прекрасно видно. Герцог и свитские восседали под балдахинном немногим левее — Конан старался не поворачиваться в ту сторону, поскольку был хорошо знаком с Раймундом Шамарским и варвара обязательно опознали бы. К счастью, нас прикрывали спинами пришедшие поглазеть на убийство ближнего своего местные дворяне.

Торжественно загудели трубы распугав птиц, грохнула барабанная дробь, распорядитель церемонии начал оглашать первый приговор. Судя по тому, что плаху закрывала белое траурное полотно, а палач в такой же белой маске держал в руках двуручный меч, а не топор, сейчас казнили благородных.

Увы, но человеческая природа решительно не желала меняться к лучшему. Этот грустный вывод я сделал после первой же экзекуции — ну скажите, кто просил начальника одного из шамарских департаментов, пожилого и представительного отца семейства, продавать секретные бумаги казначейства в Офир? Был схвачен с поличным. Приговорен. Как дворянин (и даже граф!) казнен с почестями — после мгновенного, мастерского удара мечом, голова со стуком покатилась по доскам эшафота, а толпа восторженно взывала и захлопала в ладоши.

— Вот вам и высоконравственное представление... — откомментировал Конан. — Под банальным названием «Что такое государственная измена, и чем она кончается».

Пропитанную кровью ткань на плахе замени-

ли и печальный спектакль продолжился. Вслед за первым казнимым голов лишились: отравитель любимого дядюшки (наследства ему было не дожидаться!), оскорбитель величества (этот красавчик громогласно поносил царствующего государя и призывал к мятежу. Конан, услышав приговор только хмыкнул.), и мелкопоместный барон, по глупости ограбивший вместе со своей дружиной купеческий караван на Дороге Королей. Иной за подобный проступок отделался бы вечным заключением в своей замке, но Дорогу оберегала пресловутая «воля короля», который гарантировал всем проезжающим безопасность и свою защиту. Приравнено к оскорблению величества — голову долой!

— Все правильно, — пожал плечами Конан. — На мой взгляд, все приговоры обоснованы, никакого самодурства или ложных обвинений. Если бы эти болваны подали мне прошение о помиловании, результат был бы тот же — смерть. Ой, Хальк, не надо морщиться! Я знаю, что ты хочешь сказать. Сам, мол, в старые времена разбойничал да чужими секретами торговал? Было дело, не спорю. Но теперь я король, а не бездомный наемник. И должен мыслить как король. Кроме того: наказывают ведь не того, кто украл, а того, кто попался. Я же старался не попадаться...

Палач в это время передал клинок помощнику и взялся за топор с необычно длинным топориком. Плаху не стали застилать чистой тканью — настала очередь простецов.

— Дальше будет скучно, — уверенно сказал киммериец. — Пошли отсюда.

Мы начали осторожно пробираться к лесенке, ведущей на трибуны, осторожно распахивая локтями сгрудившихся благородных зрителей и извиняясь перед дамами. Внезапно Конан замер.

— Что такое? — тихо сказал он сам себе и резко развернулся в сторону эшафота.

— ...Сим виниться и обвиняется в черном колдовстве и причинении... — раздельно и громко вещал глашатай, но Конан его не слушал. Взгляд был прикован к человеку, которого вывели на эшафот.

— Эй, пошли, — я подтолкнул варвара локтем, но тот лишь отпихнулся. — Да в чем дело-то?

— Не слышал, какое имя назвал распорядитель? — очень быстро спросил меня Конан.

— Какой-то Гва... Гвайнард, что ли? Вроде так, сударь, — немедленно подсказал стоявший рядом толстый господин с баронской цепью на шее. — Злая магия, торговля гнусными зельями и все такое прочее. Слушать надо внимательнее, ваша милость.

И тут произошло такое, что у меня глаза на лоб полезли. Похоже, эту сцену в Шамаре будут помнить долгие десятилетия, благо прежде ничего подобного в истории здешних печальных церемоний не случалось. Скандал! Да какой!

Обвиняемого уже вели к плахе. Конан коротко выругался под нос, выхватил из-за обшлага моего рукава торчавший оттуда белый кружев-

ной платок и взревел так, что у меня уши заложило:

— Именем короля! Помилование! Остановить казнь! Милость короля!

При желании, киммериец умел вопить так, что собаки падали замертво, маленькие дети глохли на всю жизнь, а дамы падали в обморок на срок не меньше суток. Приблизительно так получилось и на этот раз — дикий вопль Конана вызвал изрядное замешательство: по стройным рядам гвардии пробежало невнятное шевеление, окружавшие нас дворяне инстинктивно отступили на шаг назад, подозревая, что здесь кроется некая жуткая крамола, палач на эшафоте опустил топор, а герцог Раймунд медленно и грозно поднялся со своего кресла под балдахин.

Воспользовавшись краткой паузой, киммериец начал прорываться через толпу раззолоченных шамарцев к герцогскому помосту, с легкостью вышвырнул с мостков двух гвардейцев, попытавшихся перегородить ему путь и оказался прямоком перед опешившим Раймундом.

— Именем короля, — теперь уже спокойно и с достоинством сказал Конан, глядя прямо в глаза великого герцога. Белый платок, символ помилования, полетел к стопам его светлости. — Я милую этого человека!

— Э-э... — слабо вякнул побледневший от неожиданности Раймунд. Добавил полушепотом: — Ваше величество? Но как?..

— Так, — коротко ответил Конан. — Если не веришь, что это именно я — взгляни.

Киммериец быстро извлек из поясной сумочки Малую государственную печать, которую всегда держал при себе. Подделать печать невозможно — в ее рукоять вделан крупный рубин, сам собой испускающий искры, если его касается длань законно коронованного государя. Древняя магия святого Эпимитриуса... И сейчас ладонь Конана окрасилась сотнями алых блесток.

Раймунд Шамарский довольно быстро совладал с собой — недаром являлся отдаленным потомком нескольких старинных королей Аквилонии. Он коротко кивнул, выпрямил спину, обвел замерших подданных грозным взглядом и возгласил:

— Волею короля преступник помилован! Да здравствует король Конан Аквилонский!

Еще одно мгновение над площадью висела тяжелая, вязкая тишина.

Гроза все-таки разразилась! Такого всплеска восторга я никогда в жизни не видел! Создавалось впечатление, что столицу великого герцогства посетило некое почитаемое божество.

— Да здравствует король! — тысячеголоса взывала толпа. — Да здра...

— Вот видишь, — подмигнул мне Конан. — Быть монархом не так уж и плохо.

— Ничего не понимаю, — сдался я, пытаюсь перекричать безумствующий от восхищения народ. — Да в чем дело-то? Все это — из-за того преступника?

— Именно, — коротко ответил варвар. — Потом объясню!

Глава вторая

О правосудии и призраках

4-5 дни первой осенней луны 1296 г.
г. Шамар

Вот так и уверуешь в судьбу, — качал головой устроившийся в противоположном кресле невысокий, но крепко сбитый и широкоплечий месьор, по самые глаза заросший медной бородой. — Уж думал все, конец, а тут будто из-под земли появляется король Аквилонии Конан Канах, так сказать собственную персону...

— Судьба всегда была на нашей стороне, — отозвался киммериец. — Скажи спасибо барону Юсдаю, это он меня уломал пойти поглазеть на здешнее правосудие.

— Благодарю, сударь, — совершенно серьезно сказал наш гость, обратившись ко мне. — Вы появились исключительно вовремя.

Вся компания — король, королева, господин

тайный советник и некий Гвайнард из Гандерланда — заседали в лучших покоях «Феникса». Чтобы никто не беспокоил, у дверей был выставлен караул в составе двоих «Драконов». За окном гудела площадь — народ собрался возле постоянного двора, желая хоть одним глазком взглянуть на обожаемого государя. У мне создавалось четкое ощущение, что сейчас рядом с «Фениксом» не протолкнуться от тихарей и конфиденентов тайной службы — слишком уж внезапным оказалось явление Конана.

Сразу после шумного инцидента возле герцогского замка его светлость отменил дальнейшую церемонию (то-то были счастливы приговоренные, которым неожиданно подарили еще несколько дней жизни!) и пригласил Конана к себе. Пришлось уважить светлейшего — отказ он принял бы как оскорбление. Киммериец не забыл сразу распорядиться, чтобы помилованного под двойной охраной доставили на постоянный двор и следили за ним в оба глаза. Капитан стражи заикнулся, что кандалы с преступника снимать нельзя — мол, слишком опасен, не дурак податься, да еще вдобавок и колдун! Варвар сплюнул, приказал злодея расковать и обращаться с ним вежливо. Причины столь нежной заботы о злокозненном чародее доселе оставались мне неизвестными и вызвали у стражи удивление, однако против воли монарха не попрешь — чревато.

Далее едва не случилось то, чего Конан больше всего боялся — Раймунд немедленно возжелал устроить нечто наподобие большого королев-

ского приема со всеми церемониями и куртуазиями, а этот кошмар вполне мог растянуться на полный день — слишком уж много дворян, купеческий старшин и прочих важных персон жаждали излить пред монархом свою неизбывную преданность. Конан, однако, немедленно пресек коварные поползновения великого герцога, втолковал Раймунду, что визит насквозь неофициальный и учинять пышный прием совершенно не следует. Куда проще поговорить лично. В покоях герцога. За кубком хорошего вина. Ваша светлость что-нибудь имеет против данного предложения?

Их светлость «против» ничего не имела — попробуй, возрази Конану! И тем не менее мы почти два колокола были заняты беседами, смертно надоевшими еще в Тарантии: герцог крепко подозревал, что его величество явился в город с некоей тайной целью, вероятно получив донос о злоупотреблениях или нарушениях законов. Вот и прибыл проверить лично. Таким образом мы с унылым видом долго выслушивали отчеты по казначейству, военной, порубежной и таможенным управам, которые Раймунд счел нужным представить немедленно. Только решительность Конана избавила нас от нудного и бессмысленного просмотра бумаг — киммериец настоятельно посоветовал отправить их в столицу, канцлеру Публио (старик обожал копаться в документах и воистину являлся бюрократическим гением).

Спасение явилось в виде супруги Раймунда — привлекательной, но слишком напыщенной да-

мы, которая, едва услышав, что королева Зенобия тоже находится в Шамаре возжадала нанести ее величеству визит вежливости.

Конан немедленно изъявил желание проводить герцогиню до «Феникса», а сам шепнул мне нечто наподобие: «Вот теперь пускай Дженна за нас отдувается...» Приглашение заночевать в замке Раймунда мы сразу отвергли — перед глазами встала ужасающая картина непрямого церемониального ужина. Благодарим, ваша светлость, но завтра рано выезжать и мы не хотим вас обременять...

Раймунда мы оставили несколько обеспокоенным, подождали, пока герцогине приготовят портшез и благополучно направились домой, да только не пешком, а на предоставленных его светлостью лошадях — через собравшуюся возле замка толпу иначе было не пробиться.

— Вилькон! — воззвал к командиру гвардейской охраны Конан, едва мы переступили порог «Феникса». — Поставить у входа караул, пропускать только здешних постояльцев и прислугу! Хальк, это же просто кошмар какой-то! Сколько прошений мне пытались всучить по дороге от замка?

— Я насчитал шесть...

— А я — восемь!

— Ваше величество, — подошел хмурый граф Вилькон. — Тут вроде бы по вашему распоряжению городская стража доставила какого-то типа... Сказали — государственный преступник. Что делать?

— Ничего не делать, — отмахнулся Конан. — Где он?

— Там, у окна.

Расфуфыренная герцогиня Шамарская была препровождена на второй этаж, к Зенобии (очень надеюсь, что Дженна успела искупаться и одеться поприличнее!), а мы направились к лучшему столу заведения месьора Барта. Пакостный колдунишка увлеченно жрал — оказывается, по его требованию хозяину пришлось разориться на еще один шикарный обед. Угрюмые стражи стояли рядом и поглядывали на злодея с плохо скрываемой завистью.

— Это ты или не ты? — Конан непринужденно уселся напротив, заодно шуганув блюстителей. Те поплелись к выходу. — Нет, взгляд меня не обманывает! Надо же, почти не изменился за одиннадцать лет!

Бывший приговоренный уставился на короля внимательными карими глазами.

— Да и от тебя не много ubyло, — спокойно сказал он. — Как прикажешь обращаться? В соответствии с титулом или по-старому?

— По-старому, — улыбнулся Конан. — Вот, знакомься. Это Хальк, барон Юсдаль, советник короны, а это — Гвайнард из Гандерланда. Когда-то мы славно почудили в Бритунии на поприще Ночной Стражи!

— Из Гандерланда? — живо заинтересовался я, поскольку происхожу родом из той же провинции. — Мы, случайно, не знали друг друга прежде?

— Боюсь, что нет, — отрицательно покачал головой месьор Гвайнард. — Но о Юсдалях я, разумеется, слышал. Сам происхожу из младшей ветви баронов Кетта.

— Почти соседи! — восхитился я. — До замка Кетт от нас ехать не больше двадцати лиг на Полуночный Закат! Ты, случайно, не сын его милости барона Лойна-младшего?

— Именно, — просиял новый знакомец. — Третий, ненаследный!

— А ну прекратите! — киммериец хлопнул ладонью по столу, отлично зная, что если гандеры начнут разговор о родственных связях и общих друзьях да соседях, остановить их будет решительно невозможно. — Гвай, лучше расскажи, каким образом тебя угораздило попасться в капкан аквилонского правосудия? Надо полагать, из гильдии охотников ты ушел?

— Почему ушел? Ничего подобного, вовсю продолжаем трудиться. Вообще-то, долгая история.

— Как там наши приятели поживают? Асгерд, Эйнар? Упырь из Рудны? Все живы?

— А что с ними станется? Асгерд шесть лет тому вышла замуж и уехала в Пограничье, теперь живет в Вольфгарде, а мы с Эйнаром и Рэльгонном по прежнему трудимся не щадя сил... В ватагу еще троих сорвиголов набрали, ты их вряд ли знаешь.

— Постойте! — взмолился я. — Конан, насколько я понимаю, это один из твоих прежних друзей? Откуда вы друг друга знаете?

— Я же рассказывал! — воскликнул киммериец. — Перед самым началом войны с пиктам, в 1285 году, я целое лето и половину осени ходил в отряде Ночной Стражи в Бритунии. Охотники на монстров, понимаешь?

Я откинулся на спинку кресла. Теперь все встало на свои места. Разумеется, раньше Конан что-то говорил о своих бритунийских приключениях, но я не придавал его воспоминаниям большого значения — варвар на своем веку перепробовал много опасных ремесел, и если запоминать все байки Конана, памяти не хватит.

Ночная Стража? Крайне любопытно!

* * *

Признаться, в своих многогранных трудах по составлению полной и достоверной летописи Аквилонского королевства я как-то упустил из виду одну из наиболее интересных гильдий стран Заката. «Гильдией» Ночные Стражи именуют сами себя, не смотря на то, что ни в едином королевстве эта странное сообщество не платит податей, наподобие гильдий каких-нибудь шорников, гуртовщиков или купцов. Кроме того, власти государств, расположенных к Закату от моря Вилайет никак не контролируют деятельность Ночной Стражи (и совершенно не стремятся к тому).

В отличие от всех прочих торговых и ремесленных сообществ у охотников нет какого-либо руководства, за исключением Совета Хранителей, имеющего резиденцию в столице Немедии Бель-

верусе. Совет занимается исключительно помощью разбросанным по всему матерiku отрядам охотников и отвечает за сбор сведений, которые могут быть полезны Ночной Страже, а заодно и за магическую поддержку — известно, что конклавы магов Алого Пламени Равновесия и Золотого Лотоса частенько помогают охотникам.

Говоря коротко, Ночная Стража занимается истреблением как чудовищ, сохранившихся с древнейших времен, так и уничтожением прорывающейся в наш мир из Черной Бездны нечистой силы. Ремесло не только труднейшее и требующее доскональных знаний о мире монстров, но и смертельно опасное. Я ничуть не удивлен тому, что Конан некогда попробовал себя и на этом поприще — киммериец любит приключения и опасность, они всегда являлись неотъемлемой частью его жизни.

Как я позднее узнал от месьора Гвайнарда, в каждом из хайборийских королевств действует от двух до семи отрядов Ночной Стражи, все зависит от размеров государства. Ватаги охотников бывают и очень небольшими (полдесятка человек), и довольно внушительными — до полусотни охотников. Некоторые охотятся только за живыми существами, наподобие болотных ящеров, мантикор, гигантских сколопендр и прочих малоприятных зверюг, другие уничтожают исключительно нежить, нечисть и небыть, третьи совмещают оба занятия. Чаще всего охотников специально нанимают: появился у провинциального графа вурдалак в родовом некрополе — зови

Стражей, плати определенную сумму и через день можешь украшать головой твари главную залу своего замка. Бывает, что известные волшебники просят охотников поймать для них какое-нибудь редкое и опасное животное.

Впрочем, чаще всего приходится сталкиваться с более мелкими, но не менее неприятными заданиями. Вампир поселился недалеко от деревни. В лесу завелся этеркап, который ловит отправившихся на промысел бортников или дровосеков. В болотах неподалеку от дворянского замка обособился оборотень. В крупном городе начали исчезать маленькие дети; причина — прячущийся в катакомбах носферат. И так далее почти до бесконечности.

Я и ранее предполагал, что жизнь на Закате далеко не безопасна даже в отсутствие войн или эпидемий, но в действительности все оказалось куда сложнее — рядом с человеком обитает весьма значительное количество как живых, так и не-живых тварей, имеющих прискорбную страсть разнообразить свое меню нашими сородичами или использовать человеческую плоть в магических целях. Боюсь, что в отсутствие Ночной Стражи жизнь людей стала бы совершенно невыносима, однако древняя Гильдия долгие столетия стоит на страже нашей безопасности. Жаль только, что охотники не всегда успевают вовремя.

Начало истории охотников на монстров было положено чуть менее полутора тысяч лет назад, во времена падения Кхарии — в те времена кхарийцы, пытаясь защититься от хайборийского

нашествия, при помощи колдовства создали невероятное количество чудовищ, которыми умели повелевать. После крушения Ахерона и почти поголовного уничтожения обитателей империи завоевателями (немногие успели укрыться в землях, сейчас именуемых Стигией) размножившиеся и неуправляемые твари стали истинным бедствием для новых хозяев земель Заката. Тогда-то вожди хайборийцев и решили создать особые отряды по уничтожению монстров — ремесло считалось почетным, в Ночную Стражу шли сыновья князей и военачальников. Со временем, когда большая часть континента была очищена от невероятно расплодившейся нечисти, первые короли Аквилонии Алькой и Олайет утвердили Устав гильдии, почти не изменившийся доньше, а святой Эпимитриус принял охотников под свое покровительство.

За двенадцать столетий Ночная Стража многому научилась — опыт трудов был огромен и уникален. Клянусь, однажды я составлю общий свод по демонологии, пользуясь знаниями охотников, радом с которыми все ученые трактаты наших мудрецов покажутся записками недоучившегося школяра. Сами представьте, как можно удержать в голове сведения о нескольких сотнях чудовищ, их привычках, особенностях и пристрастиях? Большинство опытных Стражей знают об Универсуме монстров все или почти все.

Столь неожиданно и счастливо встреченный нами Гвайнард из Гандерланда вступил в гильдию аж в 1276 году, следовательно занимался

этим тяжким делом полные двадцать лет. О том, что Гвайнарда действительно является знатоком своего ремесла говорит тот факт, что он посейчас жив и не покалечен — охотники гибнут куда чаще, чем можно себе представить. В Бритунии он набрал свой собственный отряд, в который некогда входил Конан, и благополучно истреблял монстров на землях короля Альбиорикса Бритунийского вплоть до последнего времени. Однако, для нас оставалось секретом, какими дорогами его занесло в отдаленную Аквилонию, и почему доблестный Ночной Страж вдруг очутился на эшафоте, с которого его буквально за шиворот вытащил старый знакомец, ныне являющийся аквилонским монархом?

Придется выяснять подробности.

* * *

— Митра Всеблагой, какая же она дура! — именно этими словами встретила нас Зенобия и относилась данная уничижительная сентенция, без сомнений, к ее светлости герцогине Шамарской, только что отбывшей в замок супруга. — Конан, признавайся, кто натравил на меня эту разряженную выдру? Твоя работа?

— Почему «выдру»? — подавил смешок киммериец. — По моему, герцогиня очень мила. В прежние времена я бы за ней запросто ухлестнул...

— Попробуй только! Вам не пришлось выслушивать целых четыре квадранса здешние при-

дворные сплетни и отвечать на вопросы о тарантийских модах и бесконечных свадьбах-женитьбах вреди высшего дворянства нашего богоспаемого королевства. Она полагала, что ведет куртуазную светскую беседу, а мне очень хотелось запустить в герцогиню чем-нибудь тяжелым! Зануда!

— Надеюсь, ты ее ничем не обидела? — обеспокоился король. — Еще мужу нажалуется, а он меня на поединок вызовет!

— Обидишь такую, как же... Ихняя светлость отбыли в самом благостном расположении духа — счастлива, что ее приняла сама королева! Тьфу!

— И на том спасибо, — вздохнул варвар. — Аженна, знакомься. Мой старый друг...

Конан вытолкнул вперед немного сконфуженного Гвайнарда, однако, когда мы расселись принялись за вино, смущение исчезло как дым — чай, Зенобия не всю жизнь при королевском дворе прожила.

— Вообще-то история крайне загадочная, — спокойно повествовал Гвайнард о своем необычном приключении, едва не закончившимся весьма плачевно. — Лично я ровным счетом ничего в случившемся не понял. И если б не ваше вмешательство — гулять бы мне по Серым равнинам и вести философические беседы с Нергалом Справедливейшим.

— Наплюй, — скривился Конан. — Как ты любил говаривать в прежние времена — разберемся. А богине судьбы не забудь на досуге требы при-

нести, не иначе, стояла она сегодня за твоей спиной с обнаженным клинком.

— Не с клинком, а с аквилонским скипетром, — рассмеялась Зенобия, которой мы вкратце рассказали о недавнем происшествии. — И все-таки, месьор Гвайнард...

— Для друзей — просто Гвай.

— Очень рада. А меня можно называть Дженной. Так вот, Гвай, что же случилось? Во времена оны, будучи обычной купеческой дочуркой из Пограничья, мне приходилось сталкиваться с охотниками на монстров и я не видела среди них недостойных людей. Чем ты взбесил аквилонское правосудие?

— Знать бы, — Гвайнарда почесал в загривке. — Странная история, ваше вели... Дженна. В общих чертах выглядело это таким образом...

Рассказ месьора Гвайнарда и впрямь оказался донельзя странен, если не сказать — диковат.

— Я поехал в Аквилонию по приказу Хранителей и Совета, — неторопливо повествовал досточтимый Ночной Страж. — Дело в том, что маркграф Ройл...

— Кто-о? — немедленно перебил я, услышав знакомое и весьма интересовавшее меня имя. — Ройл? Который владеет Табронийской провинцией?

— Совершенно верно, барон. Он самый. Маркграф Ройл давненько помогает Совету Хранителей. Не знаю точно, откуда он добывает редкостные артефакты или обладает знаниями о древней магии Ахерона, но свою необычайную осведом-

ленность маркграф использует во благо. На сей раз он где-то раскопал артефакт совершенно невиданный — видимо, кхарийцы использовали подобные штуковины для управления созданными ими монстрами. Совет решил отослать за найденным амулетом меня, как одного из самых опытных Ночных Стражей. Не подумайте, я не хвастаюсь! Это слова Хранителей, а не мои.

— Кто говорит о хвастовстве? — бросил Конан, рассеянно теребя рукав колета. — Ты двадцать лет в гильдии, полтора десятилетия командуешь своим отрядом... Кстати, Эйнар сотоварищи без тебя справляются?

— Сам помнишь, каков Эйнар, — снисходительно улыбнулся Гвай. — Бессмертный, а ветра в голове — будто у мальчишки.

— Что значит — «бессмертный»? — заинтересовался я.

— То и значит. Эйнар — броллайхэн, воплощенный Дух Природы, обладающий телесным бессмертием. Причем, Дух довольно бестолковый, хотя его умения не раз спасали жизнь мне и Конану в старые времена.

— Не будем отвлекаться, — киммериец бросил на меня грозный взгляд. — Что было дальше?

— Отрядом я оставил командовать Сигурда, человек он понимающий и грамотный. А сам поехал в Бельверус, встретился с Хранителями, которые снабдили меня выправленными по всей форме подорожными и отправили в Аквилонию с четким приказом — без «подарка» от маркграфа

Ройла не возвращаться. Постороннее внимание к себе я начал ощущать после пересечения рубежей Трона Льва. Пока ужинал в таверне, кто-то обшарил мои вещи в комнатах постоянного двора, да так неприметно, что если б не наука Латераны, никогда не заметил бы...

— Латераны? — я снова не удержался от вопроса. Интересно, каким боком охотник на монстров из дремучего бритунийского захолустья касается нашей тайной службы?

— Он служил в «Черных беркутах» по молодости, — пояснил Конан, назвав знаменитый боевой отряд аквилонского секретного ведомства, исполнявший самые деликатные и далеко не всегда благочинные приказы короля. — Дальше?

— За мной следили. Неприметно, но все-таки следили — всей кожей чувствовал чей-то взгляд. А вчера днем, когда приехал в Шамар, меня взяла городская стража прямиком на постоялом дворе в нижнем городе. Обыскали, нашли зелья Ночной Стражи и амулеты, которые всегда вожу с собой... Привезли в замок, какой-то урод из чиновных провел следствие за два квадранса, установил, что я — колдун, погубивший нынешний урожай и рыбу в реке, а заодно вызвавший преждевременные и неблагоприятные роды у нескольких благородных девиц. Сущий бред, одним словом. Свидетелей нашли — такие гнусные рожи, засмотришься! Никакая арфаксата не сравнится. На мои бумаги и не посмотрели — сказали, фальшивые. Приговор — немедленная казнь за колдовство. В качестве доказательства — мой талис-

ман Ночной Стражи, который не любит, когда его лапают чужаки — искорками плюется. У тебя, Конан, такой был...

— Почему «был»? — усмехнулся король, сунул руку за ворот рубашки вытянул за цепочку серебряный медальон в виде волчьей головы. — Доселе храню. Вещь-то бесценная, и королю пригодиться может. Что случилось потом?

— Сплошной фарс, затеянный по чьему-то приказу, это я распознал четко, — мрачно ответил Гвай. — Никакого суда, никаких дознавателей от тайной службы — если я правильно помню, все дела о колдовстве в Аквилонии ведет Латерана вкупе с митрианскими монахами?

— Именно. Мой указ пятилетней давности о производстве следствия по делам, связанным с любыми проявлениями темной магии. Думал, исполняют, сволочи...

— Ага, жди, исполняют! В полночь огласили приговор. Я попробовал сопротивляться — скрутили вшестером и заковали в железо. Ну, а что произошло сегодня — сам видел.

— Та-ак... — киммериец прищурился настолько нехорошо, что у меня холодок по хребту пробежал. Обычно Конан выглядит подобным образом, только когда желает кого-нибудь убить, причем своими руками и незамедлительно. — Вилькон!

— Слушаю, ваше величество? — дверь в комнаты немедленно отворилась и на пороге, будто ниоткуда, возник молодой граф. Как всегда свеж и подтянут — образец королевского гвардейца!

— Вот возьми, — Конан быстро набросал на пергаменте несколько строк, приложил Малую государственную печать и отдал депешу Вилькону. — Начальников управы тайной службы и городской стражи Шамара — немедленно ко мне. Бегом!

Вилькон исчез столь же стремительно.

— Да зачем?.. — заикнулся было Гвайнарда, но получил категоричную отповедь короля:

— Гвай, понимаешь, это моя страна. Моя! Не терплю, когда в моем доме беспорядок! Уж поверь — я разберусь, что здесь произошло! Слово Конана Канах из Киммерии!

Я поверил. Поверил в то, что завтра с утра слетит еще несколько голов. Варвар всегда был тяжел на руку. Однако, он всегда предпочитал именно *разобраться* в ситуации, а не рубить направо и налево. Редкое качество средь коронованных особ.

— Давайте поговорим о чем-нибудь интересном, — очень своевременно прервала тяжелую паузу Зенобия. — Конан, рассказывай, как вы чудили с Гвайнардом в Бритунии? Обожаю слушать рассказы о героях, настоящих подвигах и чудовищах!

— Да какие из нас герои? — грустно отозвался Гвай. — Так, ремесленники...

* * *

Отлично зная настырность и въедливость Конана, я полагал, что все загадки будут немедлен-

но разрешены, а виновные в столь возмутительном произволе наказаны. Ничего, однако, не вышло, не помог даже знаменитый монарший гнев.

Впрочем, давайте по порядку.

Главы шамарских управ Латераны и городской стражи явились на удивление быстро — такое впечатление, будто они ожидали вызова на королевскую выволочку и прибыли полностью подготовленными: каждый притащил с собой несколько тубусов с наиважнейшими документами, которые чиновники сочли необходимым представить его величеству. Однако, киммериец на никчемные бумажки не посмотрел, а сразу потребовал отчета по делу о Гвайнарде из Гандерланда, колдуне и злодее, приговоренном к смерти «именем короля». Конан терпеть не мог когда его именем злоупотребляли и пользовались в столь неблагоприятных целях.

Выяснилось прелюбопытное: начальник здешнего секретного ведомства об аресте означенного Гвайнарда ничего не знал, а приговор подписал вместе с прочими бумагами, которые ему были представлены нынешним утром. Немногим больше мог сказать и тысячник городских гвардейцев — да, месьора Гвайнарда арестовали по доносу. Где донос? В дознавательном деле, наверное, в замке...

Немедленно доставить!

Очередной гонец отправился в замок. Вернулся. Разумеется, без какого-либо дела — оно пропало. Королевский дознаватель, который допрашивал заключенного минувшей ночью, что ха-

рактенно, тоже пропал — ни на службе, ни дома его не обнаружили. Последний раз чиновника видели рано утром, с тех пор замечен не был, хотя из города не выезжал — в записях стражи городских ворот не числится.

Остаток дня увлекшийся Конан посвятил расследованию. Сравнительно тихий и почти провинциальный Шамар был поднят на дыбы. Такого усердия местная стража, наверное, не проявляла со времен Мятежа Четырех. Искали двоих — уже упомянутого дознавателя и одного из липовых «свидетелей», которого хорошо запомнил Гвайнард, пожилого типа с заячьей губой и синим лишаем на щеке.

Результаты появились незадолго перед закатом. Чиновник был обнаружен в подвале заброшенного дома мертвым — похоже, его забили насмерть. Лишайного нашли живым, но мертвецки пьяным в одной из самых низкопробных таверн на окраине и привезли к «Фениксу», во дворе которого десятники стражи принялись вытрезвлять подозреваемого ледяной водой из колодца и прочими народными методами.

Конан тем временем ознакомился с простран- ным отчетом, посвященным смерти чиновника дознавательной управы и только глаза закаты- вал.

— Хальк, я с ума сойду, — покачал головой киммериец глядя на лист пергамента. — Сам по- суди, как можно читать вот эдакие перлы, не го- воря уж том, чтобы писать их: «...достоверно выяс- нено, что смерть младшего коронного советника Рих-

тера наступила в результате умышленного пораже- ния означенного советника позволяющим причинение телесных увечий фрагментом древесного ствола в верхнюю часть туловища, в просторечии называемую головой». Если этому засранцу двинули поленом по черепу, пусть так и говорят, а не разводят косноязычие... Следов, ясно дело, никаких. Его убрали как ненужного свидетеля.

Королю явили лишайного — благодаря уме- лым действиям многоопытной стражи бывший «свидетель» теперь был в состоянии связать не- сколько слов не запинаясь. И тоже неудача: ему, обычному пьянчужке, господин важный чинов- ник сунул целый золотой и приказал подтвер- дить, что во-он тот бородатый месьор, сидящий в креслах, колдун и чернокнижник. Какое лжесви- детельство? Господин чиновник лучше знал, что надо говорить, а мы люди маленькие... То есть как три года каторги за лжесвидетельство? Не виноват!

— Конан, да отпусти ты его, — подал голос Гвайнард. — Человеку просто на чарку вина не хватало... И так теперь ясно, что концы спрята- ны в воду. Единственно, мы выяснили, что у мо- их недоброжелателей был свой человек в управе стражи или они просто дали ему хорошую взя- ту.

Лишайного пинком выкинули на улицу и пригрозили, что если попадется еще раз — мед- ных рудников не миновать.

Засим Конан устроил разнос начальникам управ и сгоряча чуть было не отправил их в по-

зорную отставку, но внезапно подобрел и отпустил перепуганных сановников с миром, пообещав, однако, что теперь за шамарской гвардией и тайной службой будут всерьез приглядывать люди барона Гленнора, которых пришлют из столицы для надзора за местным правосудием. И не забудьте вернуть месьюру Гвайнард изъятые у него вещи!

В замок отбыл новый гонец — за конфискованными у Гвая дорожным мешком и оружием.

— И чего ты добился? — невинно поинтересовалась внимательно наблюдавшая за происходящим Зенобия. — Только переполошил весь город.

— Ничего, легкая взбучка им будет полезна, — бессердечно заявил Конан. — По крайней мере еще полгода или год не будут брать взятки и начнут разбирать дела с прилежанием. Потом, конечно, все вернется на круги своя. Гвай?

— Чего?

— Вот я как думаю... Раз уж ты собирался навестить маркиграфа Ройла, поедешь вместе с нами. Во-первых, так будет безопаснее. Во-вторых, по дороге в Таброний мы тоже хотели заглянуть в гости к его милости. Новые подорожные на обратный путь мы для тебя выправим... Есть у меня весьма серьезное подозрение, что месьюры, учинившие тебе подлянку в обвинении в колдовстве на этом не остановятся. Кажется, ты кого-то всерьез заинтересовал.

— Скорее всего, интерес вызываю не я лично, а поручение, данное мне Хранителями, — подумав, ответил Гвайнард. — Может быть Ройл дей-

ствительно раскопал столь хитрую штуковину, что за ней начали охотиться очень серьезные люди? Известные маги, главы тайных служб?

— Только этого нам не хватало, — проворчал король. — Помнишь, что творилось в Немедии, когда принц Тараск отыскал где-то камень, принадлежавший во времена Роты к Цепи Равновесия, Венцу и Радуге? Древние артефакты могут оказаться донельзя опасны, особенно если их создавали не-люди...

— Предлагаю слегка поужинать и лечь спать, — высказала здравую мысль Дженна. — Завтра у нас долгий конный переход и я жажду отоспаться. Конан, распорядись, чтобы наши «Драконы» глаз не смыкали — вдруг заметят что-нибудь подозрительное?

* * *

В отличие от монаршей четы я засиделся допоздна — заносил в путевые заметки события прошедшего дня. Я всегда таскаю с собой одну-две пухлые тетради спитых из самых лучших листов телячьего пергамента и склянку с особыми чернилами, производимыми в Зингаре из краски морской каракатицы — при попадании на лист каплей воды эти чернила не размазываются. С подобной тетрадью можно запросто переплыть реку или оставлять ее под дождем.

На башне герцогского замка отбили полночь и я решил, что пора на боковую. В моей комнате была установлена совершенно чудовищная кро-

вать с бархатным балдахином и шторками, а я подобные роскошества терпеть не могу: неудобно, да и холодно — такие здоровенные лежа требуется сначала согреть камнями, лежавшими возле пламени камина.

На нашем этаже «Феникса» царила полнейшая тишина — после раскрытия инкогнито короля месьюр Барт попросил остальных постояльцев переселиться в комнаты на первом и третьем этажах, полностью предоставив в наше распоряжение второй. Граф Вилькон поставил караулы на лестнице и возле королевской опочивальни, полагая, что этого будет вполне достаточно — снаружи дом охраняли Шамарская гвардия и тихари из тайной службы.

Свечи я не задул. Если ночью потребуется встать по своим делам, в темноте и незнакомом помещении обязательно наткнешься на мебель. Вытащив теплые булжники, обернутые белым холстом из-под одеяла я совсем был вознамерился нырнуть в постель, как вдруг расслышал доносившийся незнамо откуда тонкий писк, будто неподалеку мяукал котенок. Сей безобидный звук меня абсолютно не насторожил, поскольку хозяин «Феникса» содержал несколько раскормленных пушистых кошек, в чьи обязанности, наверное, входили ловля мышей в подвале и услаждение взоров постояльцев. Но спустя несколько мгновений начало происходить нечто странное.

Словами такое ощущение выразить довольно сложно. Представьте, вы смотрите на тонкое пла-

мя свечей, расставленных в гнездах массивного бронзового подсвечника, и вам начинает казаться, будто пламя меркнет, будто окутываясь туманом. В комнате сгустилась неестественная мгла, будто помещение и впрямь наполнилось дымом.

Пожар? Ничего подобного — дымом не пахнет, только от камина тянет легким запахом прогоревших березовых поленьев. Или у меня что-то со зрением?

Протер глаза — никаких изменений. И тут же где-то под грудой заворочался неприятнейший скользкий комок страха, возникший ниоткуда. Со стороны двери в коридор вновь пришел мяукающий звук, только сейчас он был куда громче и противнее — никакая кошка так орать не может, гнусно, с привизгом...

Внезапно очень захотелось спать — я почувствовал, что если закрою глаза, то попросту потеряю сознание и упаду на пол. Не знаю почему, но я машинально ухватился ладонью за висевший на шее серебряный оберег в виде «Ока Эпимитриуса» с выгравированным благочестивым изречением святого. Кстати, освящен амулет был в главном храме Тарантии, верховным жрецом Негасимого Пламени.

Помогло! Действительно помогло — мрак слегка рассеялся, да и неожиданная сонливость начала пропадать!

— Что, зеленые демоны вас задери, тут происходит? — громко сказал я, желая подбодрить самого себя. — А ну-ка посмотрим...

Меч и кинжал находились на специальной де-

ревянной подставке для оружия у входа в комнату. Схватив левой рукой увесистый подсвечник с десятком толстых свечей, правой я вытащил клинок из ножен и толкнул ногой дверь...

В коридоре царит полутьма, хотя многочисленные лампы с зеркальцами, расставленные на подставцы обязаны давать достаточно света. Едва шагнув через порог я споткнулся обо что-то большое и мягкое. Ничего себе! Это ж один из наших лейтенантов, Гедрих из Тарбада! Крови на паркетном полу нет, мертвым он не выглядит, скорее спит или потерял сознание.

Слева — вход в покои Конана и Зенобии. Справа. — в комнату графа Вилькона, а сразу за ним поселили Гвайнарда. Именно там я и узрел невнятное копошение, будто в коридор второго этажа «Феникса» пробрались...

Не-ет! Я не верю своим глазам!

— Караул!! — я завопил так, словно меня резали на куски. Конан однажды говорил, что если попавший в серьезный переплет человек хочет получить помощь или просто привлечь внимание других людей, ни в коем случае не следует орать нечто наподобие «Резут!» или «Убивают!». Нужно или просто голосить, или выкрикивать слова, на которые любой обратит внимание, наподобие «Пожар!» или «Крыша обвалилась!». Ну я и взвыл с новой силой:

— Пожа-ар!!

И существа, пытавшиеся прорваться в комнату Гвайнарда, тотчас обратили на меня свое благосклонное внимание. Никогда ничего подобного

в жизни не видел. Твари совершенно по-обезьяньи припадали на все четыре конечности, облачены были в ужасающие коричневые лохмотья, головы покрывали мотки темной ткани, оставлявшие лишь разрез для глаз, которые оказались маленькими и светящимися болотным зеленоватым огнем. По комплекции таинственные ночные визитеры не уступали взрослому и сильному человеку, только из-за манеры опираться на четыре конечности казались ниже и приземистее.

Я поставил подсвечник на пол и начал осторожно, шажками, отступать.

Два странных существа продолжили взламывать крепкую дверь (наше счастье, что месьюр Барт строился основательно и не пожалел денег на обустройство постоянного двора и лучшие дубовые доски!), еще два пристально заинтересовались моей персоной — сиречь, начали медленно и угрожающе наступать, причем одна тварь перебралась на стену, двигалась по которой не хуже любого таракана.

— Помогите, пожар! — снова воззвал я.

Почему на мои отчаянные призывы о помощи никто не откликается? Я в панике обернулся и различил еще три лежащих на полу силуэта — это были «Драконы» оберегавшие лестницу. Что с остальными?

Хоть я и библиотекарь, каковых принято презрительно именовать «книжными червями», но все-таки дворянское воспитание даром не проходит — обращаться с оружием умею недурно. (Не считите за хвастовство — любой желающий мо-

жет проверить). Посему, когда тварь, двигавшаяся по отвесной стене, будто лошадь по мощеному тракту, внезапно прыгнула, я сумел отразить нападение. По счастью, оказалось достаточно одного точного удара мечом: брызнула кровь, которая в невнятном пламени свечей и ламп показалась мне фиолетовой, существо издало резкий и скрипучий мыв, и отпрянуло.

— Хальк! Назад! Быстрее, олух!

Меня дернули за плечо и отбросили в сторону лестницы. Упал, конечно. Фу, хвала богам, Конан проснулся! Выбежал из спальни в одних нижних штанах. Однако, почему король не вооружен? Только в левой ладони варвар сжимает некое подобие булыжника — что именно это было я сумел рассмотреть с трудом.

Нет, не булыжник — всего лишь кошелек! Большой кожаный кошель с королевским вензелем. Киммериец запустил руку в мешочек, выудил оттуда монету и запустил ее в ближайшего монстра. Зеленая вспышка, запах грозы, тварь бесследно исчезает. За несколько мгновений то же самое произошло и с тремя остальными зверюгами — они просто растворились в воздухе, после удачного попадания в голову тяжеленьким кругляшом чеканки тарантийского монетного двора.

— Серебро, — Конан протянул мне свободную руку, помогая подняться с пола. — Обычные полусетерции, еще при Нумедидесе печатал... Живой?

— Вроде живой, — выдохнул я. — Что это было?

— Нечисть, — кратко ответил варвар. — Самая натуральная нечистая сила, которая смертно боится серебра. Хорошо хоть демоны плюгавенькие попались...

В этот момент потерявшая сознание стража начала шевелиться. Со стороны лестницы, ведущей на первый этаж «Феникса» послышались встревоженные возгласы — проснулся месьор Барт с челядью и домочадцами.

Оказывается, Конан проснулся очень вовремя — слышал мои крики, а усыпляющая магия на короля почему-то не подействовала. Киммериец выглянул в коридор, увидел обезьяноподобных тварей, моментально уяснил в чем дело и схватил кошелек с серебряными монетами, валявшийся на столе.

— Спасибо амулету Ночной Стражи, — пояснил варвар, похлопав себя ладонью по груди. — когда неподалеку от его владельца находятся порождения Черной Бездны, он становится холодным и начинает вздрагивать, а заодно — оберегает от воздействия чужой магии. Оберег сих пор ледяной, значит в доме осталась нечистая сила... Та-ак, а это что еще за явление?

Наши гвардейцы оставили всякие попытки прийти в сознание и снова затихли. Похоже, магия продолжала действовать.

Явление приближалось из темноты коридора и имело обличье очень высокого человека, закутанного в плащ с широким капюшоном. Росточком неизвестный визитер на целую голову превосходил длинного Конана, то есть почти касался

макушкой потолка. Разглядеть скрытое под капюшоном лицо было невозможно — под коричневой тканью клубилась непроглядная тьма. Да и передвигался чужак необычно, очень плавно. Создавалось впечатление, что он летел, а не шел своими ногами.

Тень остановилась в пяти шагах от нас, слегка качнулась вправо-влево, а затем торжественно изрекла неестественно низким голосом:

— Я должен забрать ваши души в Бездну...

— Это бывает, — согласился Конан, высыпал в ладонь пригоршню монет и швырнул их в призрака.

Никакого эффекта! Серебро бессильно рассыпалось по полу, не причинив тени никакого вреда — мне показалось, что монеты даже не коснулись нечисти, будто встретив на пути некую невидимую преграду.

— Ай, как скверно, — пробормотал киммериец и осторожно шагнул назад, увлекая меня за собой. — Хальк, если понадобится — беги со всех ног! Этот красавчик будет куда как посильнее обезьян...

Тень сунула руку в складки плаща и извлекла длинный и тонкий клинок. Только меч оказался не металлическим а... Каким-то бесплотным, что ли? Лезвие выглядело чуть светящейся полоской белесого тумана.

— Хальк, — шепнул Конан, — Бегом на кухню! Переполоши всех! Нужна вода. Много — несколько ведер! Попробуем повоевать другими методами...

Я прыжками рванул к лестнице — привык за много лет выполнять приказы варвара немедленно и точно, поскольку в ситуациях подобных сегодняшней киммериец почти никогда не отдавал бесполезных распоряжений. Нужна вода — значит будет вода!

Краем глаза я успел заметить, что Конан сорвал с подставки лампу, наполненную маслом, смешанным с «зингарским огнем», прозрачным и весьма горючим веществом получаемом из черной земляной смолы, иногда прорывающейся на поверхность из глубин. Подданные королевы Чабелы каким-то образом научились перегонять эту смолу и использовать получившееся зелье для многих целей, от военных, до самых прозаических — им можно пропитывать факела или отмывать въевшуюся грязь.

Я кубарем скатился по лестнице в главную залу — хвала Иштар Всемиловитой, хозяин и двое вышибал раз собирались идти наверх и выяснять, что происходит и кто орет...

— Воду! Ведро! — рявкнул я и добавил самое убедительное: — Пожар!

— П-пожар? — заикнулся ошарашенный месьор Барт, но внимание хозяина тотчас привлекло то, что происходило на верхней площадке парадной лестницы «Феникса».

Конан выманивал призрака из коридора на ступени. Оно и понятно — вход был отделан мрамором, а стены коридора обшиты деревянными панелями, если будет использована смесь из лампы, спустя квадранс от роскошного постояло-

го двора останутся одни головешки. Так полыхнет, что зарево в Тарантии видно будет!

— Ну, давай, забирай душу! — подзадоривал киммериец гостя из Черной Бездны, одновременно пытаясь достать его острием меча. — Иди, иди за мной, чучело!

— Воду! — шикнул я на месьора Барта, сделав зверское лицо. Хозяин неразборчиво пискнул, но вкупе с обоими помощниками тотчас побежал на кухню.

Киммериец уже спустился на девять ступенек вниз, попутно уворачиваясь от ударов туманного клинка — тень перешла от пустых угроз к нападению. А когда перепуганный, но сумевший взять себя в руки месьор Барт сотоварищи приволокли сразу шесть ведер воды, по одному в каждой руке, Конан попросту швырнул лампу под ноги призраку...

По счастью столб пламени не достиг деревянных балок высокого потолка. Горящая жидкость потекла по каменным ступеням вниз. Демон все-таки оказался отчасти материален — он вспыхнул, будто связка просушенного хвороста, зловеющий басовитый рык сменился тоненьким визгом... Тогда Конан снова использовал серебряные монеты, остававшиеся в кармане штанов.

На сей раз серебро достигло цели, скорее всего пламя серьезно ослабило колдовскую защиту призрака. Вой немедленно прекратился, объятая оранжевым огнем фигура размылась, а затем превратилась в полосу немедленно исчезнувшего черного дыма.

— Тушите, тушите огонь! — заорал киммериец. — Тварь больше не вернется!

Следующий квадранс мы посвятили борьбе с разгоравшимся пожаром — зингарская смесь вкупе с маслом плохо гасилась водой, пришлось использовать толстые ковры, лежавшие в зале. Нам на помощь прибежали бдевшие снаружи городские гвардейцы и конфиденты Латераны. Общими усилиями удалось сбить пламя и вытащить на улицу тлеющие остатки некогда роскошных иранистанских ковров. Разумеется, все это сопровождалось воплями, руганью и грозными командами короля — переполох получился знатный, наверное весь квартал перебудили.

— Ох, ваше величество, — едва не плача пожаловался несчастный месьор Барт, когда все кончилось. — Не в обиду будь сказано, но навлекли вы напасть на мой дом...

— Трон Льва возместит тебе все убытки, — ухмыльнулся Конан. — А насчет напастей скажу, что они меня всю жизнь преследуют. Аквилонии достался крайне оригинальный король... Вот что, любезный, не мог бы ты налить всем присутствующим по доброму кубку вина? За мой счет, разумеется!

Глава третья

Неприятности только начинаются

*5 день первой осенней луны 1296 г.
Табронийская провинция — замок Ройл*

Будя по вашему описанию, привидение с туманным клинком является так называемым «Черным отшельником», демоном-мстителем, которого любой знающий некромант может вызвать из Черной Бездны, — размеренно повествовал месьор Гвайнард, покачиваясь в седле. — А вот с тварями, которых Хальк называл «обезьянами» будет посложнее, такие монстры мне не известны, хотя до нынешнего утра я был уверен, что знаком с большинством порождений Первородной Тьмы...

— Кажется, ты кому-то очень серьезно насолил, — сказал в ответ Конан. — давненько я не сталкивался с использованием черной магии в центре крупного города. Совсем обнаглели! Как думаешь, чья работа? Стигийцы?

— Почему обязательно стигийцы? — покачал головой Гвайнард. — У нас на Закате хватает и своих, доморощенных черных магов. Есть у меня одно нехорошее подозрение...

— А именно? — хором спросили Конан и Зенобия.

— Понимаете, вскоре после немедийской войны, в которой вы принимали самое непосредственное участие, Хранители нашей гильдии начали получать очень невнятные и противоречивые сведения о некоей организации темных магов, появившейся в Бельверусе и некоторых других городах Немедии и Кофа. Король Нимед II был тогда слишком озабочен укреплением собственной власти, знаменитый пятый департамент оказался частично разгромлен во время правления принца Тараска и перестал следить за событиями... Вот и ожили тщательно истребляемые властями культы.

— Какие-нибудь подробности известны? — живо заинтересовался киммериец, отлично понимавший, что если подобная зараза объявилась в соседнем королевстве, то она может запросто перекинуться и на Аквилонию.

— Крайне немного, — сказал Гвай. — Это какая-то новая или слишком хорошо забытая старая форма поклонения Тьме. Весьма рафинированная, я бы сказал. И довольно привлекательная для обычных людей. Идея состоит вот в чем: жил лет восемьсот назад в Иранистане некий пророк по имени Мэних, который создал свое учение. Он утверждал, что существует два мира

— мир материальный, греховный, созданный темными злыми богами, и мир духовный, бестелесный. Души людей — чистые и светлые субстанции — заключены в материальные тела, в которых пребывают словно в тюрьме. Следовательно, человеку надо избавиться от всего тварного, отречься от плотского зла, чтобы прийти в бестелесный мир Света. Так вот, это учение некие современные философы творчески переработали: раз плоть — это зло, то плоть и виновна во всех злых делах, которые происходят на земле. Ясно?

— Уж куда яснее, — понимающе хмыкнул король. — Убил, ограбил, насильничал — виновато греховное тело, а душа остается чистенькой... Ничего себе! Это же самая натуральная проповедь вседозволенности! Твори чего хочешь, все равно после смерти человеческий дух уйдет в мир света!

— Совершенно верно, — кивнул Гвай. — Секта, возникшая в Немедии действует полностью в соответствии с данным правилом. Разрешено все — черная магия, убийства, любая подлость и низость, использование любых методов для достижения цели. Все это делает не человек, не его благородный дух, а мерзкая телесная оболочка, заставляющая людей делать зло во имя плоти. Несколько последователей секты Мэниха выловили в прошлом году митрианские монахи в Нумалии, был суд. Выяснили очень немного — в сети попалась слишком мелкая рыбка. Они называют себя «фатаренами» от иранистанского

слова «очищенный», исповедуют отречение от низменной материи, что совершенно не мешает им заниматься темным колдовством — мол, все приходящие в наш мир бестелесные твари вроде недавнего Черного Отшельника являются из чистого нематериального мира, следовательно зла в себе не несут.

— И что монахи сделали с сектантами? — поинтересовалась Зенобия.

— А что с такими обычно делают? Вспомнили наставления Эпимитриуса и указ какого-то немецкого короля о борьбе с поклонением злу, приговорили к смерти через очищающее пламя, сунули в корзину из ивовых прутьев, обложили соломой и благополучно сожгли...

— Туда им и дорога, — заключил Конан. — Вернусь в Тарантию, обязательно переговорю с настоятелем храма Неугасимого Пламени Митры и начальником тайной службы, пусть внимательно следят за нашими добрыми подданными — чувствует мое сердце, скоро эта пакость объявится и в пределах Трона Льва.

— Если уже не появилась, — пессимистично сказал я. — Особенно если вспоминать события прошедшей ночи. Если уж опытный Ночной Страж не смог определить, каких именно демонов на нас натравили...

— Это ты про «обезьян»? — переспросил Гвай. — Думаю, если покопаться в старинных книгах по колдовству, мы найдем их описание. Хотя, всякое может быть — зло, настоящее Зло, слишком многолико и многообразно. Если за моей го-

ловой охотятся именно фатарены, то я могу предположить, что они открыли некие доселе неизвестные ворота в Черную Бездну, из которых может вылезти какая угодно гадость в Хайбории доселе невиданная. Заметьте, магию использовали довольно безграмотно — сначала усыпили всех возможных свидетелей, причем только на втором этаже «Феникса», а потом натравили демонов. На большее умения не хватило. Окажись колдун более сильным, постоянный двор просто загорелся бы с четырех концов синим пламенем. Я не подозреваю стигийцев именно потому, что они предсказуемы — какой-нибудь Тот-Амон использовал бы старые испытанные методы времен Кхарии, вроде Белого Пламени Оридата, а тут появился Черный Отшельник, демон весьма редкостный и к Сету Змееногу не имеющий ровным счетом никакого отношения. И обезьяны эти странные... Боюсь, ждет нас веселенькое путешествие!

— Я этого тоже побаиваюсь, — мрачно отозвался Конан. — Придется теперь отрастить глаза на затылке и таскать с собой кучу серебра.

Между прочим, нынешним утром киммериец лично съездил в шамарское казначейство и забрал оттуда («волею короля»...) изрядный мешок с монетами чистейшего беспримесного серебра — каждому нашему гвардейцу была выдана своя доля, а заодно было приказано непременно носить серебряные митрианские амулеты. Засим Конан имел долгую беседу с орлами из тайной службы, поморгавшими черного мага в столице

герцогства — громкая выволочка не прошла даром и в Шамаре едва не объявили осадное положение. По крайней мере Латерана взялась проверить всех до единого приезжих и принять самые строгие меры — случившееся в «Фениксе» было расценено как покушение на царственную особу, а тяжелее преступления в Аквилонии не бывает. Разве что святотатство..»

Оставив взбудораженный удивительными событиями Шамар позади, мы перебрались на пароме на противоположный берег Тайбора и поехали на Полночный Восход, в сторону мрачной темно-синей полосы немедийских гор, отделявших Аквилонию от соседнего великого королевства. Гвайнард, как и решили вчера, присоединился к нашему отряду — Конан приказал графу Вилькону выдать месьюру охотнику запасную форму «Черных Драконов» без знаков различия, чтобы Гвай не слишком выделялся среди остальных путников, да и сам переоделся в облачение легата гвардии — черный колет с серебряным шитьем. Теперь мы выглядели как обычный гвардейский гран-платунг. Картину портили только я и Зенобия, к «Драконам» никак не принадлежащие, а посему одетые в статское платье. Королева выбрала темный костюм охотницы-амазонки, а мне пришлось таскать скромное дворянское блио без всяких украшений кроме небольшого герба баронов Лингена — инкогнито приходилось ревностно соблюдать даже после блестящего провала в Шамаре.

Первая половина дня, вплоть до краткого от-

дыха в придорожной таверне прошла на диво спокойно — лошади шли размеренной привычной рысью, мы разговаривали, выслушивали воспоминания Гвайнарда и Конана об их приключениях в Бритунии, спорили о магии, как темной так и светлой и любовались суровыми пейзажами предгорий. Встречных путников было немного, никто раздражающе не орал «Да здравствует король!», поскольку монарший штандарт благоразумно решили не доставать.

Места тянулись диковатые — вековой лес, редкие деревеньки лесорубов, быстрые речки, стекающие с Немедийского хребта, редкие придорожные столбы. Мы благополучно миновали развилку (поедешь налево — попадешь в городок Таброний, направо — в замок Ройл) и решительно направили лошадей к горам. Лесные животные человека почти не боялись, олени и лоси запросто пересекали дорогу перед отрядом, один раз в чаще промелькнула бурая шкура медведя, тявкали волки. Словом, обычнейшая картина аквилонского захолустья. Любопытно, почему маркграф Ройл почти никогда не покидает эти угрюмые и малонаселенные земли? Столь блестящему дворянину можно было бы жить и в городе...

Самое применимое слово к маркграфу: «очень». Очень богат. Очень родовит. Очень умен. Очень влиятелен. В его жилах течет кровь не только Первых Королей, но и самого Эпимитриуса, в числе прямых предков тоже есть монаршие особы — аквилонский государь Аэций Меченосец и немедийский король Гуннар IV.

Людам несведущим надо объяснить разницу между простым графом и графом марки. Графский титул — четвертый в дворянской иерархии Аквилонии. На верхней ступеньке стоит король, потом великий герцог, за ним герцог обыкновенный, а уж потом граф. Соответственно устроен и принцип вассалитета — тот кто стоит ступенью ниже, подвассален более высокому сюзерену, который в свою очередь подчиняется следующему, и так далее. Маркграфы же подчиняются только королю, как и великий герцог. Без всяких промежуточных ступенек. Маркграфства — это маленькие королевства в королевстве. Их владельцы сами управляют землями, издают свои законы, пользуются правом суда и платят в казну минимальный налог. Всего в Аквилонии есть три маркграфства, образованные еще во времена Первых Королей.

Лорд Ройл — затворник и домосед. Он крайне редко выбирается из своего замка в горах (причем замок абсолютно неприступен, что было проверено во время большой войны с Немедией — сорок семь лет назад. Немедийцы осаждали крепость почти год, потом плюнули и ушли), еще реже приезжает в столицу и вовсе не общается с ближайшими соседями-дворянами. О Ройле вообще мало известно. Всем, кроме меня и Конана.

Мы познакомились с Ройлом три с половиной года назад, во времена невероятной аферы с Кладом Нифлунгов, который «нашел сам себя», эту историю я описывал в летописи в разделе именуемом «Сокровища дракона Нидхогга» и здесь

повторять ее не стану. Ройл тогда оказал Конану существенную поддержку в разрешении загадки древнего клада и спас жизнь короля во время сражения с пиктами на реке Унере. Тогда-то я и свел дружбу с самым нелюдимым дворянином Аквилонии.

Маркграф разделял мои увлечения старинной историей и коллекционированием рукописей, да и сам оказался заядлым собирателем древностей. Но одним из своих заявлений Ройл сразил меня наповал: он якобы отыскал развалины Стобашенного Пифона, столицы Кхарийской империи, которые безуспешно разыскивали уже добрую тысячу лет. Три года назад Ройл пообещал, что когда закончит свои исследования, он обязательно пригласит меня и Конана в свой уединенный замок и покажет обнаруженные там сокровища, но все это время от маркграфа не поступало никаких известий, кроме официальных посланий в столицу по поводу коронных праздников. И вот две седмицы тому, прямоком перед отъездом Конана в путешествие по стране в замок короны доставили письмо на мое имя, в котором Ройл, неким волшебным образом прослышавший о намерениях киммерийца, приглашал нас погостить...

— Спешивайся! — от размышлений меня оторвал громкий голос короля. — Отдыхаем и обедаем!

Нашим взорам был явлен большой деревянный дом, стоявший на отшибе от захудалой крошечной деревеньки у самого тракта. Вывеска над

входом безграмотно извещала интересующихся, что перед ними «Товерна Пародистый бык. Милости просим!»

Ну что ж, окажем владельцу сего скромного заведения столь ожидаемую им «милость».

* * *

В нравственных и назидательных сочинениях о подобных личностях обычно говорят, что «их чело не обременено печатью добродетели». Авторы трактатов о грехах человеческих оказались безусловно правы — богомерзкая рожа громоздящегося перед трактирной стойкой субъекта не отличалась ни добродетелью, ни внешним совершенством. Сплошные пороки и уродство.

Кажется, мы появились в «Пародистом быке» исключительно вовремя, ибо упомянутая личность сжимала в руках взведенный арбалет, недвусмысленно наведенный на пожилого месьора в грязном фартуке — видимо, на владельца таверны, за спиной коего, вдобавок, жались и тонко попискивали две великовозрастные девицы из прислуги.

Далее все происходило с удивительной быстротой. Конан, как человек в подобных делах опытный мигом оценил обстановку, толкнул Зенобию обратно за дверь (к чему riskовать?) и громко осведомился:

— Мы не помешали?

Громила с арбалетом допустил последнюю в своей жизни ошибку: круто развернулся и под-

нял оружие. После чего немедленно получил в лоб звездочкой-шурикеном, каковые щедро украшали пояс киммерийца якобы для пушшего эстетства.

Получилось весьма красочно, будто в страшных сочинениях Стефана Короля Историй: наглец замертво рухнул на пол, в одной руке — арбалет, в другой — зажаты отобранные у хозяина «Быка» монеты, в башке — дыра, на досках — огромная лужа крови.

— Господа дворяне... — с трудом вымолвил старик-хозяин. — Как мне отблагодарить вас? Это же беглый каторжник Сайрус, жуткий человек...

— Отблагодарить — хорошим обедом, — заявил Конан, подошел к труп каторжника и не принужденно его обшарил. Кошелек разбойника, равно и зажатые в ладони мелкие серебряные монеты, полетели на стойку. — И уберите падаль!

Хозяин пригнал двоих конюхов, которые уволокли труп неудачливого грабителя на задний двор, шуганул девиц, которые бегом ринулись на кухню — предстояло накормить два десятка голодных и уставших мужчин. Владелец «Быка» рассадил нас за столы, приволок жбан с черным элем и полдесятка кувшинов с местным кислым вином, попутно рассказывая о проделках убиенного Сайруса — сей редкостный злодей уже полгода тиранил округу, но изловлению не поддавался, поскольку дорожная стража трудится из рук вон плохо, а деревенские просто боялись свя-

зываться с разбойником. Такой убьет и не заметит... Постойте, милостивые государи, у меня же для вас письмо!

— Для нас? — с удивлением вздернул брови Конан. — То есть как это?

— Да вот так, — развел руками таверщик. — Понимаете ли в чем дело...

История, поведанная содержателем «Быка», оказалась совершенно невразумительной. Оказывается, за квадранс до нашего приезда, таверну осчастливил своим появлением упомянутый месьор Сайрус, отдал хозяину пакет и приказал передать его господам военным в гвардейской форме, каковые наверняка объявятся сегодня ближе к вечеру. А поскольку разбойник не рассчитал время прибытия королевского отряда (мы действительно ехали довольно скоро...), он попутно решил ограбить таверну — что поделаешь, привычка пуше натуры! Задержка вышла грабителю боком, но свою главную задачу — передать письмо — он выполнил и с тем благополучно отбыл на Серые Равнины.

— Челуха какая-то, — недоуменно сказала Зенобия. — Конан, почему какие-то разбойники передают тебе письма?

— Пока не знаю, — буркнул киммериец.

Конан распечатал пергаментный пакет. Пробежался взглядом по строчкам. Присвистнул. Бросил депешу на стол и я сразу же подхватил помятый лист.

«Настоятельно рекомендуем королю Аквилонии Конану Канах отправиться с визитом в Таброний и

навсегда позабыть о замке Ройл. В противном случае Трон Льва унаследует Просперо Пуантенский. Уезжайте немедленно!»

Подпись и печати отсутствуют, ясное дело.

— Они бы еще пририсовали внизу череп и скрещенные косточки, — фыркнул варвар. — Ну чисто дети! Даже угрожать по-человечески не умеют!

— Жаль, что ты убил этого Сайруса, — заметил я. — Может, и получилось бы из него что-нибудь потрясти.

— У жалкого исполнителя, которому поручают доставку никчемного письма? — немедленно усомнился Гвайнард. — Просто нам дали понять, что за отрядом наблюдают и кто-то очень не хочет, чтобы Конан и его спутники посетили местьора маркграфа.

— Его величество славится на Закате своим ослиным упрямством, — сказала Зенобия. — И отправителю данной депеши должны быть известны не самые приятные особенности характера нынешнего аквилонского короля — по крайней мере в Тарантии о них судачат на каждом углу. Скорее всего, цель данного послания — подстегнуть интерес к замку Ройл.

— Ослиное упрямство? — Конан уставился на Дженну. — Возлюбленная супруга моя, тебе не кажется, что употребление столь необдуманных словес вполне подпадает под статью закона об оскорблении моего величества? А это — двадцать пять лет каторги, пожизненная ссылка или плаха.

— Поговори мне еще... — усмехнулась королева. — Следующей ночью будешь спать на конюшне. А если серьезно — то мне решительно непонятна закрученная вокруг нас интрига. Чего они хотят добиться?

— Во-первых, интрига закручена не вокруг нас, а вокруг него, — Конан ткнул пальцем в Гвайнарда. — Во-вторых, я решительно не понимаю слова «они». Кто — «они»? Фатарены эти поганые? Просто какие-нибудь охотники за артефактами? Мы ничего не знаем!

— Чует мое сердце — скоро все разъяснится, — чуть более мрачно, чем следует ответил Гвайнард. — Вот что, пока не приготовили обед, пойду-ка я осмотрю лошадь этого Сайруса. Я приметил, она стоит у коновязи, на седле есть переметные сумы... Может, чего отыщу.

— Пошли вместе, скучно тут сидеть, — ответил король и мы вчетвером выбрались из полутемной залы «Быка» наружу, под прохладное осеннее солнце.

Лошадка попалась норовистая — незнакомых людей она немедленно попыталась укунить или лягнуть, но Гвайнард сумел успокоить скакуна. Обыск не дал почти ничего — два кошелька, набитые серебряными немедийскими талерами (неплохая сумма! Зачем Сайрусу понадобилось грабить таверну, когда денег было вполне достаточно?), меховая куртка, два кинжала, запасные сапоги, две смены одежды.

— Похоже, наш разбойничек собирался в дальнюю дорогу, — заключил киммериец. — Ни-

какой нормальный грабитель не возит с собой столько барахла!

— А вот, взгляните, — Гвай развернул обнаружившийся в мешке пергаментный свиток. — План дорог Восходной Аквилонии и порубежных областей Немедии. Значки какие-то странные нарисованы...

— Дай сюда... — варвар отобрал карту, осмотрел, но тоже ничего не понял. — Хальк, или я ошибаюсь, или это буквы кхарийского алфавита?

— Именно, — подтвердил я. — Иероглифы Ахерона. Митра Всеблагод!

У меня буквально потемнело в глазах, едва я уяснил, что именно изображала карта.

— Никакой это не дорожный план! — воскликнул я. — Просто вы взглянули на линию немедийских гор с Киммерийским хребтом и приняли... Не может быть!

— Чего — не может быть? — потеряла меня за рукав Зенобия.

— Понимаете, расположение гор и русла рек за минувшие пятнадцать столетий не изменилось, — начал торопливо объяснять я. — Природа вообще меняется исключительно медленно, если не считать грандиозных катастроф вроде затопления Атлантиды или падения Небесной Горы. В последние годы существования Кхарии материк выглядел практически так же, как и сейчас... Перед нами — карта центральных областей Империи!

— Слишком уж древним план не выглядит, — бесстрастно заметил Гвай.

— Да он нарисован от силы год назад, говорю как библиотекарь! Чернила явно зингарские, пергамент выделан в Немедии — у них особый способ дублирования телячьих шкур, я могу распознать!

Пока я причитал над удивительной картой, Зенобию отвлекло некое движение, обозначившееся в глубине обнесенного низким плетнем двора таверны. Когда королева разглядела, какой именно предмет шевелится, она немедленно прервала все разговоры:

— Конан, кто тут недавно толковал о «нормальных грабителях»? Как думаешь — то, что я вижу — нормально?

Полностью согласен с Зенобией. Положение, когда человек, убитый наповал всего полтора квадраса назад, встает на ноги и собирается войти обратно в таверну нормальным никак не назовешь.

Мы все на несколько мгновений оцепенели, а злосчастный мертвец тем временем довольно бодренько протопал к задней двери «Быка» и благополучно исчез за притвором.

Тотчас из дома донеслись истошные вопли, причем орали не только перепуганные служанки, но и мужчины.

Спустя миг послышался изрядный треск и в затянутое слюдой окно таверны камнем вылетел его сиятельство граф Вилькон, выбив собой раму и переплетение тонких реек. Тело графа парило над землей совсем недолго — доблестный капитан гвардии короны рухнул из поднебесных вы-

сей в заросли лопухов под окном и более не совершал попыток двинуться.

— Я посмотрю, что с Вильконом, — первой очнулась Дженна. — Да разберитесь же, что там происходит, недоумки!

И мы со всех ног припустили к дому, выхватывая клинки. Шум внутри все нарастал и крики из удивленных начали превращаться в откровенно панические.

Когда мы ворвались в обеденную залу «Пародистого быка», глазам предстало далеко не самое приятное зрелище, однако наше полнейшее недоумение вызвали вовсе не кровавые лужи и брызги, и не количество трупов, уже валявшихся на полу.

Для начала скажу, что странный разбойник Сайрус снова был мертвее мертвого — он валялся почти возле порога и Конан едва не споткнулся о его тело. Засим мы быстро выяснили, что дерутся наши вышколенные гвардейцы, точнее не дерутся, а отбиваются от лихо размахивающего мечом сервента гвардии по имени Арус. А клинком этот самый Арус действовал безупречно — отбил сыплющиеся на него удары, сделал обманное движение, и вот острие его меча пронзает грудь очередного гвардейца...

Дальнейшее вообще превзошло все мои ожидания. После убийства своего сотоварища Арус бездыханным рухнул на занозистые доски пола, только что убитый им «Черный Дракон» наоборот, вскочил на ноги и принялся ожесточенно рубить сотоварищей...

— Только не это! — в совершеннейшем отчаянии взвыл Гвайнард, схватил меня и уже собравшегося ринуться в гущу непонятной битвы киммерийца за ворота и потащил назад. — Уходим! Немедленно! Это — ревенант!

— Кто?.. — огрызнулся Конан. — Отцепись! Я не брошу своих!

— Они и так уже мертвы! — орал, брызгая слюной Гвай. — Быстрее, дубина киммерийская! Я знаю, что говорю!

Меня это несказанно удивило, но Конан вдруг послушался — видимо знал, что Ночной Страж не станет поднимать панику из-за ерунды.. Тем более, что бой подходил к своему логическому финалу — каждый следующий убитый гвардеец внезапно вставал на ноги (предыдущий, наоборот, умирал) и продолжал драку с удвоенной силой и таким потрясающим искусством, что я был готов залюбоваться. От отряда наших телохранителей практически ничего не осталось...

Размышлять было некогда. Мы выскочили на улицу. Конан немедля подбежал к Зенобии, возившейся с бессознательным графом, а мы с Гваем побежали отвязывать наших лошадей.

Киммериец притащил Вилькона на плече — Дженна уверенно сказала, что граф живехонек, только оглушен. Едва варвар успел перебросить бессознательное тело поперек седла графской лошади, крики в таверне стихли, дверь скрипнула и на пороге показался один из наших гвардейцев, сжимавший в руке клинок. С лезвия капала кровь, на груди человека (или уже не-человека?)

расплывалось темное пятно, колет был рассечен.

— Быстрее! — оглушительно рывкнул Гвайнард и буквально взлетел в седло. Гвардеец быстро зашагал к нам. — Шпор поддайте! Сматываемся!

И мы весьма резво смотались.

* * *

Столь позорного отступления я в жизни не видывал. Наши скакуны вихрем пронеслись через сонную деревню, перепугав пасущихся у самых домов овец и возившихся в пыли детишек, копыта выбивали по сухой глине широкого тракта частую дробь, мелькали росшие по краям дороги деревья. Как Вилькон не свалился со спины коня и не расшибся насмерть — ума не приложу. Не иначе, провидение уберегло.

Спустя полторы-две лиги мы заставили лошадей перейти с бешеного галопа на рысь, затем на шаг. Бока наших четвероногих спасителей покрылись вонючей пеной.

— Остановимся ненадолго, — выдохнул вспотевший и красный как рак Гвайнард. — Ревенант за нами не угонится, он же мертвый...

— А вот теперь, — яростно рыкнул киммериец, — ты мне объяснишь, что произошло и почему я потерял ни за что, ни про что, отлично обученный и до последнего преданный королю гвардейский платунг!

— Плохи дела, — покачал головой Гвай, спры-

гивая с седла. — Ревенант — один из самых жутких монстров нашего мира. Да, собственно, никакой это не монстр по большому счету... Разновидность проклятия, причем на редкость паршивая!

Пока мы снимали с седла доселе не приходившего в себя Вилькона и устраивали его на вынужденной из походной сумы попоне — пускай отлеживается! — Гвай объяснял, с какой именно разновидностью нечисти мы столкнулись.

— Кхарийцы являлись редкостными выдумщиками по части разнообразных замысловатых проклятий, — говорил бравый Ночной Страж, попутно откупоривая флягу с вином — подкрепить силы. — Прежде я видел настоящего ревенанта всего один раз в жизни, и то едва успел ноги унести. Словом, это проклятие накладывается на того, кто потревожил покой кхарийской гробницы, причем не обычной, а такой, где упокоен сильный маг. Человек, вскрывший гробницу ничего не почувствует, вынесет оттуда золотишко и камушки, но стоит ему умереть — он превратится в мстителя.

— Мстителя? — переспросила Зенобия. — Но мы-то здесь при чем? Лично я никогда не грабила кхарийские захоронения, даже в мыслях не было. Конан, а ты? В прошлом?

— Не приходилось... — пожевал губами киммериец. — Их слишком мало и они очень хорошо запрятаны. Валузийские, стигийские — бывало.

— Да при чем здесь твои старинные подвиги? — поморщился Гвайнард. — Вы слушайте, не перебивайте. Итак, получивший проклятие человек

впоследствии умирает. Не знаю, что становится с его душой, но мертвое тело обретает некую особенную странную жизнь... Ревенант сначала убивает тех, кто убил его самого, а затем становится стражем той самой гробницы — то есть возвращается на место, где получил проклятие и бессонно бдит, если это выражение применимо к мертвецу.

— Обычный зомби, — отмахнулся Конан. — По крайней мере ничуть не страшнее. Хотя... Я не знал, что зомби такие прыткие, обычно они поспокойнее и куда медлительнее. Видели, что творилось на постоялом дворе?

— Вот теперь мы подошли к самому главному, — тяжело вздохнул Гвайнард. — Дело в том, что дух или демон, завладевший телом ревенанта способен обучаться всему тому, что знает убитый им человек и переселяться в новое тело. Словом, если бы ревенант сначала убил тебя, то мигом переместился бы в тело Конана Канах, получил бы твои боевые, а то и магические умения... Человеческое тело, как ни странно запоминает все, что когда-либо делало, движения, навыки. Потом ревенант убивает меня, тоже переселяется в мое тело и учится новому. Таким образом знания Конана и Гвайнарда объединяются, а драться мы оба умеем неплохо. И так далее. Чем больше убитых — тем больше знаний и умений. Это может продолжаться почти до бесконечности. Теперь понимаешь, почему он с такой легкостью расправился с «Драконами»? Когда ревенант убивал последнего, он уже владел всеми приемами боя, ко-

торые знали восемнадцать предыдущих, ведь у каждого бойца есть свои приемы, свои секреты. Ясно?

— С ума сойти, — ошеломленно выдавил киммериец. — Значит, теперь эта тварь будет охотиться за нами? Ведь разбойника, на котором лежало проклятие, убил именно я? Воображаю, с каким противником придется столкнуться, если этот твой рав... рев... в общем, зомби, перебьет всех гвардейцев Шамара или Тарантии... Это то же самое, как если бы я вышел против целого легиона!

— Не перебьет, — сказал Гвай. — У проклятия есть четкие границы: уничтожить надо только своих обидчиков и тех, кто присутствовал при убийстве, а затем вернуться к гробнице. На прочих людей ревенант не нападает, разве что они сами его атакуют... Кхарийцы были умными людьми, и понимали, что если такой вот демон начнет уничтожать всех подряд, то рано или поздно наш мир будет населен одними ревенантами — они просто вырежут все человечество, с их-то возможностями! Отсюда и ограничение. Но уничтожить такую тварь исключительно сложно — ревенанта надо либо сжечь, а оставшиеся кости перетереть в порошок и развеять по ветру, либо растворить в едкой жидкости...

— Ничуть не жалею о том, что наши предки уничтожили Кхарию, — едко добавила Зенобия, хлопотавшая возле Вилькона. — Ну и народец был!

— Не то слово, — кивнул Гвайнард. — Впрочем, хайборийское нашествие являлось лишь од-

ной из причин падения Империи, причем не самой значительной. Они сами себя погубили...

* * *

Когда меня, ученого летописца и тайного советника короля спрашивают, что я могу рассказать о Великой Империи Ахерона, то чаще всего я затрудняюсь с ответом.

Как это ни удивительно, великое государство существовавшее более двух тысяч лет не оставило после себя почти никаких следов. Это вовсе не означает, что кхарийцы не являлись талантливым и многоученым народом — сохранившиеся до наших дней единичные рукописи, трактаты, артефакты, развалины зданий, непреложно свидетельствуют: Империя действительно достигла больших высот во многих областях человеческих знаний, а особенно в магии. Именно магия и стала главной причиной падения Кхарии.

Собственно в последние десятилетия Ахерона жизнь в государстве протекала довольно вяло и благополучно. Как выразился бы прагматичный Конан — кхарийцы попросту зажрались. Ради блага сравнительно небольшого народа трудились сотни покоренных племен, армия отвыкла от больших войн и растеряла славу самого непобедимого и дисциплинированного войска обитаемого мира, владыки Кхарии увлеклись колдовством, в котором видели основу своей власти и безопасности. Короче говоря, Империя постепенно подтачивалась изнутри и было достаточно од-

ного сильного удара, чтобы этот колосс рухнул, и более не поднялся.

Ударов было нанесено сразу несколько, причем каждый из них являлся смертельным. Во-первых, многочисленные племена хайборийцев, явившиеся с Полуночи и Восхода начали войну за порубежные провинции Кхарии, а когда вожди варваров уяснили, что слухи о несокрушимой мощи имперской армии несколько преувеличены, началось полномасштабное вторжение несметных дикарских орд на земли Ахерона.

Во-вторых, после нескольких крупных поражений, когда ситуация стала угрожающей, правители Империи приняли решение не стесняться в средствах и использовать в войне магию. Последствия этого шага стали роковыми, и вот почему. Последние императоры сделали ставку не на вооруженный отпор хайборийцам всеми доступными военными силами, а на свои знания в колдовстве. Результатом изощреннейших магических опытов стало появление на землях Закатного материка невероятного количества монстров, созданных кхарийцами — как ни странно, эти твари не только представляли собой значительную опасность, но и подчинялись своим хозяевам-людям. Однако, лихие опыты подданных Ахерона закончились плачевно — природа не вынесла столь невероятного надругательства над собой, мир переполнился магией и она неожиданно вышла из-под контроля кхарийцев.

Всем известно, чем является так называемая «Буря Перемен» — буйство сорвавшегося с цепи

колдовства, когда заклинания не направляются волей мага, а действуют сами по себе, переплетаясь в самых невероятных сочетаниях. Подобные магические штормы способны натворить немало бед, однако они всегда кратковременны — обычная Буря Перемен продолжается не более суток, вдобавок это явление считается крайне редким и встретиться с ним можно исключительно в странах, где волшебство доселе является главным занятием большей части подданных — в Гиперборее и Стигии.

Катастрофа, произошедшая в Кхарии, являлась своеобразной Бурей Перемен, только продолжалась она несколько лет и захватила огромные территории. Взбесившееся бесконтрольное колдовство уничтожало целые города, порождало к жизни совсем уж невиданных чудовищ, открывались врата в мир духов, откуда вылезали такие мерзопакостные демоны, что и подумать страшно. Гвайнард сказал совершенно правильно — заигравшиеся с магией кхарийцы сами погубили свое государство и свой народ, ужасный колдовской шторм бушевавший над материком не щадил никого и ничего, хотя, надо признать, на некоторое время остановил хайборийское нашествие.

О том, что происходило в эти смутные времена свидетельств почти не сохранилось, но общая картина приблизительно ясна. Происходили невероятные искажения пространства, тварной материи и времени, волны магии, подобно морскому прибою, уничтожающему песчаные домики на пляже, стирали с лица земли селения и храмы,

люди сходили с ума или просто-напросто исчезали из нашей Сферы, перемещенные магией в такие места, о которых лучше не говорить перед наступлением ночи. Бесчинствовали вышедшие из подчинения кхарийцев монстры, которые, вдобавок еще и скрещивались меж собой, давая потомство, являвшее собой абсолютно непредсказуемых и невиданных зверюг...

Словом, темный ужас.

Буря, исчерпав себя, закончилась спустя десять-пятнадцать лет, и к этому времени благоразумно отступившие на Полночь хайборийцы могли взять остатки Кхарии голыми руками, поскольку от Империи осталось несколько жалких обломков, крошечных государств, отчасти сумевших защититься от магического шторма. Дальнейшее представить не сложно: разрозненные княжества были уничтожены, на троны вновь образовавшихся государств взошли самые выдающиеся вожди хайборийских племен, святой Эпимитриус вместе с первыми королями, Алькоем и Олайетом, начали создавать на груде развалин, оставшейся от Кхарии, Аквилонию и Немедию, а у наших предков появилось новое увлекательное и опасное занятие — устранить последствия колдовской бури. Именно тогда и появилась гильдия Ночной Стражи, которая взялась за уничтожение бродивших по землям континента монстров, уцелевших после падения Ахерона.

Как уже сказано выше, Кхария не оставила после себя практически никакого наследия — все было уничтожено. Хайборийцам пришлось не

восстанавливать ушедший в небытие мир, а буквально строить его заново. Все наши знания, алфавит, все достижения мысли и разума, все что сделано нашими руками — все это принадлежит нам и только нам, хайборийцам. Да, такие города как Тарантия или Бельверус построены на древних кхарийских фундаментах, да мы помним о том, что тысячу триста лет назад одна цивилизация сменила другую, но мы никогда не использовали наследства предшественников. Его просто не осталось.

...Около полусотни рукописей, разбросанных по самым крупным библиотекам стран Заката, примерно столько же магических артефактов, найденных в чудом сохранившихся гробницах или в развалинах кхарийских храмов, монеты, нехитрая утварь — вот все, чем мы располагаем. И, конечно, в этот же список можно включить сохранившихся в отдаленных чащобах монстров и древнюю магию Ахерона, которая изредка дает о себе знать в виде неприятных казусов наподобие уже знакомого вам ревенанта.

И кто знает, может быть под забытыми руинами кхарийских городов доселе дремлет нечто столь опасное, что все перипетии недавней войны Алого Камня покажутся нынешним владыкам Заката лишь мелкими неприятностями...

* * *

— Это просто невероятно, — сокрушенно качал головой киммериец. — Потерять лучший от-

ряд гвардии, а потом бежать сломя голову от какого-то паршивого демона под теплое крылышко графа Ройла! Начинаю думать, что удача сегодня повернулась к нам не лицом, а стороной прямо противоположной.

— Не скули, — нахмурилась Зенобия. — «Драконов», конечно, жалко, но так уж сложилось. Надо благодарить всех богов за то, что мы живы. Лично я не вижу ничего страшного в том, что королевская свита ныне состоит только из монаршей супруги, личного летописца, охотника на монстров и капитана гвардии... Это в твоем стиле, Конан.

Замечу, что Вилькон пришел в себя довольно быстро — череп у его светлости графа оказался на редкость крепким. Вилькону очень повезло: когда ревенант ворвался в таверну и начал убивать всех, кто попадется на глаза, граф попытался атаковать его сзади и хоть ненадолго задержать, но демон сначала выбил оружие из рук месьора капитана, сам при этом потеряв меч, схватил Вилькона за ворот и с немыслимой для обычного человека силой вышвырнул в окно, тем самым сохранив ему жизнь. Голова у графа сейчас, разумеется, побаливала, рану на затылке пришлось перевязать, но в целом наш капитан пострадал не слишком сильно.

Мы, не слишком торопясь, но и не задерживаясь, продолжили путь к горам. Гвай утверждал, что ревенант будут преследовать короля до последнего и обязательно появится в замке Ройл, а посему, явившись к маркграфу, нам следует под-

готовиться к встрече и когда настанет подходящий момент уничтожить древнего монстра самым простым и доступным способом — заманить в яму, наполненную смолой, и благополучно сжечь. Как именно придется заманивать ревенанта Гвайнард умолчал, равно как и не ответил на вопрос о том, позволит ли светлейший маркграф рыть во дворе его резиденции помянутую яму. Сказал только, что разберемся на месте.

Холмы становились все выше, со стороны Востока на нас смотрели мрачноватые горы, над которыми висели тяжелые свинцовые тучи, нагонявшие тоску. Настроение у всей компании было преотвратное — оно и понятно: веселая поездка в гости к месьюру Ройлу обернулась весьма плачевно. Гвай сначала пытался развлекать нас рассказами о своих приключениях в Бритунии, однако разговор совершенно не клеился и последний отрезок пути мы преодолели в полнейшем молчании.

— Кажется, приехали, — высказался киммериец, указывая вперед и влево. — Недурно Ройл устроился, ничего не скажу.

— Да, выглядит весьма впечатляюще, — кивнула Дженна. — Любопытно, как предки маркграфа это построили?

— Надо полагать, руками...

Представьте: огромная, почти черная гранитная скала поднимающаяся к облакам подобно великаньему персту на высоту полутора тысяч локтей, склоны почти отвесные, ни единого деревца — только голый гранит. А в поднебесье па-

рит замок-дворец о семи башнях, причем обиталище Ройла оказалось снизу доверху отделано светлыми мраморными плитами — поразительный контраст, черная гора и белый замок. Так красиво, что дух захватывает.

— Понимаю, почему немедийцы не смогли взять Ройл во время войны за тайборские земли, — протянул король, с интересом рассматривавший это потрясающее сооружение. — Если хватит припасов, в замке можно хоть триста лет отсиживаться. Штурмовать его абсолютно невозможно. Слишком высоко, слишком хорошо простреливаются все подходы... Я, находясь в Ройле, смог бы отбиться от любого числа неприятеля располагая двумя десятками хорошо обученных лучников и парочкой катапульта.

— Все это замечательно, только как мы забремся наверх? — проворчала Зенобия. — Лошади не пройдут, это совершенно исключено! А нам прикажете по веревочной лестнице карабкаться?

— Уверен, Ройл что-нибудь придумал, — сказал я. — Взгляните моя королева, у подножия скалы — деревня. Мы можем оставить лошадей на постоялом дворе, если таковой отыщется, а сами поднимаемся к воротам на своих двоих.

Чем дальше — тем страннее. Поселок, расположившийся под защитой замка, вовсе не походил на обыкновенную деревню в предгорьях. Дома не бревенчатые, а каменные, хотя строевого леса вокруг предостаточно, обитатели селения выглядят скорее как городские гильдейские мастера, а не как крестьяне, ощущается запах

угольного дыма, звенят молоты в кузнях, люди выглядят слишком деловито...

Никакой ограды вокруг поселка не было, даже застава на въезде не обнаружилась. Только подъехав ближе к центру деревни, над которым возвышался тонкий шпиль маленького митрианского храма на нас обратили внимание. На дорогу (моценую, вообразите!) вышел здешний обитатель, уткнул руки в бока и воззрился на дорогих гостей.

— Кто, откуда? — привычно прогудел бородатый месьор одетый в ярко-синее блио гербовой расцветки Ройла.

— Конан Канах, король Аквилонии, — кратко ответил я, как всегда выполняя обязанности герольда. Разводить лишние церемонии совершенно не хотелось. — С визитом к его светлости маркграфу.

— Как же, извещены... — бородач почтительно поклонился, потом обернулся и рявкнул: — Эй, там! Примите лошадей у государя Конана и свиты!

Конюхи будто из-под земли выпрыгнули. Мы спешили и забрали остатки вещей, которые были спасены во время бегства от ревенанта. Впрочем, нетяжелые дорожные мешки тотчас подхватил бородатый.

— Идемте к подъемному механизму, — сказал он. — Иным способом в замок попасть невозможно, уж прощенья просим за неудобство.

— Подъемный механизм? — наклонила голову Зенобия. — Иштар Милостивая, благодарю тебя!

Я-то полагала, что придется ноги на камнях ломать.

— Не извольте беспокоиться... э... благородная дама, все предусмотрено.

— Обращайся к госпоже «ваше королевское величество», — важно сказал я. — Перед тобой королева!

— Королева, значит? — наш проводник взъерошил пятерней черную разбойничью бородищу. — Извиняйте, у нас тут по простому, к столичным кургуазиям не приучены. С позволения достойнейших месьоров — я Эгар, конюший их светлости маркграфа. Идемте, покажу дорогу...

Чудо механики представляло из себя довольно широкую дощатую платформу, огороженную по краям перилами, достигавшими высоты пояса. Толстые канаты, привязанные по углам уходили в непостижимую высоту. Наверное, падать оттуда будет неприятно.

— Эта штука надежна? — обеспокоено спросил я, с недоверием ступая на доски. — Не ломается?

— Двести лет как не ломается, только канаты да блоки раз в год меняем, — насквозь безмятежно ответил месьор Эгар. — Каждый день пользуюсь, и ничего, живы. Поехали?

Он звякнул в укрепленный на отдельном столбике колокольчик, канаты натянулись и квадратная платформа медленно поползла вверх.

Добро пожаловать в замок Ройл!

Глава четвертая

Хозяева и гости

*5-6 дни первой осенней луны 1296 г.
Замок Ройл*

Вы позволите войти, милорд?
— Называйте меня «господин барон».
— Как вам будет угодно, господин барон. Его светлость маркграф Ройл распорядился, чтобы во время вашего пребывания в замке я исполнял обязанности камердинера месьора Халька Юсдаля.

— Вот как? Что ж, замечательно... Как вас зовут?

— Джигг, господин барон. К вашим услугам.

Я уставился на внезапно объявившегося камердинера, пытаясь установить, что это за фрукт. Месьор Джигг имел три с половиной локтя от пятки до макушки, сиречь был роста среднего, чуть полноватую приятную физиономию, умные темно-карие глаза и короткие волосы расчесанные на прямой пробор. Одевался он скромно — черный

суконный колет, украшенный крошечной вышивкой слева на груди: на синем гербовом щите голова мыши. Это была эмблема Ройла.

— Какие-нибудь приказания, господин барон? — ненавязчиво напомнил о себе Джигг.

— Нет, благодарю... Впрочем... Джигг, замок хорошо охраняется?

— Я имею все основания гарантировать вашу безопасность, господин барон.

— Понимаете, в пути с нашим отрядом случилась большая неприятность...

— Это очень огорчительно, господин барон. Я знаю о происшедшем. Позвольте выразить вам свое сочувствие.

— Знаете? Откуда?

— Его величество Конан Канах в весьма ярких и экспрессивных выражениях обрисовал случившееся командиру гарнизона замка. Я при этом присутствовал.

— Ясно... Когда, говорите, вернется маркграф?

— Не ранее, чем к утру, господин барон. Поверьте, приняты все необходимые меры, чтобы в замок не проникли посторонние.

— Неужели вы и впрямь пользуетесь только подъемным механизмом? Никаких лестниц, ходов ведущих вниз?

— Мы привыкли, господин барон. Так было спокон веку.

— Но каким, в таком случае, образом был построен этот дворец? Столь огромные каменные блоки невозможно затащить на отвесную гору при помощи какого-то подъемника!

— В прежние времена, господин барон, существовала дорога, ведущая к подножию скалы. Она была завалена во время осады замка немецкими войсками.

— Понятно. В таком случае, принесите мне холодного мяса, кувшин вина и ваших замечательных пшеничных лепешек.

— Будет исполнено, господин барон. Вы позволите мне взять ваше платье, чтобы к утру почистить?

— Разумеется...

— Другие распоряжения, господин барон?

— Нет, идите.

— Слушаюсь, господин барон.

Джигг бесшумно исчез за дверью.

Данная беседа происходила в отведенной мне комнате на втором этаже замка Ройл, хотя слова «второй этаж» в данной ситуации звучат чистейшим эвфемизмом. Стоит распахнуть ставни и взглянуть в узкое окно, вам станет понятно почему. Лично я, решив полюбоваться до заката здешними красотами немедленно схватил жестокое головокружение — настолько было высоко. Такое впечатление, что смотришь на мир глазами коршуна из самого поднебесья. В принципе, так оно и есть — от моего уютного обиталища до земли было не меньше, чем две тысячи локтей.

Нас прекрасно приняли, однако вышедший встречать дорогих гостей каштелян замка осведомил Конана, что его светлость маркиграф «уехал в горы по неотложным надобностям» и объявится в родовом гнезде скорее всего завтра утром. За-

сим нас проводили в комнаты, предложили воспользоваться купальней, в которой (о, радость!) даже была вскипяченная вода, после чего управитель замка предложил королю и остаткам его свиты отужинать — дело подходило к вечеру. Потом Конан отпустил капитана Вилькона спать — у графа начала сильно болеть голова — а сам пошел проверять здешнюю стражу, вполне обоснованно опасаясь возможного визита ревенанта.

Не скажу, что резиденция маркиграфа Ройла слишком роскошна, по крайней мере тарантийским дворцам канцлера Публио, обожающего вульгарную роскошь, она и в подметки не годится, не говоря уж о замке короны. Однако, здесь мило — каменные стены прикрыты полированными деревянными панелями, картины и скульптуры, потемневшие, но очень красивые серебряные подсвечники, множество охотничьих трофеев, пушистые ковры, коллекции старинного оружия. Словом, неброско и удобно.

Моя комната оказалась отделана в офирском стиле, с низкой мебелью, пухлыми диванчиками, резным столиком и широкой кроватью, по счастью безо всякого балдахина — терпеть не могу этих собирателей пыли. В довершение ко всему — личный камердинер, что тоже радует. По виду Джигг является замечательно вышколенным слугой с умом и утонченными манерами.

— Отдыхаем? — дверь открыли, разумеется, пинком. Конан решил меня проведать. — Ты неплохо устроился. Впрочем мы с Аженной ничуть не хуже, и Гвайнард с Вильконом тоже... Живет

Ройл не на широкую ногу, но цену удобствам знает.

Киммериец расположился в пышном кресле напротив и с сожалением взглянул на девственно чистый столик, которому давно следовало бы украситься кувшином с вином. Положение спас неведомо откуда появившийся Джигг — мой новый камердинер с бесшумностью мыши проник в комнату и почтительно застыл у порога с серебряным подносом в руках.

— О, ваше величество... Вы позволите?

— Валяй, — кивнул Конан. — Вино и ветчина? Отлично! Эй, друг, притащи еще один кувшин. Этого нам будет маловато!

Джигг посмотрел на короля странно, но возражать не стал.

— Как будет угодно вашему величеству.

И снова растворился в пустоте.

— Конан, с прислугой подобного сорта не следует так обращаться, — усмехнувшись сказал я. — Этот Джигг по величественности и знанию куртуазии даст фору любому обыкновенному королю.

— А я какой?

— А ты — король варварский. Если будешь говорить камердинеру «валяй» или «эй, друг», введешь его в состояние близкое к помешательству — по его представлениям король должен быть...

— Ради всех богов, не начинай снова! — решительно перебил киммериец и едва за голову не схватился. — Все церемонии и расшаркивания остались в Тарантии! В конце концов, я тоже хочу

недолго побыть человеком, а не... — тут Конан скорчил мерзкую рожу и проскочил, весьма похоже передразнивая зануду-канцлера, помешанного на куртуазии и приличиях, — *...коронованной особой, обязанной своим поведением подавать достойный пример добрым подданным Трона Льва. Тьфу!*

— Хорошо, оставим, — я поднял ладони в примирительном жесте. — Ты не плюйся, а лучше налей вина. Джигг, молодчина, как чувствовал — притащил два бокала!

Вино оказалось прекрасным, но вкус мне не был знаком — видимо, использовали какой-то местный сорт винограда. Табронийская провинция виноделием не славится, но здесь прижились несколько офирских сортов, из которых дворяне окрugi изготавливают весьма достойные напитки, дабы не тратиться на дорогие пуангенские или шемские вина.

— Что будем делать? — Конан поставил вопрос напрямую. — Нехорошо конечно, решать важные вопросы без Зенобии и Гвайнарда, тем более, что все случившееся их касается напрямую. Но они уже спят... А ты у меня тайный советник. Отрабатывай королевское жалование — советуй.

— Что будем делать с чем? — Не до конца понял я. — Ты про ревенацта, что ли?

— Эту тварь мы и так загоним обратно в Черную Бездну, — легкомысленно отмахнулся Конан. — Что делать с теми, кто строит нам козни? Сначала натравили демонов в Шамаре, потом пе-

редали письмо, которое принес человек, носящий древнее кхарийское проклятие и запросто хранящий в мешке копии карт Ахерона, о которых даже ты, большой любитель старины, никогда ничего не слышал. Гвайнарда совершенно недвусмысленно пытались убить из-за некоего артефакта, найденного Ройлом, а сам артефакт становится предметом охоты этих самых фатаренов или как их там... Не слышу советов, барон.

— Полагаю, сначала надо вдумчиво побеседовать с маркграфом, — сказал я. — Затем, соколиной почтой отправить подробнейшее послание в Тарантию, барону Гленнору. Пусть делом секты поклонников Изначальной Тьмы займется тайная служба, привлекут лучших конфиденентов... Если, конечно, нас преследуют именно фатарены и мы не ошибаемся.

— Мне одно не нравится, — задумчиво сказал Конан. — Что все ниточки этой истории увязываются на наследие Кхарии. Артефакт Ройла — якобы кхарийский. Ревенант — проклятие кхарийское. Найденная нами карта — тоже кхарийская, точнее копия с оригинала. Чует мое сердце, эта распроклятая древность еще заставит нас поплясать на углях. А насчет письма Гленнору — тут ты прав безупречно. Завтра же отправь депешу, пусть Латерана начнет поиски. Не нравятся мне эти фатарены, слишком уж подозрительно... Еще мысли?

— Надо каким угодно способом избавиться от ревенанта, — подал я идею, ничуть не блеснувшую оригинальностью. — Полагаю, что уже но-

чью или завтра с утра этот неубиваемый зомби начнет шляться вокруг Ройла и попытается пролезть в замок, поскольку ему нужны души убийцы и свидетелей его смерти. То есть, прежде всего твоя душа. Затем тварь примется за меня, Зенобию, Гвайнарда и Вилькона.

— В крепость ревенант не проберется, — чуть более самоуверенно чем следует отозвался киммериец. — Пока вы заканчивали ужин и болтали с управителем о всякой ерунде, я подробно ознакомился со здешней фортификацией, интересно же! Помнишь, я рассказывал о крепости Волчьего Острова, существовавшей во времена Роты-Всадника? Мы там вместе с Гваем побывали.

— Что-то связанное с порталом времени, появившемся в Бритунии одиннадцать лет назад? Гигантский замок Артано?

— Именно. Так вот, по своей защищенности Ройл чем-то напомнил мне Волчий Остров. Только уменьшенный раз в пятьдесят. Наверх не то, что живой мертвец, муравей не залезет — скалы отвесные, острые, случаются камнепады. Начальник гарнизона сказал, что они тут ловушки какие-то расставили... Добавим сюда отличную охрану — я взглянул на дружину Ройла, настоящие упыри. Такие рожи, что жуть берет. В общем, замок Ройл сравнительно безопасен... Кр-ром Громовержец!!

Постулат о сравнительной безопасности замка Ройл был тут же развеян. Чуть скрипнула дверь, привлекая наше внимание. Конан повернулся на звук первым и тотчас вскочил, прыгнул за крес-

ло, да так и остался стоять с разинутым ртом машинально шаря рукой на поясе — ножны с клинком король оставил в своих покоях. Я наоборот — замер на диванчике, будучи не в силах шевельнуться.

Собачка. Крупная собачка темной масти. Зверь просто толкнул лапой неплотно закрытую камердинером дверь и вошел, желая взглянуть на гостей его светлости маркиграфа.

Обликом это диво напоминало стигийского сторожевого пса с гладкой шкурой, но таковым совершенно не являлось. Ростом с теленка, тело худощавое и поджарое, совершенно не вяжущееся с огромной вытянутой и тяжелой головой. Глаза багрово горят, и это не отблеск зажженных нами свечей — в зрачках пылает свое, темное, недоброе и мерцающее пламя. Уши короткие и острые, морда в шрамах, зубастая пасть напоминает разрез рта океанской акулы. Вначале я подумал, что шерсть у животного черная и оказался не прав. Шкура давала красноватый отблеск. В общем, урод редкостный.

Однако не скверный облик собаки вызвал у нас с Конаном столь бурную реакцию. Едва войдя в комнату, псина выдохнула из пасти струйку темного пламени, которая коснулась ворса ковра. Пополз мерзкий запах жженой кости. Хорошо хоть сам ковер не загорелся.

— Это демон? — слабо выдавил я, полагая, что неведомые преследователи нашли нас и в замке Ройл, снова натравив потусторонних тварей.

— Нет, господин барон. Это не демон. Если

быть точным — не совсем демон, с вашего позволения.

В дверном проеме образовалась фигура месьера Джигга. Камердинер стоял сразу за огнедышащей собакой и я начал бояться за его жизнь — а ну, как псина нападет? Очень уж несимпатичный зверь.

— Это хэллхаунд, домашняя собака его светлости маркиграфа, — с поразительной невозмутимостью осведомил нас Джигг. — Очень милое существо. Видимо, он зашел, чтобы познакомиться с вами, господин барон. Равно как и с его величеством.

— Я не желаю знакомиться с этим монстром, — быстро сказал Конан. Зверь тем временем выдохнул еще одну струю пламени и шикарный иранистанский ковер наконец-то начал тлеть. Джигг тотчас шагнул вперед и аккуратно затоптал искры.

— Убери отсюда эту тварь!

— Как будет угодно вашему величеству, — чуть поклонился камердинер. — Видимо, Пончика привлек запах ветчины с вашего стола... Пончик, пойдем. Господам нежелательно твое общество.

Собакообразное чудовище по имени Пончик послушно развернулось и потрусило в темноту коридора.

— Ваше величество и господин барон еще что-нибудь желают? — Джигг поставил на столик обещанный кувшин с вином и застыл в величественно-почтительной позе. — Могу предложить

изумительные фрукты, только вчера доставили из Ианты...

— Нет! — рявкнул Конан. — Иди... те.

— Позволю себе пожелать вашему величеству и господину барону покойной ночи. В случае необходимости господин барон всегда может вызвать меня при помощи звонка колокольчика.

Джигт указал на шнурок с кисточкой, возле двери, развернулся и отбыл.

Дверь бесшумно затворилась.

— Ну и дом... — выдохнул киммериец, плюхаясь обратно в кресло. — Я всегда знал, что Ройл чуток не в себе, но заводить в доме хэллхаунда? Верх своеобразия!

* * *

Если вы думаете, что в дальнейшем этот вечер продолжался мирно и безмятежно, то весьма глубоко заблуждаетесь. На мою долю выпало еще несколько сюрпризов, вызвавших появление в русой шевелюре барона Юсаля десятков новых седых волосков.

Мы с Конаном благополучно употребляли замечательное сладкое вино маркграфа, разговаривали, строя самые невероятные предположения о природе постигших нас неприятностей, перемывали косточки черным магам и на чем свет костерили противных кхарийцев, которые даже через тринадцать столетий ухитряются причинять неприятности своим старинным врагам из хайборийского племени. Лишь когда на донжоне два

раза бухнул колокол, отмечая, что все нормальные люди в такое время видят десятый сон, мы собрались на покой.

— Ладно, почесали языками и хватит, — добродушно сказал киммериец, поднимаясь со своего кресла и потягиваясь. — Пойду к себе...

— И даже не поговоришь со старым другом?

Новый, совершенно незнакомый мне голос слышался из дальнего угла комнаты. Голос скрипучий и... Как бы это сказать? Не совсем человеческий. Нотки проскальзывали странные.

Боги всеблагое, откуда здесь взялся еще один человек?

Тем временем незнакомец, облаченный в широкую черную хламиду с капюшоном (мне это явление ментально напомнило Черного Отшельника, посетившего нас в «Фениксе») шагнул к нам, попутно стягивая с головы капюшон.

Вот тут я едва не сорвался. Понимаю, что дворянин с моим воспитанием и положением не может (не имеет права!) издавать визги более приличествующие старой деве, узревшей мышку на своем туалетном столике, но... Только собрав всю имевшуюся в наличии волю отпрыска старинного баронского рода я подавил желание громко возвестить всем обитателям замка Ройл о своих чувствах.

Оно было ужасно. Отвратительно. Этот кошмарный монстр будто сошел со страниц сочинения Стефана Короля Историй о вампирах Ло-Салима, а данное произведение знаменитого сказочника я полагаю одним из самых жутких и душе-

раздирающих — Стефан превзошел сам себя, описывая гнусных кровососов, негодяйски уничтоживших жителей мирной деревни в Пограничье.

Голова походила на человеческую — нос, уши, подбородок, довольно высокий лоб. Два глаза ярко-желтого цвета не имеют зрачков. Тонкая кожа — белая, с чахоточным серовато-голубым оттенком. Отверстая пасть (у меня язык не поворачивается назвать *это* ртом!) оснащена таким впечатляющим арсеналом сверкающих конусообразных зубищ, что и в кошмарном сне не привидится. Как кажется, зубы растут в несколько рядов... Или все-таки мне померещилось?

Словом, это невероятное чудище точь-в-точь походило на вампира из страшных легенд мэтра Стефана. Вампира самой жуткой разновидности — каттакана. Того самого каттакана, что обычно спит в гробу, завтракает кровью загодя похищенных новорожденных младенцев и невинных девиц, который способен через укус заражать людей страстью к чужой кровушке, превращаться в огромную летучую мышь и... Об остальном говорить не буду, самому противно становится.

Но вот реакция Конана на появление белокожего страшилища потрясла меня до глубины души. Я так не удивлялся со времен, когда подстрекаемый излишним употреблением горячительного и скукающий король Аквилонии, собрав компанию близких друзей отправился инкогнито погулять по Тарантии и был арестован стражей, за попытку, простите, помочиться прямиком на

конный памятник самому Конану, воздвигнутому после знаменательных событий Полночной Грозы.

Киммерийца извиняет только одно — он искренне ненавидел этот несуразный монумент, подаренный его величеству благодарным аквилонским народом и полагал, что большего оскорбления в жизни не получал. Действительно, зверская рожа бронзового монарха наводила на размышления о его умственных способностях, пышногрудая красавица, каковую он прижимал к груди (аллегорический символ Аквилонии) была вульгарна до невозможности, а украшавшие подножие памятника аллегии Славы, Доблести и прочих достоинств короля вызывали рвотные позывы, настолько слащаво и пафосно были изваяны.

Впрочем, я отвлекся.

Так вот: Конан, узрев перед собой желтоглазое и клыкастое непотребство вовсе не схватился за оружие (которого при нем, кстати, не было) и отнюдь не бросился в бой. Король сначала изобразил на лице искреннее изумление, а затем с восторгом бросился в распростертые объятия этого... этой... не знаю, как сказать.

— Рэльгонн, дружище! — восторженно орал Конан, обнимая отвратительного монстра. — Тебя ли я вижу? Сколько лет не виделись, рожа вампирская! Одиннадцать?

— Нет, десять, — посмеиваясь ответило существо, поименованное Рэльгонном. — Помнишь, во времена войны с пиктами на Черной реке мы

вместе немного поразвлеклись? История с Зогар Сагом?

— Конечно помню! Почему не заглядывал? Ты ведь можешь летать куда захочешь, знаешь где меня найти! Как нам тебя не доставало во времена появления Зеленого огня!

— Я тогда посчитал, что Конан Канах уже совсем взрослый мальчик и сам управится со столь незначительными трудностями.

— Давай, присаживайся! Хальк, где вино? Что, неужели кончилось?

Я, не думая о последствиях, машинально дернул за шнур, который должен был пробудить к жизни колокольчик в комнате камердинера, обязанного являться по первому зову. Надо понимать мое состояние — Конан, всегда искренне ненавидевший разнообразную нечисть, буквально обезумел от радости при появлении страшного вампира. Что, Сет вас всех зажри, тут происходит? Может, киммериец заболел?

Только мы расселись, как в дверь деликатно постучали и на пороге вновь образовался Джигг. Словно и не ложился спать — выглядит безупречно.

— Господин барон?

— Э-э... — выдавил я, но Конан взял ситуацию в свои руки:

— Приятель, тащи еще пару кувшинчиков! самого лучшего, что есть в погребах Ройла!

К несчастью, упырь не успел спрятаться под капюшоном — просто запутался в его складках. Я ожидал, что сейчас поднимется шум на весь за-

мок, однако Джигг с королевской невозмутимостью взглянул на проклятого упыря, и спросил:

— Я не буду слишком навязчив, если предложу досточтимому месьору вампиру свежей свиной крови? Свиной забивали только сегодня.

— Нет, благодарю... — кажется, редкостное хладнокровие Джигга даже кровососа привело к замешательству. — Мне будет вполне достаточно вина.

— Как будет угодно господам, — камердинер наклонил голову, развернулся и отбыл в недра обиталища нашего странного друга, маркиза Ройла, за очередными кувшинами со сладким соком виноградной лозы.

(Замечка на полях: только потом, основательно ознакомившись с традициями и особенностями замка Ройл я понял причины фантастической невозмутимости здешней прислуги при самых невероятных ситуациях. Но об этом будет сказано ниже.)

— Хальк, разреши представить тебе моего старинного друга, Рэльгонна, эрла замка Рудна! — не без театральной патетики воскликнул Конан, указывая на мерзейшую харю упыря, восседавшего передо мной. — Месьор Рэль помогает отряду Гвайнарда при особо затруднительных делах. Короче говоря, он тоже в своем роде Ночной Страж.

— Вампир — Ночной Страж? — пискнул я, отлично понимая, что данное сочетание слов, столь же абсурдно, как и «Конан — образец добродетели». Хотя, данное сравнение не слишком удачно

— киммериец и впрямь постепенно становится относительно «добродетельным», скажем спасибо Зенобии.

— Рэльгонн, это барон Хальк Юсдаль, один из тех балбесов, которым я доверил управление Аквилонией, — безо всякого стеснения продолжал разливатьсЯ король. — В чине летописца и тайного советника, даже орден Большого Льва имеет.

— Очень приятно познакомиться, — любезно улыбнулся упырь, и мне стало дурно от его акульского оскала. — Судя по выражению лица, месьор Хальк меня... э... побаивается. Точнее, моя необычная для людей внешность произвела на барона не самое лестное впечатление.

— Нет-нет, что вы, — прохрипел я, вспомнив об элементарной вежливости. Кроме того, если Конан эту тварь не боится и даже состоит с ней в дружеских отношениях, то и мне страшиться нечего. — Я тоже очень рад...

— Позволят ли господа сервировать стол?

Опять Джигг. У камердинера удивительная манера появляться из ниоткуда. В этом отношении он может соперничать с самым опытным вампиром.

Когда на резном офирском столике утвердились два объемистых кувшина старого серебра наполненные либнумским нектаром и блюдо со снедьЮ, среди которой преобладала холодная жареная крольчатина и зелень, Джигг вновь ушел, сделав вид, что если аквилонский король изволит принимать у себя кровожадного упыря, то этот факт совершенно не должен волновать при-

слугу. Королевские соображения куда выше мнения камердинера, а вампир — это сущий пустяк.

— Хальк, перестань трястись, — строго сказал киммериец после отбытия Джигга. — Сейчас я тебе расскажу ту часть истории о Ночной Страже, которую ты еще не слышал...

* * *

Как ни странно, утром я проснулся сравнительно рано и с чистой головой. Судя по желто-оранжевому зареву пробивавшемуся в комнату через окно, рассвело сравнительно недавно. Значит, надо вылезать из теплой постели, одеваться и...

Постойте, а во что мне одеться? Джигг вчера забрал мое платье, а запасное придется вынимать из дорожного мешка, который, кажется, я оставил в комнате Гвайнарда.

— Ваш завтрак, господин барон.

Так. Я совершенно не представляю, каким образом камердинер догадался о том, что я уже не сплю. И почему притащил поднос с горячими овощами, беконом и пшеничными булочками с медом. Такого роскошного обхождения нет даже в Тарантии, в королевском дворце, где я каждое утро одеваюсь самостоятельно, а потом спускаюсь в малую трапезную, где ленивые лакеи только накрывают стол.

— Благодарю вас, Джигг, — сказал я, когда поднос оказался в моих руках, — Кстати, я хотел бы узнать насчет...

— Платье господина барона будет доставлено незамедлительно, — мягко перебил меня камердинер. — Как только вы закончите завтрак.

Я сразу подумал, что Джигга следовало бы переманить ко мне на службу. Такой человек будет незаменим в Тарантии, где прислуга совершенно распустилась. На месте дворцового управителя, я разогнал бы три четверти орды этих обленившихся холуев, только и знающих, что воровать королевское серебро.

— Ночью ничего особенного не происходило? — как бы невзначай поинтересовался я, приступая к еде. — Какие-нибудь странные события?

— Нет, господин барон.

— А граф Ройл приехал?

— На рассвете, господин барон. Его светлость будет ожидать его величество и свиту в своих апартаментах. Это в закатном крыле замка.

— Отлично! — просиял я. — Как туда пройти? Мне не терпится увидеть Ройла!

— Я провожу вас, господин барон. Еще что-нибудь?

— Нет, спасибо...

Итак, его светлость вернулся, а значит хоть небольшая часть загадок сегодня будет решена. Кроме того, следует надеяться и на месьора Рэльгонна, которому нынешней ночью Конан присоветовал побольше разузнать о секте фатаренов.

Вчера я был несправедлив к Рэльгонну. После подробных объяснений Конана и самого упыря их Ронина выяснилось, что девяносто девять из ста рассказов о каттаканах истине не соответствуют.

История появления месьора Рэльгонна на Закатном материке оказалась весьма любопытной. Несколько тысяч лет назад на полуночные земли континента рухнула гигантская Небесная Гора (кстати, уничтоженная несколько лет назад Конаном и нашей развеселой компанией. Интересующихся этим событием отсылаю к моей «Синей или незаконной хронике Аквилонского королевства»). Случившийся в момент катастрофы огромный выброс тепла и магической силы привел к появлению Врат Миров — порталов ведущих в чужие миры, которые, как утверждал сам Рэльгонн, могут находиться на чудовищном расстоянии от Хайбории, возле отдаленных звезд. Один из порталов открылся в Универсум, который населяли каттаканы, и Рэльгонн вместе с несколькими родственниками решил исследовать мир, который находился по ту сторону Врат.

Оказавшиеся в Хайбории каттаканы полюбовались нашими удивительными достопримечательностями, подивились на населявших Закатный материк невиданных существ, наподобие людей, гномов или альбов и засобирались было обратно, да вот незадача — портал внезапно захлопнулся и Рэльгонн вместе с дядей и братом оказались навсегда отрезанными от своего дома. Вновь привести в действие Врата Миров каттаканам не удалось, пускай их цивилизация стократно превосходила все разумные расы Хайбории в большинстве областей знаний.

Уяснив, что покинуть чужой для них мир каттаканы не могут, Рэльгонн вместе с сородичами

приспособился к жизни во владениях непонятных тварей, именовавших себя «людьми», а поскольку гости из чужой Вселенной были весьма и весьма долгоживущими (обычный каттакан живет несколько тысячелетий), упыри ужасно скучали. Кроме того, они были настолько чужды людям, что немногочисленное семейство Рэльгонна моментально заслужило жуткую репутацию вурдалаков и вампиров... В значительной степени это было справедливо — каттаканы действительно пили кровь человека и животных, что было необходимо им для выживания.

Словом, небольшое семейство чужаков заняло в горах полуразрушенный альбийский замок, как следует напугало обитающих в округе людей, чтобы они не совали нос в дела вампиров и уж тем более не вздумали на них охотиться, и с тех пор жили в нашем мире, изредка приходя на помощь людям вроде Гвайнарда и компании — упырей заедала скука.

Киммериец познакомился с Рэльгонном как раз во времена своего пребывания в Бритунии — каттакан помогал ватаге Ночной Стражи в многотрудном ремесле охоты на настоящих монстров и, похоже, получает от этого удовольствие — каттакан, с его врожденными магическими умениями, холодным логическим разумом и способностью «прыгать через Ничто» был незаменимым помощником охотников. Одна беда: Рэльгонн мог действовать исключительно ночью, поскольку лучи хайборийского солнца обжигали его белоснежную кожу. Кроме того каттаканы не перено-

сили яркий дневной свет — в их мире светило было маленьким и холодным.

О «Прыжках через Ничто» следует сказать отдельно. Оказывается, каттаканы владели потрясающим искусством моментального перемещения в пространстве практически на любое расстояние в пределах мира Хайбории. Рэльгонну ничего не стоило за какой-нибудь жалкий квадратнс побывать в Тарантии, Кордаве и Султанапуре, попутно заглянув в сокровищницу Великой Пирамиды Птейона или в публичный дом на окраине Шадизара, если бы возникла на то потребность. Каттаканов не страшили никакие преграды, стены, замки и засовы. Кроме того, упыри действительно умели превращаться в некое подобие здоровенной летучей мыши, что давало им возможность летать.

Вечером, поближе раззнакомившись с Рэльгонном и уяснив, что он вовсе не собирается высасывать из меня кровь или выкидывать прочие леденящие душу, но вполне приличествующие вампирам фокусы, я сделал вывод, что это странное и крайне непривлекательное обликом существо являет собой образец вежливости и учености, а так же обладает весьма своеобразным чувством юмора. Это было мне симпатично и в будущем я рассчитываю вытянуть из каттакана побольше сведений о его мире, чтобы занести их в скрижали... Насколько я понял, Универсум породивший каттаканов даже отдаленно не похож на Хайборию, равно как его обитатели не похожи на людей.

Однако, вернемся к нашим баранам, точнее фатаренам.

Конан вкратце изложил упырю события минувших дней и поведал о возникших у нас нехороших подозрениях. Рэльтонн сказал, будто «что-то слышал» о таинственной секте последователей пророка Мэниха, и что «попробует за два-три дня разузнать о фатаренах подробнее». Как именно упырь собирается это сделать для меня осталось неизвестным, но Конан заверил, что каттакан в прежние времена еще и не с такими плёвыми заданиями справлялся, причем совершенно блестяще.

Каттакан сразу заявил, что время терять совершенно не следует, а посему он вынужден раскланяться и приступить к делу. С тем месьор Рэльтонн картинно запахнулся в плащ и попросту растворился в воздухе, переместившись незнамо куда. Однако я подозреваю, что упырь отправился в Немедию, где предположительно находилось главное гнездо секты — разведывать и разнюхивать.

— Завидую ему, — сказал тогда Конан, с непонятным вооружением на лице. — И уважаю. Обладая таким способностями, любой каттакан смог бы запросто захватить власть над нашим миром, но эти существа совершенно нечестобивы. Вдобавок, Рэльтонна почти невозможно убить — лично видел в Бритунии, как ему отрубили голову...

— Чего? — поперхнулся я. — По-моему, голова у него на месте.

— Новую отрастил. Понимаешь, Рэльтонн как-то проговорился, что у него по всему телу разбросано... как бы это поточнее сказать? Разбросано множество «запасных мозгов» величиной с орех. Если голову отрубают, один из этих мозгов начинает работать вместо потерянного. А уж отрастить себе новую руку, ногу или башку — для каттакана дело одной-двух седмиц. Здорово, правда?

Конан отправился спать, да и я почти моментально провалился в глубокий сон. Вопреки ожиданиям, кошмары не мучили и упыри с окровавленными клыками в сновидениях не являлись.

* * *

— ...Ваш костюм, господин барон.

— Отлично Джигг, — кивнул я, передавая камердинеру опустевшее блюдо. — Так, а почему герб спороли?

Действительно, на груди чистенького колета теперь не наблюдалось вышитого герба барона Омсы, который прежде создавал мое дутое «инкогнито».

— Я сожалею, господин барон, но если верить «Большому гербовнику Аквилонского королевства», прежняя эмблема принадлежала роду Лингенов, а не Юсдалей. Позволю себе заметить, что ношение чужого герба законодательными уложениями нашего королевства не поощряется.

Я не нашелся с ответом. Вот въедливый какой! Впрочем, это своеобразное проявление забо-

ты — Джигг не хочет, чтобы у меня были неприятности.

— Хорошо, идите. Я буду одеваться.

— Как прикажете, господин барон.

* * *

Я предполагал, что вся наша компания уже собралась в кабинете Ройла, однако провожавший меня камердинер сообщил, что его величество и ее величество ныне изволят вкушать завтрак, месьор Гвайнард из Гандерланда доселе не проснулся, а у графа Вилькона сидит здешний лекарь, поскольку месьор граф чувствуют себя дурно.

— Да, неплохо он вчера башкой треснулся, — сообщил я и тут же перехватил укоризненный взгляд Джигга, который не терпел вульгаризмов, которых я нахватался от короля.

— Можно сказать и так, господин барон...

Пока мы пробирались замковыми лабиринтами в закатное крыло, где обитал Ройл, я не переставал удивляться, насколько велика резиденция маркграфа. В половину тарантийского замка короны, это точно. Прислуги мало, стража находится только снаружи, посему дворец производит впечатление весьма безлюдного, но обитаемого — нигде ни пылинки, лампы и свечи, освещающие сводчатые коридоры постоянно меняют, в помещениях тепло и нет сквозняков. Достойное жилище достойного лорда.

Джигг остановил меня около величественных

двустворчатых дверей, украшенных пышной резьбой по дереву, извлек откуда-то небольшой церемониальный жезл и трижды ударил по закрепленному на двери бронзовому кругу. Засим распахнул обе сворки и пафосно возгласил:

— Его милость Хальк, младший барон Юсдаль, тайный советник короны и кавалер ордена Большого Льва к его светлости графу марки Малверу Ройлу, владельцу Ройла, Антага, и Крисба!

Я немедленно почувствовал себя какой-нибудь коронованной особой, наносящей государственные визиты другой такой же особе. Не хватало только фанфар и гвардейского караула с мечами наголо в положении «подвысь».

Джигг тотчас посторонился, впуская меня в кабинет.

Разумеется, первым делом я обратил внимание на дрыхнущего возле самого стола его светлости хэлхаунда по имени Пончик. Жуткая зверюга даже не шевельнулась при появлении гостя, а продолжала, как выразился бы киммериец, сопеть в две дырки, причем над означенными дырками иногда появлялись тоненькие струйки дыма, пахнущие кузницей.

— Заходите, Хальк! — раздался знакомый низкий баритон. — И не обращайтесь внимания на Джигга. Его пристрастия к старинным традициям, безусловно, похвальны, но иногда Джигг хватается через край и это не всем нравится.

Ройл еще не стар — кажется, маркграфу только в прошлом году исполнилось сорок лет. Строен, подтянут, худощав. Лицо загорелое, как это

часто бывает у провинциальных дворян, проводящих много времени на свежем воздухе. Одет скромно, но красиво — синий бархат с золотом, гербовые цвета. Дело в том, что династия Ройлов настолько древняя, что не гербовом щите марки графа вообще нет никаких изображений — только ярко-синее поле в золотом окоеме. Известно ведь, что чем стариннее род, тем проще его символы, а предками Ройла были Первые Короли...

Однако, маркиграф не унывает из-за столь плачевного положения дел с геральдикой, и в угоду своей выдающейся эксцентричности лично придумал себе неофициальную эмблему — ушастую голову хитрой мыши. Само собой, что это привело в ужас всех благородных дворян с грифонами, фениксами и львами на гербах, а особенно геральдическую коллегия в Тарантии — последняя использование мышиной головы на государственных церемониях запретила безусловно и категорически. Где это видано, чтобы потомок Алькоя и Олайета (каковыми, кстати, являются все три дворянина, носящие титул маркиграфа Аквилонии — Ройл, Карндон и Тарбей) носил вместо благородного животного изображение непотребной хвостатой твари? Но Ройлу на столичных консерваторов было решительно плевать и серебряная мышка так и осталась его личным символом.

Кабинет ничего себе. Большой, но не огромный, мебель скромная, из черного дуба. Непременный камин с потрескивающими березовыми поленьями, темно-красный ковер, шкафы с кни-

гами, здоровенный стол, заваленный горой пергаментов. Слегка напоминает рабочий кабинет короля в тарантийском замке — никаких излишеств.

— Вот мы и встретились в моем родовом гнезде, — Ройл поднялся мне навстречу. — Как вам замок, барон Юсдаль?

— Очень солидно, — честно признался я. — Никогда в жизни подобных построек не видел.

— Да, досточтимые предки постарались. Уверен, второго такого оборонительного сооружения нет на всем Закате, да и за Вилайетом тоже. Как доехали?

— Ужасно, — сказал я усаживаясь и приготовился было рассказать о наших печальных приключениях, но Ройл меня опередил:

— Мне докладывали. Я приказал своим орлам следить за округой в четыре глаза, как только появится ревенант, с которым вы имели несчастье столкнуться, мы примем меры по его изловлению — хочу присоединить сие чудо к своей коллекции.

— Изловлению? Коллекции? — я раскрыл рот и машинально покосился на сонливого хэллхаунда.

Ройл рассмеялся.

— Хальк, не бойтесь, Пончик вас не укусит. Эти собаки-демоны отлично приручаются, если, конечно, взять их на воспитание немедленно после рождения. А у меня есть возможность... э... проникать в те области Универсума, где они обитают.

— В Черную бездну? — заикнулся я. Сложилось впечатление, что Ройл меня разыгрывает.

— Можно сказать и так... Впрочем, я потом расскажу. Сначала о делах. Итак, вы все-таки встретили месьора Гвайнарда и насколько я знаю спасли ему жизнь. Это очень радует, поскольку мне необходимо срочно снестись с Хранителями гильдии Ночной Стражи. Я подозревал, что за представителем гильдии, направленным ко мне Хранителями начнется охота, однако не думал, что Черное Солнце будет действовать столь нагло и одновременно бездарно. Впрочем, их ошибки нам только на руку.

— Какое еще Черное Солнце? — взмолился я. — Ройл, я решительно ничего не понимаю! Я всегда подозревал, что вы связаны с некими силами, которые неподконтрольны государству или тайным службам, не чураетесь магии, но предположить, что светлейший аквилонский маркграф окажется втянутым...

— Втянутым — во что? — сурово перебил меня Ройл. — В активную борьбу с древним злом, доселе существующим в нашем мире и причиняющем ему столько бедствий? Впрочем не обижайтесь, откуда вам знать о Черном Солнце...

Тут снова раздались три удара и я понял, что Джигг привел Конана.

— Его королевское величество, государь Аквилонии Конан из Канахов и его благороднейшая супруга!.. — громогласно оповестил нас камердинер. Я едва уши ладонями не зажал. Ройл, пока слуга торжественно представлял новоприбывших

сидел с несчастным выражением на лице — видно, Джигг был его семейным проклятием.

— Государь, моя королева...

Сам маркграф на церемонии не отвлекался, просто слегка поклонился Конану и коснулся губами руки Зенобии. С явившимся сюда же Гвайнардом поздоровался за руку, словно они были давно знакомы.

Джигг по счастью исчез — у Ройла в кабинете хранился солидный запас вин, да и бокалы нашлись. Так что присутствие камердинера не требовалось.

— Счастлив, что могу видеть у себя в гостях старых друзей, — сказал маркграф, когда мы расположились в расставленных перед столом полукругом креслах. — Особенно рад появлению вашего величества.

— Ройл, будьте проще, — поморщился Конан. — Мы не на большом приеме, да и заниматься куртуазией времени нет. Надо полагать, вы обо всем знаете? Хальк уже растрепал?

— Не успел, — чуть улыбнулся Ройл, наблюдая как Зенобия с опаской, а Гвай с неподдельным интересом рассматривают мирно спящего Пончика. — Госпожа, не обращайтесь к собаке, когда я рядом, она безопаснее новорожденного котенка.

— Называйте меня Дженной, — отозвалась Зенобия. — Поскольку вы входите в число друзей моего мужа, это будет вполне уместно.

— Благодарю, леди Дженна... Полагаю, сейчас нам стоит поговорить о так называемом Черном

Солнце, благодаря усилиям которого вас постигли недавние неприятности.

— Это что еще за безобразие? — в своей обычной непринужденной манере спросил Конан. — Фатарены, что ли?

— Секта фатаренов, «очищенных», является лишь ветвью этой организации, весьма быстро набравшей силу за последние годы, — с расстановкой сказал маркиграф. — Они действительно основываются на учении Мэниха, только интерпретировали его несколько своеобразно.

Далее его светлость поведал нам преинтереснейшую, печальную и весьма поучительную историю.

Учение пророка Мэниха о тварном и греховном мире и чистой обители душ не было особенно широко распространено на Закате, с его установившимися религиозными культами, наподобие митрианства или иштарииста. Кому интересны рассуждения древнего мудреца, проповедовавшего в горах Иранистана столетия назад?

Однако, после войны Алого Пламени в Немедии появились несколько проповедников, довольно быстро завоевавших популярность как среди простецов, так и у дворянства. Во-первых, они указывали на весьма недобродетельный образ жизни, который вели многие митрианские монахи — обители скупали земли (в отличие от Аквилонии, немедийский закон позволяет монахам-митрианцам владеть землей), богатели, благодаря приношениям и подаркам, а высшие жрецы, которых развратило золото, превратились в

эдаких мелких князьков, совершенно позабывших о стяжании благ духовных, в угоду благам материальным. Немудрено, что и крестьяне, и люди благородные, вняли словам о том, что золото, как главная составляющая сотворенного Злом плотского мира нечисто, а посему платить подати монастырям и делать пожертвования совершенно не обязательно и даже грешно.

Во-вторых, после отвращения части паствы от митрианства, секта начала проповедовать тайный смысл учения, о котором мы с Конаном и Гваем разговаривали по дороге в Ройл — если твоя душа изначально чиста, то все преступления следует списывать на вожеления грешного тела, которое однажды само обратиться в прах. Этот постулат тоже понравился новообращенным. Если душа ни в чем не виновата — твори, что хочешь. О невиданном всплеске насилия и преступности в полуночных немедийских городах были наслышаны даже у нас в Тарантии. Власти едва смогли пресечь беспорядки, а секту фатаренов было решено запретить.

— Запретить-то запретили, — неторопливо продолжал повествовать Ройл, — но толку оказалось чуть... Эта зараза успела внедриться в сознание многих, теперь секта стала тайной, но все столь же многочисленной. Разрешено все! Человеческие жертвоприношения? Пожалуйста! Тем более, что таковое приношение является добрым делом — душа убиенного освобождается от грешной плоти и уходит в счастливый мир духов. Воровство, убийства, черная магия? Не возбраняет-

ся. Почему? Да потому, что этого требует плоть, а не дух, который всегда остается чистым.

— Да, Гвайнард рассказывал об этом, — подтвердил киммериец. — Но при чем тут какое-то странное Черное Солнце?

— Так называется верховный конклав секты. Это и есть настоящие враги, которых следует беспощадно уничтожить, тела сжечь, а пепел развеять по ветру, — очень серьезно сказал Ройл. — Эти люди извлекают из нового культа максимальную выгоду. Уверен, они нисколько не верят в то, во что проповедуют. А может и верят, ничего сказать не могу... Именно к ним стекаются пожертвования фатаренов — избавляться от грешных золота и серебра есть добродетель, этим ты хоть частично очищаешься. Захват земель, покупка дворянских ленов? Тоже добродетель — бывшие владельцы теперь не обременены нечистыми материальными благами. И так далее. Понимаете, каков глубинный смысл?

— Митра Лучезарный... — медленно сказал ошеломленный Конан, а Гвайнард присвистнул. — Оказывается, дело обстоит куда хуже, чем я полагал. Значит, Черное Солнце просто захватывает чужие земли и богатства под видом проповеди учения Мэниха?

— Именно! И довольно скоро они станут настолько могущественны, что смогут непосредственно влиять на жизнь и политику некоторых государств. В том числе и Аквилонии, хотя у нас эта пакость пока не слишком распространена. Первые храмы «Очищенного духа» появились по-

ка только в великом герцогстве Шамарском, а герцог Раймунд сдуру разрешил их открытие — у нас ведь закон позволяет веровать в каких угодно богов, кроме Сета и еще парочки почти забытых порождений Бездны... С виду все прекрасно, учение глаголит о чистой и светлой душе, а вот изнанка у него самая неприглядная.

— Ройл, но при чем здесь вы? С чего вдруг фатарены начали охотиться на месьора Гвайнарда? — подала голос Зенобия. — Если их цель состоит исключительно в получении влияния на государство? Попросту говоря — Черное Солнце привлекает власть?

— Власть? — фыркнул киммериец. — Только не надо рассказывать мне страшные истории о сообществе черных магов, которые хотят завоевать мир, и желательно весь. Глупости! Я еще никогда не видел ни одного волшебника, злого или доброго, который вышел бы и сказал: я хочу власти над миром! Одному человеку такое не под силу, что бы не сочиняли авторы дурацких легенд и историй вроде этого писаки Гая Петрониуса.

— Зато обширной, отлично организованной и фанатичной секте — вполне под силу, — парировал Ройл. — Руководители Черного Солнца отлично знают, чего хотят — контроль над торговлей, собственное обогащение, возможность влиять на ход исторических событий. Иногда у меня создается впечатление, что идея создать Черное Солнце и использовать прочно забытые в наши времена мысли Мэниха появилась среди купцов

и влиятельных торговцев, а не среди черных магов. Маги и колдуны, скорее всего, являются просто мальчишками на побегушках у влиятельных и очень богатых персон из верховного конклава Черного Солнца. Прошу учесть, что судя по отчетам казначейства Трона Дракона за прошлый год, доходы виднейших купцов Немедийского королевства возросли почти в два раза, что не может не настораживать. Такие резкие скачки всегда подозрительны и наводят на размышления!

— Но кхарийская магия-то здесь с какого боку пригласилась? — непонимающе сказал Гвай. — Если новое учение столь успешно среди народа, то зачем нужно колдовство? К чему этим предполагаемым торгашам-заговорщикам древние артефакты?

— Дополнительные гарантии своей безопасности и безнаказанности, — ровно сказал маркграф. — Во многом черная магия превосходит светлую, она многообразнее и сильнее. И адептов секты проще держать в повиновении, и противников припугнуть можно. Почему Кхария? Да потому, что подданные Ахерона владели совершенно другим волшебством, нежели нынешние волшебники, сейчас ему почти невозможно найти соответствующего противодействия, эта наука давно забыта. Представьте: некий воображаемый граф отказывается отдать Черному Солнцу свое поместье ради очищения от плотской скверны. Тут откуда ни возьмись появляется стадо мерзких демонов, граф со чада и домочадцы съедается пры-

миком в спальне, замок разрушается, а проповедник фатаренов указывает на дымящиеся развалины и потрясая перстом говорит: вот что случается с теми, кто поклоняется грешной материи. Выводы ясны, или мне объяснить?

— Кажется мы опять крепко влипли, — недовольно протянул Конан. — Можно сказать, завязли обоими ногами. Но все-таки, отчего фатарены обратили такое пристальное внимание на замок Ройл и гильдию Ночной Стражи?

— Вот из-за этого!

Ройл выложил на стол довольно увесистый фолиант в старинной сероватой обложке.

— Книга Душ. Самая большая ошибка кхарийских магов, — пояснил маркграф. — О создании подобных трактатов потом сожалеют. Могу сказать со всей уверенностью — в падении столицы Кхарии, Стобашенного Пифона, виновна именно эта книга.

— Откуда она у вас? — не удержался я. Во мне снова проснулся библиотекарь. — неужели это подлинник?

— Откуда? — зловеще оскалился Ройл. — Сейчас расскажу. И я не вижу никакого чуда в том, что книга столь хорошо сохранилась. Такие серьезные гримуары не исчезают в небытие... К моему величайшему сожалению.

Глава пятая

Зверинец графа Ройла

*6 день первой осенней луны 1296 г.
Замок Ройл*

Если вы полагаете, что Пифон являлся огромным населенным городом, наподобие Тарантии или Бельверуса, то глубоко заблуждаетесь, — говорил маркграф, постукивая пальцами по обложке древней книги, из-за которой и разгорелся весь нынешний сыр-бор. — Столица империи была даже не городом, а громадным дворцовым комплексом, состоящим примерно из полусотни очень больших зданий, над которыми главенствовал дворец самого императора... Кстати, вы никогда не слышали историю гибели последнего владыки Кхарии, Ахтонотепа Восьмого?

— Нет, — я ответил за всех остальных. — Летописных записей о падении Пифона не сохранилось.

— Еще как сохранилось! — рассмеялся Ройл, вводя меня в искушение немедленно оторвать ему голову за сокрытие столь ценных исторических сведений. — Я обнаружил рукопись в одной из монастырских библиотек Шамара, что меня вовсе не удивляет — если вдумчиво покопаться по книгохранилищам митрианских обителей, можно еще и не такое отыскать. Разумеется, это была позднейшая копия, вероятно сохранившаяся в единственном экземпляре.

— Книга у вас? — быстро спросил я. Руки так и зачесались — придется присылать к Ройлу переписчиков из столицы с делать список, такая жемчужина непременно должна оказаться в моей библиотеке!

— Я внес в монастырь щедрое пожертвование, и жрецы отдали мне текст, — подтвердил Ройл. — Они сами не понимали, насколько ценна эта летопись, кхарийский язык теперь знают лишь немногие любители древностей, да несколько магов. Так вот: летопись позволила мне с большой долей достоверности выяснить, что именно происходило в Пифоне во время штурма дворца-крепости хайборийским вождем Алькоем, который спустя несколько лет стал первым королем Аквилонии...

* * *

...Жил тысячу триста лет назад император Ахтонотеп Восьмой, и был он редкостным неудачником. Нет, вовсе не потому, что не умел пра-

вить, пил горькую или вместо «важных государственных дел» отдавал предпочтение развлечениям с актрисками и прочими гетерами. Просто он родился в крайне плохое время, был слишком молод, советники Ахтонотепа не понимали, что времена величия империи Ахерона миновали окончательно и бесповоротно, а самой Кхарии оставалось существовать считанные дни.

Материк все еще содрогался в судорогах, порожденных чудовищным магическим штормом, бушевавшим на протяжении полутора десятков лет, давали о себе знать последние отголоски колдовской бури, сметавшей на своем пути целые области государства, а зловердные хайборийцы продолжали наступать на владения Ахтонотепа Последнего, безжалостно уничтожая последние остатки империи.

Надо заметить, что благодаря умелым магам Пифон выстоял во времена долгой Бури Перемен и разрушению не подвергся — колдуны смогли защитить город-дворец от магии, однако были бессильны остановить приближающиеся орды варваров, как ни старались... И вот настал страшный день: к стенам Пифона, защищал каковой сравнительно немногочисленный отряд гвардии императора, подошло неисчислимое войско Алькоя. Справедливости ради стоит заметить, что совсем уж «неисчислимым» оно не являлось — уцелевший в этой кутерьме летописец полагает, что хайборийцев было около двенадцати тысяч, что примерно соответствует трем нынешним аквилонским легионам.

Пифон, однако, был неплохо укреплен и мог выдержать сравнительно долгую осаду, но что значат полторы тысячи гвардейцев против восьмикратно превосходящего по силам противника? Не успеешь отбить один штурм, как сразу начинается другой. Придворные маги Ахтонотепа тоже участвовали в отражении атак Алькоя, использовали самое изощренное боевое волшебство, но хайборийцев все равно было слишком много, да и подкрепления к ним подходили с пугающей регулярностью.

Приблизительно на шестой-седьмой день активной осады, стало ясно — Пифон не устоит, а это значит, что Кхария окончательно прекратит свое существование. Сдаваться или договариваться с врагом смысла не имело, поскольку хайборийцы пленных не щадили, да и хотелось им поглядеть, что за секреты таятся в огромных сокровищницах императорского дворца — эти варвары совсем как дети, все забывают при одной мысли о красивых и блестящих побрякушках...

Начался решительный штурм. Ахтонотеп и его приближенные уяснили — это конец. И тогда было принято решение использовать самые крайние меры, сиречь открыть прямой проход между миром людей, и Черной Бездной, обителью Первородного Зла. Каков смысл? Да очень просто! Оттуда немедленно полезут орды демонов, которым все равно кого убивать — кхарийцев или хайборийцев. Маг, имя которого история не сохранила, пообещал Ахтонотепу, что сможет открыть императорский дворец магической завесой,

которая защитит его от иномировых чудовищ, а когда все закончится, портал в Бездну будет хлопнут.

Как всегда получается в подобных случаях, этот красивый и почти беспроигрышный план пошел кувырком с самого начала. Двор императора и остатки гвардии укрылись во Дворце (большая часть Пифона к этому времени уже была захвачена варварами), колдун забрался в свою башню, открыл Книгу Душ и начал священнодействовать, если, конечно, данное слово применимо к проводимому им черному обряду.

Проход в Бездну открылся, да только не совсем туда, куда требовалось — известно, что Нижняя Сфера неоднородна, там существует несколько разных областей, в которых живут совершенно различные разновидности демонов. Причем, эти существа, подобно людям, враждуют между собой и борются за влияние в Бездне ничуть не хуже, чем мелкие дворянчики, ведущие свои «частные» войны за владение каким-нибудь лесом или плодородным полем, которое непременно следует оттяпать у соседа.

Маг рассчитывал связать порталом столицу и ту область Нижнего Мира, что именуется «Огненной бездной», населенной тварями под названием «баатэзу» — единственными демонами, с которыми человек был способен договориться и которые могли подчиняться приказам знающего волшебника. Но произошла ошибка — или заклинание было записано неверно, или просто маг слишком торопился...

Произошла катастрофа. Огненное кольцо портала, возникшее в самом центре Пифона, выплеснуло из себя жутчайших тварей, ранее в обитавшем людьми мире невиданных, причем преобладали среди них таннари, демоны хаоса. Это были абсолютно безжалостные и жуткие чудища, ненавидевшие все и вся, включая своих собратьев по Бездне, на которых таннари сразу же и набросились. Кроме того, таннари было решительно плевать на всякие там магические защиты, созданные жалкими людешками, будь они волшебниками хоть в тысячном колене.

Летопись умалчивает, что именно творилось в Пифоне в тот знаменательный день, но известно, что чудом выживший в этой безумной заварухе Алькой увел из-под стен полностью разрушенного Пифона всего лишь четыреста человек. Этот несомненный факт дает представление о происходившем в столице империи кошмаре.

Если бы портал не закрылся, неизвестно, что произошло бы с Универсумом людей в дальнейшем, но за избавление человечества от возможной гибели стоит благодарить того, кто убил неудачливого мага прямиком над Книгой Душ — пролившаяся на страницу с заклинанием кровь волшебника запечатала портал. Может быть, в башню колдуна прорвались варвары, может демоны, но так или иначе напасть сгинула. Не сумевшие вернуться в свой мир чудища разбрелись кто куда и по мере сил продолжали пакостить людям, дымящиеся руины Пифона стали проклятым и запретным местом, о котором вскоре

забыли, а последний император Ахтонотеп погиб вместе со всеми остальными.

На этом история Кхарийской империи прервалась навсегда.

* * *

— Звучит подобно сказке, — заключил Конан, выслушав краткий рассказ Ройла. — Между прочим, почему книга уцелела? Да еще настолько хорошо сохранилась? И где вы, граф, сумели ее достать?

— Отвечаю по порядку. Книга Душ защищает сама себя, она наполнена такой сильной магией, что сжечь или уничтожить фолиант можно только на Первородном подгорном огне. А нашел я ее на развалинах того самого Пифона. Не удивляйтесь, Пифон находится всего в четырех лигах от замка Ройл. Я уже несколько лет копаюсь там, привлек к изысканиям нескольких ученых мужей и знакомого мага гильдии Равновесия... Возле раскопа целый городок вырос.

— Вас, Ройл, убить мало, — безапелляционно заявил киммериец. — Знаете почему? Потому, что именно вы вернули в наш мир этого пергаментного монстра!

Конан кивком указал на лежавшую перед маркграфом книгу.

— А разве было бы лучше, если б Книгу Душ нашел кто-нибудь другой? — невинно поинтересовался Ройл. — Многие, очень многие искали развалины Пифона, причем далеко не всегда с

намерением облагодетельствовать человечество... И потом, никто не запрещает скучающему дворянину искать сокровища на своих собственных землях.

— Представляю, какая свистопляска поднялась бы, выкопай книгу какой-нибудь волшебник конклавов Белой Руки или Черного Круга Стигии, — задумчиво произнес Гвайнард. — Судя по вашему рассказу, эта штука таит в себе неимоверную опасность!

— Именно поэтому, я предпочитаю передать гримуар Хранителям Ночной Стражи, — ответил Ройл. — Ваша гильдия найдет способ спрятать книгу так, что ее не найдут и через десять тысяч лет. Или сможет использовать содержащиеся в ней заклинания в благих целях.

— Черную магию Ахерона — в благих целях? — скептически хмыкнул киммериец. — Это каким образом, любопытно?

— Книга способна загнать обратно в Бездну демонов, до сих пор оставшихся в нашем мире. А их еще немало, поверьте, ваше величество. С некоторыми из них я даже знаком...

— То есть? — вытаращился Конан. — Как знаком?

— Лично. Дело в том, что кровь погибшего колдуна запечатала портал не совсем плотно, осталась некая щель, через которую в Хайборию изредка просачиваются не самые приятные гости. Кстати, именно от одного из таких гостей я и заполучил щенка хэллхаунда. Эти псы обитают как раз в «Огненной Бездне», а я недавно сказал,

что населяющие ее демоны-баатэзу способны договориться с человеком, если покажешь им свою силу или сумеешь оказать баатэзу услугу — например, вернуть демона обратно домой, поскольку в смертном мире ему не слишком уютно, да еще и всякие Ночные Стражи донимают... Впрочем, хотите сами убедиться?

— В чем?

— В подвалах замка я содержу весьма забавный зверинец. Предлагаю взглянуть.

— Идемте! — вскочил я. — Конан, готов прокладывать голову, Ройл покажет нам нечто такое, о чем мы даже не подозреваем!

— Знаете Ройл, я бы с удовольствием отправил вас на плаху, — горько вздохнул киммериец. — Чтобы не мучились. Ваши увлечения я даже «эксцентричными» постеснялся бы назвать. Однажды вы просто доиграетесь с огнем!

— Обычая для человека страсть познать непознанное, — фыркнул маркиграф. — Не беспокойтесь, ваше величество, я способен уберечь себя и других от опасности. Если рассудить здраво, то при правильном обращении даже с самым диким тигром, можно избежать его когтей и клыков. Итак, вы согласны посмотреть на мою коллекцию уродцев, государь?

— Согласен...

* * *

Я не перестану утверждать, что замок Ройл представляет из себя настоящий архитектурный

шедевр. Этот постулат вновь подтвердился, когда мы спустились в один из обширных подвалов обиталища его светлости. Точнее, это был не столько подвал, сколько рукотворная пещера, старательно вырубленная в скале, на которой возвышался замок.

Как ни странно, слова «мрачное подземелье» к этому месту подходили меньше всего — оказывается, в граните были прорублены световые шахты, выходявшие на внешнюю поверхность скалы. Сквозь эти узкие щели в пещеру проникал солнечный свет, которого было вполне достаточно для того, чтобы не использовать в подземелье факелы или другое искусственное освещение.

Охранялась пещера неплохо — двойная стража, обитые металлическим пластинами тяжелые двери, причем я заметил на створках знаки, отпугивающие нечистую силу и серебряные полосы. Понятненько... Значит, «зверинец» действительно весьма необычен, а возможно и крайне опасен.

— Прошу! — Ройл простер правую руку в гостеприимном жесте. — Я полагаю, что все вы люди с крепкими нервами и не станете пугаться моих постояльцев. Тем более, что все они весьма надежно изолированы, кто железными решетками, а кто магией.

Пещера оказалась заполнена большими и маленькими клетками, в которых содержались... Тут даже мой высокий слог спотыкается! Посему буду краток: маркиграф Ройл коллекционировал монстров. Живых монстров.

— Вот, для начала... — Ройл, откровенно рисуясь, провел нас не к клетке, а к прорубленной в камне продолговатой яме, глубиной в полтора человеческих роста. — Весьма интересное существо, изловлено в Немедийских горах. Понятия не имею, как оно называется — о таких штуковинах нет упоминаний ни в одном трактате по демонологии. С виду — совершенно безобидно, а в действительности является опасным хищником.

— И где здесь «существо»? — осведомился Кокан, заглядывая вниз. — Ничего не понимаю!

Я был готов поддержать короля. В яме с отвесными краями находился только большой полупрозрачный желтоватый куб с гранями длиной примерно в три локтя, назвать который «живым» я бы не решился.

— Джигг, кролика! — распорядился Ройл и сопроводивший нас дворецкий мигом притащил из располагавшегося в углу пещеры загончика серого и ушастого обитателя лугов. Маркграф приняв дрожащего кролика из рук Джигга бросил его в яму и повернувшись к нам сказал: — А теперь смотрите внимательно, сейчас кого-то съедят...

Желтый куб неожиданно сдвинулся с места и медленно, но весьма целеустремленно двинулся к крольчонку, который совершенно не видел опасности, хотя явно подозревал, что люди ведут какую-то нечистую игру. Кубообразная нечисть вначале загнала кролика в угол, тот попытался отпрыгнуть, но случайно коснулся гладкой грани куба и тотчас был засосан внутрь желтой массы.

Сейчас можно было лишь различить темную тень, которая находилась в глубинах куба.

— Ни-че-го себе! — по слогам сказал киммериец. — Сожрал?

— Именно, — подтвердил Ройл. — А когда мы поймали это чудо, у него внутри я рассмотрел чью-то кольчугу и меч. Видимо, на дороге ему попался некий не слишком удачливый странник. Видимо, сей изумительный экземпляр тоже сохранился со времен Кхарии, но я убежден, что это всего лишь неразумное живое существо не способное владеть магией. Кто знает, может быть такие кубики были порождены магическим штормом — зачем магам Ахерона было создавать эдакую нелепицу?

Засим Ройл предъявил нам еще одно диво, которое, в отличие от большинства обитателей зверинца сидело не в яме, и не в стальной, а в деревянной клетке, да только решетка была изготовлена из дарфарского железного дерева.

— Тоже забавный экземпляр, и совершенно безобидный, — маркграф указал на заточенную в узилище здоровенную тварь, более напоминавшую неопрятную помесь таракана и сверчка. Ноги длинные, громадные шарообразные фасеточные глазищи. Размером это несуразное насекомое было с крупную собаку. — И тоже уникальная редкость, о которой практически ничего не известно...

— Разве? — пожал плечами Гвайнард. — Это же самый натуральный Ржавый монстр. Я встречал таких в Бритунии, у нас они еще не переве-

лись. Для человека не опасен, но вот некоторые изделия человеческих рук жрет без зазрения совести. Месьор Джигг, не могли бы вы принести что-нибудь железное?

— Уже готово, месьор Гвайнард, — учтиво ответил камердинер и преподнес бравому охотнику две самых обычных лошадиных подковы. — Прошу вас.

Подковы полетели через решетку. Таракано-сверчок заинтересованно повел головой, устояв на подношение и выпустил из какой-то железы под челюстями тонкую струйку едко пахнущей жидкости. Подковы внезапно зашипели и начали на глазах покрываться ржавчиной. Спустя несколько мгновений на полу клетки возвышались лишь две кучки ржавой железной пыли, которые были немедленно съедены странным насекомым.

— Запусти десяток таких чучел на оружейный склад гвардии, и спустя два дня войско останется без оружия — начисто сожрут, — усмехнулся Гвайнард. — Ваша светлость, чем еще порадуете?

За полтора колокола, проведенных нами в изумительном зверинце Ройла, маркграф показал слегка обалдевшим гостям целое сонмище опасных или не очень тварей, среди которых мне особо запомнилось чудовище, которое Ройл называл просто «Студнем». Это и впрямь была некая расплывшаяся студенистая масса, вся покрытая зубастыми ртами и злобными крошечными глазами. Ничего более противного в жизни не видел!

— А вот — жемчужина коллекции, — мы подошли к загону, который был почему-то накрыт розоватым слабо светящимся куполом, от которого пахло грозой и исходили волны холода. Все ясно, магическая защита, мне такой купол однажды показывал волшебник Тотлант из Пограничья. — Не сомневаюсь, это один из тех демонов Бездны, что были выпущены в наш мир через портал в день падения Пифона. Больше ему взяться неоткуда.

— Согласен, — подтвердил слова Ройла Гвайнард, как большой знаток прикладной демонологии. — Действительно, это яголот, обитатель среднего круга Черной Бездны. Боги всеблагое, как вам удалось его поймать и засадить в зверинец? Любой демон стократ умнее и хитрее человека, это просто невозможно!

— Нужно иметь знающих друзей и правильно организовать охоту, — туманно ответил маркграф. — Тем более, что яголоты хоть и агрессивны, но в сообразительности несколько уступают другим своим собратьям.

Означенный яголот свирепо таращился на людей и я возблагодарил всех богов за то, что нас разделяет невесомая, однако несокрушимая стена магии.

Возьмите обыкновенного бурого медведя, увеличьте его до размеров медведя серого, сделайте морду попротивнее и поклыкастее, добавьте светящиеся глаза и кожистые крылья на спине, и тогда вы получите представление о яголите. В качестве последнего штриха присовокуплю громад-

ные когти на передних лапах, почему-то до крайности напоминающих человеческие руки покрытые густой черно-бурой шерстью.

— Зачем вам это все, любезнейший граф? — Дженна задала вопрос, который терзал всю нашу компанию. — С необычными животными, которых вы содержите, я бы еще смирилась, но держать в доме демона Черной бездны?.. К чему?

— Одни коллекционируют рукописи, — Ройл недвусмысленно указал на меня, — другие — старинные монеты, редкие вина или породистых голубей. Мне понравилось собирать чудовищ. А насчет демонов.... В хозяйстве все может пригодиться. Вот например, если вдруг начнется война и немедийцы опять вздумают осаждать мой замок, я запросто спущу на них яголоты. Чтоб не повадно было.

— Уверен, однажды мы снова приедем сюда в гости, и обнаружим вместо замка груду развалин, на которой будут резвиться ваши подопечные. И белый скелет бывшего владельца, начисто обглоданный каким-нибудь особо злобным монстром, рассердившимся на маркграфа Ройла за то, что он продержал его в тесной клетке лучшие годы жизни, — пророческим тоном сказал ким-мериц. — Впрочем, у каждого свои причуды.

— Милорд, — короля перебил вкрадчиво-спокойный голос Джигга, — начальник караула просил сообщить, что в поселке возле замка случилась неприятность...

— Что? — Ройл развернулся на каблуке, а я вновь подивился — и каким образом Джигг везде

успевает? Вроде бы он постоянно таскался за нами и никуда не уходил.

— Я весьма сожалею, милорд, но это действительно так.

— Не тяните Джигг! Что за неприятность?

— Это в высшей степени неожиданно, ваша светлость. Около полудня в поселок пришел некий молодой человек в испачканном платье, какое по моим сведениям носят королевские гвардейцы отряда «Черный Дракон».

— Ревенант! — воскликнул Ройл. — Точно, ведь демон вселился в одного из погибших гвардейцев короля!

— Мне очень печально это слышать, милорд. Были легко ранены двое стражей, которые пытались остановить вышеупомянутого молодого человека. Как вы и приказывали, капитан стражи распорядился не трогать этого юношу и отвел своих людей, предварительно подняв платформу подъемного механизма к замку. К сожалению, визитера это не остановило и он начал карабкаться по скале вверх с достойной как уважения, так и порицания настойчивостью.

— Тысяча лишних слов, вместо одной простой фразы: ревенант полез в замок, — сплюнул Конан. — Ройл, поднимайте тревогу, это уже не шуточки, мы видели на что способна эта тварь...

— Тревога уже объявлена, ваше величество, — невозмутимо вставил Джигг. — Я счел нужным отдать распоряжение от имени его светлости. Надеюсь, я не позволил себе ничего лишнего?

— А ну, идем наверх, на стены, — в глазах

Ройла вспыхнул хищный и азартный огонек. — Надеюсь, демону пока не удалось пробраться в крепость.

— Нет милорд. Скорее всего, он преодолел лишь треть пути. Скала весьма обрывистая.

— Дженна, марш в наши комнаты и сиди там не высовываясь! — киммериец повернулся к Зенобии и тут же нарвался на решительную отповедь возлюбленной супруги:

— Еще чего придумал! Сидеть и дожидаться, пока ревенант явится за моей головой? Благодарю покорно, но я предпочту встретиться с ним вместе с вами! Ройл, показывайте дорогу!

* * *

Признаться, до 1288 года (сиречь до вступления Конана на престол Аквилонии и нашего с ним знакомства) самыми жуткими приключениями моей жизни являлись испытания в Обители Мудрости, после которых я получил звание «мэтра семи высоких искусств» и встреча с разъяренной матушкой, баронессой Юсдаль, которой я сообщил, что не собираюсь возвращаться в родовое гнездо по окончании учебы, а собираюсь вести светскую жизнь в столице.

Матушка тогда сообщила, что денег на мое содержание она присылать не собирается, а потому означенная «светская жизнь» отменяется, и Хальку Юсдалю придется самому зарабатывать на хли вино.

К счастью (или к сожалению?) тогда скончал-

ся престарелый смотритель личной королевской библиотеки и по протекции дядюшки-герцога, который мне благоволил, новоявленному мэтру досталось его место.

И началось! Первая же встреча с Конаном едва не стоила мне жизни — я имею в виду ту знаменательную ночь, когда я попался на глаза возглавляемому варваром и Просперо Пуантенским отряду головорезов, шедших убивать Нумедидеса. Однако, как известно, Нумедидес очень вовремя скончался своей смертью, как это принято говорить «от огорчения», Трон Льва занял некий Конан Канах, мы с ним довольно быстро подружились, а дальше...

Все минувшие восемь лет царствования киммерийца мы только и делаем, что на каждом углу натыкаемся на какую-нибудь кошмарную нечисть, которая, утробно сопя, пожирает все живое и неживое. Понятия «Конан» и «спокойная тихая жизнь» — не просто не лежали рядом, но даже и не дышали одним воздухом!

Думаете, скромная должность библиотекаря и летописца избавляет вашего покорного слуга от участия в самых невероятных авантюрах короля, о которых при Нумедидесе или Вилере даже помыслить было невозможно? Ничуть! Вместо того, чтобы благочинно участвовать в предназначенном мне судьбою пиршестве книжных червей, трудиться во славу непреходящих ценностей в тишине величественных книгохранилищ, барон Юсдаль вынужден мотаться туда-сюда по всему материку в качестве многоученного охвостья их-

него величества, у которого в известном месте застряло не просто шило, а огромный кол!

Чего я только не повидал за прошедшие годы. Порожденные знаменитым Зеленым Огнем монстры и Небесная Гора, драконы-личи, демоны, вампиры, оборотни и всякие прочие вурдалаки носятся за мной по пятам так, словно скромный библиотекарь является самой желанной добычей для их клыков и когтей. И все это благодаря Конану, который явно желает, чтобы его царствование вошло в историю, как самое кипучее и беспокойное.

(Скажу по секрету, что две трети неприятностей киммериец находит самостоятельно — какая-нибудь мирная неприятность тихонько лежит в углу, дремлет и никого не трогает, совершенно не желая возмущать спокойствие, но тут прибегает неумный варварский король и зачем-то отвешивает ей роскошного пинка. Немудрено, что столь хамское отношение неприятностям не нравится и они дают королю сдачи, разворачиваясь во всей своей неприглядной красе... Я же всегда исходил из старинного постулата о том, что навоз лучше не трогать, он и вонять не будет. Конан же мыслит в прямо противоположном направлении и разубедить его невозможно.)

Вот и сейчас, вся наша теплая компания в сопровождении сотника личной дружины маркграфа Ройла и десятка арбалетчиков торчит на стене замка, пытаясь высмотреть ползущего где-то внизу по скале демона, имеющего облик одного из бывших гвардейцев короля. Впрочем, я ошиб-

ся — компания у нас отнюдь не «теплая», поскольку на такой высоте весьма прохладно (осень на дворе), да и дующий с Немедийских гор ветер режет глаза и вызывает истечение воды из носа.

Ничего не скажу, свою личную гвардию Ройл подбирал с умом. Опытные вояки, молодых лиц практически нет. Причем большинство из них — наемники, которым маркграф платит воистину по-королевски (прошу простить за столь неудачный каламбур). Несколько светловолосых немедийцев, вислоусые подданные Кофа, смуглые зингарцы. Всезнающий Джигт пояснил, что некоторые из них служили еще в знаменитой Армии Черной Реки, когда Троцерио Пуантенец собрал внушительное наемническое войско для отражения угрозы со стороны пиктов и их вождя Зогаг Сага.

— Ну, и где наш дружок? — бормотал киммериец, выглядывая в проем между зубцами стены. — Ройл, наблюдение ведется по всему периметру укреплений?

— Поднял на ноги даже кухарок, — недовольно буркнул наш хозяин. — Давненько в замке не было такого переполоха, наверное с тех пор, как из клетки в зверинце сбежал анрах — помните ящерицу с двумя рожками, которая бьет противника молниями? И все — из-за паршивого кхарийского демона!

— Этот «паршивый демон», ваша светлость, владеет силой и знаниями двух десятков далеко не самых последних бойцов Аквилонии, — напомнил Гвайнард. — А если он начнет убивать и далее, то его сила будет только возрастать.

— Кстати, о кухарках... Получается, если ревенант угробит сотню самых лучших поваров, значит и готовить будет в сто раз лучше? — мрачновато пошутил Конан. — Тогда я бы его нанял, поскольку употреблять в еду те помои, которыми нас потчуют в Тарантии невозможно. Зенобия совершенно не следит за домом...

— Уследишь за таким домом, как же, — язвительно отозвалась Дженна. — Одной прислуги полторы тысячи человек, начиная от младших помощников старшего обмахивателя пыли с королевской бронзы, и заканчивая смотрителем королевского льва в зверинце... Я давно предлагала разогнать эту толпу дармоедов, но мой драгоценный супруг, утверждает, что замок короля должен выглядеть не хуже, чем у других владык Заката.

— Тихо! Кажется, я его вижу! — рявкнул Гвайнард. — Ну и настойчив, паразит!

Рассмотреть что-либо было довольно сложно — камень темный, ревенант облачен в черную гвардейскую форму... Однако, остроглазый охотник оказался прав: примерно в четырехстах локтях ниже уровня крепостных стен по практически отвесной скале ползла черная букашка. Ползла медленно, но уверенно.

— Не скоро еще доберется, — откомментировал Ройл. — Гвайнард, я обращаюсь к Ночному Стражу как к человеку, в подобных делах несравненно более опытному. Каким образом можно уничтожить ревенанта, причем так, чтобы никто из нас не пострадал?

— Огонь, — пожал плечами Гвай. — Я Конану уже рассказывал. Еще можно разрубить на мелкие кусочки, которые потом тоже следует сжечь. Понимаете, такой монстр встречается крайне редко, все легенды нашей гильдии однозначно советуют при встрече с ревенантом немедленно уносить ноги. Он выполнит свою миссию и спокойно вернется в гробницу... Готовьте смолу, маркграф. Много смолы. Думаю, что когда тварь приблизится к стенам замка, мы сможем ее остановить огнем.

— Исполняйте, — рыкнул светлейший на сотника. — Гвайнард, а если его просто нашпиговать стрелами? Или снести голову?

— Так туловище сможет действовать и без головы.

— Применить магию?

— Не подействует. Чтобы снять проклятие ревенанта необходим соответствующий обряд, а его тайна потеряна. Хотя...

— Книга Душ! — воскликнул Ройл, поняв, что хотел сказать охотник. — Там наверняка есть описание! Джигг, немедленно принесите книгу!

— Слушаюсь, милорд.

— Хотя нет, не надо.

— Как вам будет угодно, милорд.

— Почему «не надо»? — не понял Гвайнард. — Хальк умеет читать по-кхарийски, если отыщем нужное заклинание...

— Хальк — библиотекарь, а не маг, — огорченно сказал Ройл. — И я не думаю, что какой-нибудь здравомыслящий волшебник возь-

мется за подобное дело, кхарийская магия слишком непредсказуема. Придется действовать испытанными методами. Когда демон поднимется как можно ближе, сбросим на него бочки с горящей смолой.

— Всего-то и делов, — невесело усмехнулся Конан. — Ройл, вы же сами говорили: любой демон стократ умнее и хитрее человека. Неужели ревенант не может предвидеть такого поворота событий?

— Сейчас он беззащитен и не сможет укрыться от огня. Чтобы спастись от смолы, ему придется прыгать вниз, костей потом не соберет, эдакая высотица! Впрочем, все это пустые разговоры. Сперва надо опробовать все доступные нам способы защиты.

Мы прождали на ветру не менее двух квадрансов, пока фигура карабкающегося по скале человека не стала ясно различима. Двигался ревенант вполне уверенно, хоть и напоминал ползущую по стене сонную муху. Он каким-то образом ухитрялся находить мельчайшие выступы, за которые цеплялся пальцами, подтягивался, отыскивал опору для ног... Ройл уверял, что за все время существования его родового замка никому не удавалось подняться от подножия скалы к крепости, это, мол, не в человеческих силах. Однако, сейчас мы столкнулись не с человеком, а с монстром, вселившимся в человеческое тело и этот факт весьма осложнял положение.

Бочки со смолой приготовили, гвардейцы Ройла уже были готовы поджечь смолу и столкнуть

их вниз, прямиком на голову ревенанта, когда случилось неожиданное.

— Куда он подевался? — Дженна первая обратила внимание на то, что черная тень, расплавившаяся по поверхности скалы внезапно исчезла. Только что мы видели ревенанта довольно отчетливо, и вдруг он будто испарился. — Сорвался и упал? Нет, ничего подобного, я бы заметила!

— Боги... — Ройл внезапно побледнел. — Как же мы могли упустить такое из виду!

— А именно? — насторожился киммериец.

— Это я, дубина, проморгал, — процедил сквозь зубы Ройл. — Убить меня мало! Световые шахты, ведущие в подвалы замка! Понимаете? Он попросту нашел отверстие шахты и проник внутрь, человек может пролезть по проходу! Демон уже в крепости! Ему больше не надо подниматься по скале, он запросто пройдет по лестницам!

— Положеньице... — хищно ощерился Конан. — Ройл, я принимаю командование на себя. Возражений не будет?

— Нет, ваше величество. В конце концов, речь идет о вашей жизни и жизнях ваших близких. Меня и моих слуг демон не тронет, если мы не станем оказывать сопротивления

— Донжон замка изолирован? Сколько входов?

— Главный, потайная лестница и вход в подвал. Последний накрепко закрыт обитой металлом дверью, даже великан не прорвется!

— Завалить подвальный вход и тайный лаз

немедленно! Чем угодно — мебелью, камнями, хоть бочками с вином! Чтоб мышь не проскользнула! Всю дружину — в донжон, до единого человека! Прислуга пускай запрется в своих комнатах и ни в коем случае не выходит! Ревенанту не нужны их жизни, но если кто попадется ему на пути — последствия за свой счет. Бочки со смолой — к воротам донжона! Живо! Времени в обрез!

Времени действительно почти не оставалось, но все приказы короля были исполнены немедленно и в точности — люди Ройла не зря получали свое содержание.

Мы едва ли не бегом ринулись к главной башне замка, цитадели, которая была выстроена в соответствии со всеми правилами фортификационной науки — даже если бы враг неким удивительным образом оказался внутри самого замка, проникнуть в донжон оказалось бы невозможно. Низкий главный вход с так называемым «коридором смерти», когда противника можно спокойно расстреливать из арбалетов через щели амбразур, узкие окна, в которые с трудом может протиснуться только отощавшая кошка, толщина стен превышает десять локтей, а сами стены облицованы отполированными мраморными плитами, с которых соскользнет даже улитка...

Однако, это сооружение предназначено для ведения серьезной войны, но вовсе не для обороны от одного-единственного демона. Я был уверен, что ревенант отыщет какую-нибудь щель и задаст нам жару.

— Гвай, серебро на ревенанта подействует? — спросил киммериец, когда мы очутились в главной башне. — Все-таки нечистая сила!

— Не уверен, — покачал головой охотник. — О ревенантах известно очень мало, и я...

— Понял, не продолжай, — отмахнулся Конан. — Сотник! В арсенале есть серебряные наконечники для лучных и арбалетных стрел?

— Найдутся, — кивнул статный и суровый немедиец, командовавший гарнизоном замка. — Приготовили лет несколько назад, зачем — сам не знаю, приказ его светлости. Прикажете вооружить лучников?

— Приказываю! Пятерых стрелков — наверх, на самую вершину башни. Пускай приготовят огненные стрелы. Едва демон появится перед воротами — зажечь бочки со смолой.

— Почему вы, государь, думаете, что ревенант придет напрямик к воротам? — нахмурился Ройл. — Вдруг у него более изощренный план?

— Другие входы завалены? Завалены! Стража возле них стоит? Стоит! Как только ревенант объявляется, истыкать стрелами так, чтоб подняться не мог, потом поджечь!

Как говорится — гладко было только на бумаге. Ройл оказался совершенно прав: зломерзкое порождение кхарийской магии и тут умудрилось обвести нас вокруг пальца. Как было выяснено впоследствии, ревенант благополучно поднялся из подземелий крепости наверх (хвала Митре, все населявшие Ройл люди успели попрятаться, следуя распоряжению короля и жертв не было) и

вышел во двор перед донжоном. Следуя приказам Конана, засевшая в башне гвардия маркграфа не стреляла — ждали пока тварюга подойдет поближе к бочкам. Но проклятый демон поступил по-своему: запросто развернулся и исчез в проходе, ведущем в восточное крыло замка.

— Ничего не понимаю, — сказал нам король, наблюдавший за происходящим из бойницы второго этажа донжона. — Ройл, он может как-нибудь обойти ворота башни?

— Исключено, — отозвался маркграф. — Хотя, если я правильно понимаю, этот демон весьма сообразителен, ведь он владеет опытом многих людей, чье ремесло — война. Я бы на его месте отыскал веревку, из трех связанных вместе рукоятками кинжалов сделал трезубец и забросил наверх. Трезубец цепляется за один из зубцов башни с непростреливаемой стороны, а я благополучно поднимаюсь по веревке. Если уж он ухитрился влезть к нам по скале, то столь простой трюк ревенанту в любом случае по силам.

— Дополнительный десяток арбалетчиков — на вершину башни! — немедленно приказал киммериец, отлично понимая, что выкладки Ройла вполне логичны. Глянул в бойницу, и тут же выругался: — Сетово отродье! Только этого нам не хватало!

Из коридора, в котором недавно скрылся демон, бегом выскочил граф Вилькон, о котором, к моему прискорбию, мы все позабыли — он доселе маялся головной болью в своей комнате. Судя по всему причиной такой поспешности нашего ка-

питана послужил именно ревенант, ибо Вилькон тоже входил в число тех, кто участвовал в убийстве разбойника Сайруса, непосредственного носителя проклятия.

— Эй, внизу! — взревел Конан, отлично понимавший, какая опасность грозит Вилькону. — Мгновенно открыть ворота, впустить и снова запереть!

Граф, как ошпаренный, со всех ног неся к воротам башни, сжимая в правой руке свой клинок. Одна из створок приоткрылась, впуская нашего соратника внутрь, и тут...

Я первым заметил нечто неладное, еще в тот момент, когда Вилькон подбегал к донжону. Кровь. Пятно крови на рубахе!

— Не-ет! — заорал я что было сил. — Не пускайте его!

Поздно. То, что недавно являлось графом Вильконом успело проскочить в «коридор смерти».

Ревенант совершил беспроявишный ход, скотина эдакая! Уяснив, что так просто попасть в донжон невозможно, демон, ведомый чутьем на кровь своих убийц, запросто поднялся в отведенную приболевшему Вилькону комнату, убил его, вселился в тело графа и предстал перед нами в его обличье. А мы, дураки, поверили... Точнее, дураками оказались не мы с Зенобией, Гвайнардом или Ройлом, а собственнолично Конан Канак, король Аквилонии.

Дальнейшее я вспоминаю как один непрерывный кошмар.

Ревенант ворвался в башню подобно урагану — троих привратников убил сразу, постоянно меняясь телами и вводя в состояние полнейшего замешательства гвардию Ройла, уже не понимавшую в кого именно надо стрелять. Всем нам грозил вполне закономерный карачун — растерялись даже многоопытные и обычно хладнокровные Конан и Ройл, от которых опешившая дружина ждала четких и ясных указаний — кого убивать.

Наше счастье, что Гвайнард неожиданно взял на себя обязанности командира — кому как не одному из лучших Ночных Стражей Закатного материка противостоят нечисти?!

— Всем назад! — Гвай взревел, будто полковая труба. — Назад, на второй этаж! Не терять друг друга из виду!

Что характерно, его сразу послушались. Во-первых, голос такой, во-вторых гвардия Ройла поняла, что столкнулась с чем-то донельзя необычным и опасным — только что убитый человек вдруг встает на ноги и начинает рубить своих бывших товарищей, да с таким искусством, что можно расплакаться от восхищения...

Уцелевшие защитники «коридора смерти» в котором уже погибло не меньше полутора десятков дружинных Ройла начали отступать к винтовой лестнице, вяло огрызаясь на атаки ревенанта, успевшего попутно уложить еще четверых. Мы едва успели захлопнуть тяжеленную, выплавленную из чугуна, дверцу прямо перед носом монстра, ныне носящего тело десятника-ко-

фийца. Раздалось несколько ударов металла о металл, затем все внезапно стихло.

Надо полагать, ревенант задумал очередную гадость, к которой мы окажемся как всегда неподготовленными.

— Потери? — быстро спросил Ройл у сотника.

— Двадцать два человека...

— Ясно. Держите оборону у бойниц. Стрелять в любого, кого увидите!

— Будет исполнено.

Глаза у сотника были совершенно палые. Видимо понял, в какую переделку попали он сам и его отряд. Впрочем, командира графской гвардии предупреждали, что демон в человеческом облике может натворить немалых бед. Одно хорошо — вояки его светлости не показывали ни малейшего признака паники. Случись хоть небольшое возмущение среди гвардейцев Ройла, оно обернулось бы неминуемой катастрофой. Очень радует, когда тебя защищают столь опытные люди.

— Что будем делать? — задал сакраментальный вопрос Конан, когда мы более-менее отдышались. — Мы всего за четверть квадранса потеряли нижний этаж донжона...

— Стоило быть осторожнее, — бесстрастно сказала Зенобия. — В происшедшем есть и твоя вина.

— Наша общая... — поморщился Конан. — Никогда себе не прощу того, что мы забыли о Вильконе. Его жизнь на нашей... моей совести. Однако, рыданиями делу не поможешь. У кого какие предложения? Хальк?

— Ничего сказать не могу...

— Гвайнард?

— Пробриться вниз и выманить демона к смоляным бочкам, — вяло сказал Гвай. — Иначе нам придется тут сидеть до самой Битвы Богов.

— Дженна?

— Что — «Дженна»? Может мне сбросить одежду и выйти к ревенанту, в надежде его очаровать?

— Попробуй только — в ревности я страшен... Ройл?

— Следует подумать над мыслями месьора Гвайнарда. Безвыходных положений не бывает. Даже когда тебе противостоит существо, объединившее в себе боевые качества почти полусотни лучших бойцов Заката.

Пауза.

— Вы позволите высказаться, милорд?

Джигг, не обративший никакого внимания на приказ прислуге спрятаться и постоянно следовавший за нами неотступной тенью, вдруг шагнул вперед. Честно говоря, среди нашей взъерошенной компании только месьор камердинер выглядел безмятежно и до отвращения аккуратно. Словно ему сейчас предстоит пригласить господ к торжественному обеду.

— Что-что? — я явственно увидел, как в глазах Ройла мелькнуло то, что плохие сочинители обычно именуют «проблеском призрачной надежды». — Что, Джигг?

— Ваша светлость позволит мне ненадолго отлучиться?

— Куда? — раскрыл рот маркграф.

— В ваши покои, милорд.

— Джигг, я не собираюсь...

— Судя по рассказам досточтимого месьора Гвайнарда, демон не должен причинить мне вреда. Я не являюсь объектом охоты, не вооружен и не собираюсь нападать на это удивительное существо, которое к моему прискорбию, посетило ваш замок, милорд. Он меня пропустит. Если я ошибаюсь, уверен, что ваша светлость найдет себе другого камердинера, более достойного и исполнительного.

— Что вы задумали, Джигг? — настороженно спросил Ройл.

— Пока я не могу объяснить, милорд. Дабы не вызывать в ваших сердцах необоснованные упования на благополучный исход. Итак, мне будет позволено вас покинуть?

— Гвайнард? — Ройл повернулся к донельзя хмурому охотнику. — Я имею серьезные основания доверять изобретательности Джигга. Он действительно сможет безопасно пройти мимо ревенанта?

— Не исключено, — проворчал Гвай. — Но никаких гарантий дать невозможно. Хотя, есть условности, предопределенные границы проклятия... Не знаю!

Ройл пожевал губами, посмотрел в потолок, и, наконец, решился:

— Джигг, мне будет крайне огорчительно потерять вас.

— Очень рад это слышать, милорд.

— Вы уверены?..

— Почти, милорд.

— Тогда идите. Если не вернетесь спустя один колокол, мы будем вынуждены действовать самостоятельно.

— Я учту это обстоятельство, милорд.

Люди, занявшие оборону на втором этаже башни могли без особых усилий контролировать положение на первом — в камне было вырезано достаточно смотровых щелей. Ревенанта пока видно не было.

Чугунная дверь приотворилась буквально на мгновение, но неподражаемый Джигг умудрился проскользнуть в щелку и с достойной подражания невозмутимостью зашагал по винтовой лестнице вниз. Наблюдая за ним, я был готов поверить, что этот человек направляется к своему сюзерену, чтобы выслушать обычные распоряжения о завтраке.

Ревенант внезапно выскочил откуда-то сбоку, увидев движущегося живого человека. Видимо, доселе он скрывался за оружейными стойками. Державший в руке окровавленный меч демон замер в четырех шагах от Джигга, но тот и бровью не повёл. Даже не повернувшись в сторону ревенанта камердинер прошел к «коридору смерти» и исчез в полумраке.

— Ройл, — шепнул Конан, будто боясь спугнуть упомянутый луч призрачной надежды. — Где вы откопали это сокровище? Только не говорите, что в Пифоне!

Маркграф не ответил, а только чуть улыбнулся.

Глава шестая

Новый Пифон

*7 день первой осенней луны 1296 г.
Замок Ройл — Немедийские горы*

жигг, в замке все спокойно?

— Насколько я знаю — да, господин барон.

— Послушайте... Какое содержание вам платит Ройл?

— Я полагаю, что с моей стороны будет нескромно об этом распространяться, господин барон.

— Вы когда-нибудь бывали в Тарантии?

— Замечательный город, господин барон.

— Не хотите переехать туда насовсем?

— Я пока не рассматривал такую вероятность, господин барон.

— Вы можете быть весьма полезны на королевской службе, Джигг.

— Мне приятно слышать столь лестную оценку из ваших уст, господин барон.

— Вот что... Не буду ходить вокруг да около. Я хочу переманить вас у Ройла. Хотите быть камердинером у тайного советника короны? То есть — у меня?

— Я чрезвычайно польщен данным предложением, господин барон. Однако, есть обстоятельства, которые вынуждают меня задержаться в замке его светлости маркграфа.

— Какие же?

— Полагаю, сперва следует выслушать мнение его светлости, господин барон.

— А-а, вы боитесь, что Ройл вас не отпустит? Вообще-то на его месте я поступил бы точно так же. Я поговорю с вашим хозяином, если вы не против.

— Вы мне глубоко симпатичны, господин барон. И в случае, если его светлость выразит недвусмысленное намерение отпустить меня, я с удовольствием перейду на службу к вам.

— Отлично, Джигг!

— Ваше платье, господин барон. Хочу напомнить, что отъезд намечен на полдень.

— Спасибо, вы можете пока быть свободны. И еще. Вы настоящий герой Джигг!

— Как вам будет угодно, господин барон. Я стараюсь быть полезным.

Камердинер покинул комнату, а я решил еще немного поваляться в постели. События вчерашнего дня вымотали меня настолько, что за ночь я почти не отдохнул.

И немудрено — давненько я не попадал в столь серьезную переделку, примерно с тех вре-

мен, когда его киммерийско-аквилонское величество напоил меня до полусмерти в дешевеньком вертепе на окраине Тарантии и бросил там на произвол судьбы...

Впрочем, давайте я расскажу, чем кончилась история с ревенантом.

* * *

Джигг невозбранно вышел из донжона и отправился через внутренний двор в жилые покои замка, а мы продолжили держать осаду. Проклятый демон теперь не прятался, а с наглым видом расхаживал напрямик у нас под ногами, видимо измышляя очередное черное злодейство. Теоретически, пробраться на второй этаж он не мог — башня была отлично защищена, но, как известно, обитатели Бездны весьма изобретательны в области разнообразнейших и весьма изощренных гнусностей.

Так получилось и на этот раз — ревенант полностью оправдал свою репутацию. Сквозь узкие наблюдательные щели мы увидели, что демон направился во двор, некоторое время с шумом там хозяйничал, а затем...

— Только этого не хватало! — тут уже и казавшийся спокойным Ройл побледнел. — Боги могут, спасите и уберегите! Он задумал выкурить нас отсюда!

— Вот теперь мы действительно влипли, — процедил сквозь зубы Конан. — Первый раз в жизни жалею, что я убил мерзавца, грабившего

моих добрых подданных! Тогда ничего подобного не случилось бы.

Король был прав: мы влипли. Ревенант, уяснив, что залезть к нам на второй этаж невозможно, начал таскать со двора бочонки со смолой, и ставить их прямоком возле винтовой лестницы. Бочонки, хоть и являлись довольно тяжеленькими, были невелики, высотой примерно до середины бедра человека. Если демон подожжет смолу — мы попросту задохнемся в едком смоляном дыму или зажаримся.

— Надо прорываться, — решительно сказал король. — Сдохнем здесь как крысы!

Мы все полностью разделяли его точку зрения, отлично понимая при этом, что вступать в драку с монстром почти бессмысленно — его сила многократно возросла. Но уж лучше умереть в бою, чем превратиться в копченый окорок!

— Конан, взгляни! — позвал киммерийца Гвайнард, прильнувший к бойнице. — Кажется, Джигт возвращается!

— А чем он нам поможет? — огрызнулся варвар. Отделает ревенанта щекой для чистки одежды или половником?

— У него в руках книга, — деревянным голосом отозвался охотник. — Та самая! Что, зажри меня Сет, он задумал?

Как раз в этот момент демон возвращался за очередным бочонком. Джигт остановился посреди двора, раскрыл кхарийский гримуар, переложил его в левую руку. В правой сверкнуло лезвие небольшого ножа.

— Зачем он режет страницы? — ахнул Ройл. — Что за чепуха?

— Не режет, скорее подчищает, — отрицательно замотал головой Гвайнард. — Точнее не могу рассмотреть, слишком далеко.

Б-бу-у... Мне показалось, что замок слегка покачнулся, как если бы началось небольшое землетрясение, сопровождаемое тяжелым и низким раскатом грома, донесшегося издалека. Под стенами донжона внезапно появилось темно-багровое свечение, круг неприятного бурлящего огня расширялся, внутри пурпурного кольца за клубилась тьма. Башня начала мелко вздрагивать.

— Амулет! — воскликнул вдруг Гвайнард, хватаясь за грудь. — Мой амулет Ночной Стражи! Он просто заledenел!

— Мой тоже, — быстро сказал Конан. — Ройл, ваш слуга, оказывается, самый натуральнейший чернокнижник! Это же темная магия! Причем исключительно мощная! Да он сейчас разнесет замок вдребезги!

Нам ничего не оставалось делать, кроме как бессильно наблюдать за происходящим внизу, под стенами. Даже ревенант остановился и застыл.

Огненное кольцо расширилось до диаметра в пять-шесть локтей и бурлящая в его центре мгла внезапно исторгла из себя некое существо, описать которое я затрудняюсь. Оно походило на очень высокого человека, причем фигура была настолько мощной, мускулистой и широкоплечей, что даже Конан уважительно хмыкнул. Ко-

жа здоровенной твари была эбеново-черной и блестящей, за спиной виднелись крылья с перепонками — такие у летучих мышей бывают. Рожа новоявленного демона получила бы первый приз на любом состязании уродов — нос плоский, с вывернутыми обезьяньими ноздрями, глубоко запавающие глаза под низким лбом, квадратная нижняя челюсть, из-за тонких губ выглядывают желто-коричневые клыки, уши острые и длинные, круглую голову украшают изогнутые рога... Словом, воплощенный ночной кошмар.

— Невероятно, — зачарованно пробормотал Ройл. — Баатэзу, демон из Огненной Бездны! Помните, я рассказывал? Но как у Джигга получилось?..

Сам камердинер аккуратно отступал ко входу в жилой покой замка, стараясь не привлекать внимания ни ревенанта, ни крылатого исполина. Наконец, ему удалось блестяще закончить этот маневр и скрыться в доме.

Демон под названием баатэзу потоптался по каменным плитам, коими был вымощен двор, причем под его трехпалыми лапами клубился дымок — гранит слегка плавился. Вероятно, очередной монстр, свалившийся на наши несчастные головы, приноравливался к новым ощущениям — мир людей был слишком необычен для него. Спустя несколько мгновений он обратил внимание на ревенанта и целеустремленно шагнул к нему.

Понятия не имею, какая муха укусила нашего преследователя, но эта муха наверняка была

очень ядовитой, а ее яд вызывал у демонов приступы безумия. Посудите сами: громадный баатэзу мог бы расплющить человека в лепешку одним ударом могучей лапищи или попросту разорвать человеческое тело на множество мелких и крупных клочков. На месте ревенанта я бы бежал от крылатого чудовища без оглядки, спрятался в самом дальнем уголке и молил всех повелителей Черной Бездны, чтобы их слуга не отыскал моего укрытия. Однако, у носителя проклятия кхарийцев были свои соображения на этот счет. Он попросту подхватил валявшийся рядом меч и молча бросился в атаку.

Полагаю, баатэзу слегка опешил от подобной наглости и даже отступил на шаг. Какая-то двуногая букашка осмелилась бросить ему вызов! Ревенант тем временем воткнул клинок в ногу крылатого над коленом — человеку было не достать выше, слишком уж здоровым оказался демон.

От разъяренного рева баатэзу мы едва не оглохли. Отлично его понимаю — ты вылезает из своей уютной и привычной Бездны в Универсум смертных в расчете на хороший обед или, по крайней мере, на более-менее достойный прием (Ройл упоминал, что эти существа могут если не дружить с людьми, то по крайней мере терпеть их), а тут какой-то озверевший коротышка засаживает тебе в лапу острую железку, что весьма больно и обидно...

Баатэзу разобиделся так, что спустя миг от ревенанта даже мокрого места не осталось — как я

и предполагал, демон попросту прихлопнул своего противника широченной ладонью, а затем выдохнул из пасти свистящую струю синеватого огня с оранжевыми язычками. Расплющенное тело ревенанта превратилось в пыль, в пепел, в золу, которую (так обычно выражается в своих сочинениях некий Гай Петрониус из Тарантии) подхватил и унес в голубую даль ниспосланный провидением легкий ветерок. Гранитные плиты под ногами чудища раскалились докрасна.

Все произошло настолько быстро, что никто из нас даже пикнуть не успел. Хотя, я отлично понимал, что избавившись от одного демона, мы получили взамен другого — куда более сильного и опасного. Ревенант рядом с нашим крылатым гостем выглядел просто белым голубком.

Но баатэзу не стал крушить замок или вытворять другие, не менее ужасные, штучки приличествующие порождениям обители Первородного Зла. Землю вновь встряхнуло, и багровое пламенное кольцо начало быстро сужаться, поднимая сильнейший ветер и затягивая в себя белые полосы воздуха. Вихрь оказался настолько неукротим, что втянул в зарывающуюся прореху как самого крылатого демона, так и стоявшую неподалеку телегу и оставшиеся перед входом в башню бочки со смолой.

Неожиданно все кончилось. Только на камне остались черные следы монстра, столь внезапно появившегося и исчезнувшего.

— И как прикажете такое понимать? — Конан недоуменно воззрился на нас.

Я, Ройл, Гвайнард и Зенобия не сговариваясь одновременно пожали плечами.

Вскоре в металлическую дверь аккуратно постучали и послышался ровный голос Джигта.

— Ваша светлость, я имею достаточные основания полагать, что опасность миновала.

***

Пока ошалелая от столь бурных событий прислуга приводила в порядок главную башню, мы собрались в кабинете Ройла, чтобы пропустить по кубку хорошего вина и немного успокоиться. Заодно всем очень хотелось выслушать подробные объяснения камердинера, который и устроил явление баатэзу, благополучно избавившего нас от зловредного преследователя.

— Джигт, я решительно не представляю себе, каким образом вам удалось воспользоваться заклинаниями из Книги Душ! — разорвался взбудораженный Ройл, ходивший по кабинету из угла в угол, будто тигр по клетке. — Невероятно, непостижимо! На кхарийском вы не говорите и не читаете, магии никогда не учились, способностями к волшебству не обладаете.

— Это так, милорд.

— Но почему? Почему, я вас спрашиваю? Как вы ухитрились открыть проход в Черную Бездну?

— При помощи упомянутой книги, милорд.

— Джигт, рассказывайте!

— Ваша светлость упоминали, что данный фо-

лиант использовался неким волшебником во времена, когда была разрушена столица империи Ахерона, известная под наименованием Пифон.

— И дальше что?

— Так же вами было сказано, что портал ведущий в Черную Бездну был закрыт при помощи крови означенного волшебника, пролившейся на страницы. Так называемая «кровавая печать», милорд. Печать, способная остановить действие заклинания.

— Я это знаю, Джигг.

— Вот как, милорд?

— Дальше! Не тяните!

— Я использовал простейшее логическое построение, ваша светлость. Если кровь... — тут Джигг шагнул к столу и раскрыл книгу на странице, испорченной темным кровавым пятном, — если кровь останавливает заклятие, то можно рассудить, что ее удаление возобновит его действие. Я всего лишь счистил своим ножом пятно с нескольких строк в книге.

Мы все застыли раскрыв рты. Камердинер бесстрастно продолжал:

— Когда заклинание вновь начало отчасти действовать и раскрыло прореху в Бездну, из нее появилось то неприятное существо, которое и уничтожило недоброжелателя его королевского величества. Затем мне оставалось лишь поранить палец и выдавить несколько капель своей крови на пергамент, дабы портал мог вновь закрыться. К моей искренней радости все произошло так, как я и предполагал.

Сказать, что все потеряли дар речи — значит ничего не сказать. Вот вам и непреложные законы магии! Джигг совершенно гениально обошел их, найдя незаметное на первый взгляд противоречие!

До столь простого, а равно и оригинального решения не додумался бы ни один маг, голову на отсечение даю!

— Не знаю что и сказать... — потрясенно выдал Ройл. — Вы превзошли самого себя, Джигг.

— Благодарю вас, милорд. Прикажете распорядиться насчет обеда?..

* * *

На сей раз королевский кортеж выглядел куда более внушительно — нас оберегала полусотня отборных головорезов из личной гвардии маркграфа. С такой охраной нам не страшны ни демоны, ни фатарены, ни сам Сет, буде у него внезапно появится желание посетить владения Ройла.

На следующий день после неприятного, но счастливо окончившегося инцидента с неубиваемым ревенантом Конан принял решение съездить к развалинам Пифона, если, конечно, Ройл ничего не напутал и отыскал именно Пифон, а не один из богатых городов-дворцов кхарийских владык. В связи с последними событиями маркграф счел, что нам будет необходимо достойное и хорошо вооруженное сопровождение — Ройл вполне обоснованно подозревал, что Черное Солн-

це от Конана и Гвайнарда так просто не откажется...

Между прочим, не далее как вчера утром я выполнил распоряжение короля и отправил с почтовым соколом подробную депешу в Тарантию, барону Гленнору.

Достопочтенный глава «департамента по поддержанию и охранению душевного согласия среди стран Заката» (с такой вульгарной пышностью у нас именовали тайную службу) ответил незамедлительно и нынче в полдень явился сокол с кратким, но четким ответом:

«Сообщение месьора Халька получено. Принимаю меры к дознанию по делу Черного Солнца. Держите в курсе событий. Гленнор».

За что король, да и все прочие приближенные Конана, ценят нашего таинственного барона — так это за невероятную работоспособность и выдающиеся деловые качества. Стоит напомнить, что именно он, объединившись с пуантенскими герцогами и некоторыми командирами гвардии, придумал блистательный план устранения Нумедидеса и его ближайшего окружения. О том, что государство и король в самых тяжелых обстоятельствах всегда находили поддержку тайной службы можно и не говорить — Гленнор вместе со своими помощниками ухитрялся отыскивать выход из самых затруднительных положений и аквилонская Латерана ныне считается одним из двух лучших секретных ведомств Заката, вкупе со знаменитым Пятым департаментом Немедии, слава которого несколько потускнела после ката-

строфы двухлетней давности, вызванной появлением Алого Камня.

Полагаю, Гленнор и его цепные псы довольно быстро выяснят, насколько глубоко Черное Солнце пустило корни в Аквилонии, да и в случае чего помогут справиться с этой умственной отравой немедийским соседям — в случае общей опасности тайные службы обычно приходят друг другу на выручку. Тем более, что теперь у нас с Троном Дракона — дружба не разлей вода! Молодой Нимед II отлично знает, кому именно обязан как престолом, так и жизнью, а человек он честный, если не сказать — рыцарственный, каковое качество в нынешние времена довольно необычно для короля огромной и могучей державы, почти в полтора раза превосходящей по территории Аквилонское королевство (это если учитывать Заморийский и Коринфский протектораты, находящиеся под скипетром Бельверуса на правах полунезависимых провинций).

...Пока что в округе все было спокойно и благостно — солнце светит, птички поют, ветер хоть и прохладный, но приятный и свежий. Наша внушительная кавалькада не особо поспешая рысит на Полночный Восход по широкой наезженной дороге, выются синее с золотом знамя Ройла и опостылевший (мне лично) малый коронный штандарт, а мы ведем непринужденную беседу.

— Знаете почему ревенант бросился на нашего крылатого спасителя? — говорил Гвайнард. — В который раз людям на выручку приходит то обстоятельство, что обитатели Бездны люто меж-

ду собой враждуют. Понятия не имею, из какого именно круга Бездны происходят ревенанты, но явно не из того, где живут баатэзу. Наш обидчик углядел в крылатом демоне или конкурента, или прямого врага...

— Да, месьор Гвайнард совершенно прав, — подтвердил слова охотника Ройл. — А теперь представьте себе удивление населяющих Бездну демонов, когда им на головы свалились такие шикарные артефакты, как смоляные бочки и груженная мешками с зерном телега, которых за-сосало в захлопывающийся портал!

— Точно! — расхохотался киммериец. — Ройл, ради всех богов, объясните нам, откуда у вас появился Пончик? Где вы раздобыли настоящего хэллхаунда, который живет как раз там, откуда являются баатэзу?

Огнедышащий Пончик спокойно трусил рядом с лошадьми — хозяин решил взять своего прелестного песика на прогулку.

— Долгая история, — отозвался Ройл. — Помните мои слова о том, что после разрушения Пифона часть демонов Бездны не сумела вернуться обратно? Вообще-то, баатэзу существа хоть и опасные, но не вредные. Они, наверное, самые большие флегматики среди демонов, если, конечно, их не задевать, как это опрометчиво сделал ревенант. Крылатым монстрам очень неуютно в смертном мире. Конечно, появившись у них возможность спокойно и незатруднительно перемещаться из Бездны к нам и наоборот, баатэзу задали бы жару человечеству. Но природа Трех Сфер, то

есть Высшей, Средней и Нижней, устроена весьма разумно. Все три круга нашего мира надежно разделены крепчайшими стенами, дабы не допустить смешения и хаоса. Только сильная магия способна раскрывать ворота, каковые на краткое время могут связать ту или иную Сферу. Причем, заметьте, демоны бездны никогда не могут попасть в Сферу Верхнюю, обитель богов света, а эти боги в свою очередь не способны проникнуть в Нижний мир. Встретиться они могут только у нас. Смертный мир является связующим звеном меж Сферами. Как ни странно, только люди могут познать существующую Вселенную во всем ее многообразии и увидеть всех существ, ее населяющих.

— К чему такие сложности? — спросила Зенобия. — Для чего тот, кто сотворил наш Универсум разделил его на три части и придумал Зло?

— Ах, ваше величество, над этим вопросом уже многие тысячелетия бьются философы всех существующих разумных рас. Предполагается, что так называемое Первородное Зло не являлось изначальным творением Отца Богов, по воле которого образовался наш мир. Некие сотворенные Им боги восстали против Отца, надеясь захватить Его престол. Он, ясно дело, разозлился и сослал их в Нижний Мир, который нарочно создал для того, чтобы падшие оставались там в вечном заключении.

— Неразумно. Проще было их уничтожить.

— А еще проще — наказать, — усмехнулся Ройл. — Может быть, однажды они расскажут?

Хотя в этом я не уверен... И кроме того, существование Отца Богов гипотетично, никто и никогда его в глаза не видел. Некоторые философы, включая, кстати, святого Эпимитриуса, утверждают, что он устранился от опеки над Тремя Сферами и творит другие миры, надеясь достичь большего совершенства. Очень темная история, никаких конкретных сведения не существует. Не ошибусь, если скажу, что это самая большая тайна Универсума, разгадать которую человек сможет лишь когда сам приблизится по разуму и силе к богам.

— Мы отвлеклись, — напомнил киммериец. — Так что же с Пончиком?

— Пончика я взял в качестве выкупа. Да-да, не удивляйтесь. Места у нас дикие, чего только не встретишь, особенно в горах. Вы же знаете, что я владею несколькими золотыми рудниками? Так вот, после того, что произошло в Пифоне часть демонов попряталась в пещерах. Мои рудокопы два года назад ухитрились разбудить одного из баатэзу, спавшего под горами уже тринадцать сотен лет. Без жертв, к сожалению, не обошлось... Я счел себя обязанным разобраться в происшедшем, взял с собой придворного мага, приехал горы. Демона мы нашли довольно быстро, пускай и подвергали свои жизни немалой опасности. Думаете, он на нас набросился? Да ничего подобного! Мы растолковали баатэзу, что сможем отправить его домой. Не бесплатно, разумеется. Он согласился... И честно выполнил обещание: пока портал в Огненную Бездну было от-

крыт, он успел притащить мне новорожденного щенка хэллхаунда.

— Книгу Душ использовали? — подозрительно спросил Конан.

— Конечно. Только употребили другое заклинание. В отличие от того, которым вчера воспользовался Джигг, оно куда менее опасно. Я давно мечтал о такой собаке, тем более, что воспитанный человеком хэллхаунд не представляет ровным счетом никакой угрозы. А его изумительные способности могут привести в восхищение кого угодно.

— Только не меня, — покачал головой киммериец. — Удивляюсь, как псина доселе не спалила ваш замок — огнем так и пыхает. В комнате Халька недавно ковер испортила...

— Мелкие издержки, — откровенно фыркнул Ройл. — За Пончиком следят, пока на его совести только поджог стожка сена возле конюшен. Его вполне извиняют потрясающие умения — нюх хэллхаунда значительно острее чем у обыкновенной собаки, он никогда не устает, может не спать сутками, преследовать жертву на протяжении долгих лиг, да и магией кое-какой владеет. Бесценное приобретение! Я подозреваю, что демоны баатэзу используют этих собак в своем странном мире именно для охоты.

— На кого там охотится? — удивился я. — На других, враждебных демонов?

— И это тоже. Не нужно думать, что так называемая «Огненная Бездна» это всего лишь сплошное пламя и кипящая смола. Нижний мир

наверняка столь же сложен и многопланов, как наш. Возможно там есть свои леса, озера, города, дороги или горы... А в лесах могут водиться хищники, рядом с которыми самые злобные мантикоры или тигры Хайбории покажутся забавными и безобидными щенятами. И потом, откуда мы знаем, варуг в Бездне тоже имеется своя нечистая сила и свои монстры, которых опасаются жители глубин? Значит, должна быть и своя Ночная Стража...

— По-моему, вы довели все до абсурда, — сказал Гвайнард. — Бездна — обитель Зла, Изначальной Тьмы. Вас, Ройл, послушать, так получается, что у них обитает... кхм... как бы сказать поточнее? Еще более злое зло, так?

— Это всего лишь умозрительные предположения, — Ройл внезапно натянул поводья и вытянул руку, указывая вперед. — Кстати, господа, мы приехали. Вот в этой живописной долине когда-то возвышались пурпурные башни Пифона!

Лично я ничего особо живописного здесь не увидел. Широкая, покрытая густым хвойным лесом долина была зажата между двумя отрогами Немедийского хребта. Зрелище мрачноватое, но в этих местах всегда так — слишком необжитая данная область Аквилонии. Никогда бы не подумал, что легендарный Пифон может находиться в столь прозаическом месте. Самый обыкновенный пейзаж, ничего экстраординарного или величественного.

Однако, если рассудить здраво, великолепная Тарантия тоже выстроена на самой заурядной

равнине в пойме реки Хорот. А царственный и грозный Бельверус стоит прямиком на болоте — и ничего, никто не жалуется. Почему бы кхарийцам было не устроить свою столицу-дворец именно здесь, в предгорьях?

Сейчас наш отряд находился на возвышенности. Было отлично видно, что прямо у нас на пути, примерно в полутора лигах к Восходу, расположился довольно большой поселок — замечались силуэты бревенчатых зданий под черепичными и дранковыми крышами, над которыми поднимались сизые дымки, часть векового леса возле деревни оказалась вырублена, а по краям освобожденного от деревьев пространства поднимались искусственные отвалы, похожие на большие темные дюны. Надо думать, Ройл копался на покрытых землей и лесом развалинах Пифона уже не первый год.

— Первые изыскания я начал проводить здесь еще во времена царствования Нумедидеса, — подтвердил мои предположения маркграф. — Спокон веку эта долина в местных легендах считалась запретной, вот я и предположил, что она скрывает нечто интересное. Древней историей я увлекался с юности, а когда Ройл перешел от скончавшегося отца в мое безраздельное владение, я полностью отдался этой страсти. Нанял десяток-другой рудокопов и начал наугад рыть землю. Вернее, почти наугад — раньше возле поселка возвышался холм очень необычной треугольной формы, он и стал отправной точкой. Заметьте — мне сразу же повезло! На четвертый

день после начала раскопок мы наткнулись на старинную каменную кладку, а на шестой — обнаружили сокровищницу, располагавшуюся в подвале рухнувшего здания.

— Значит, сокровищницу? — насмешливо сказал Конан. — Я все больше начинаю вас бояться, Ройл. Вдруг и на вас лежит проклятие ревенанта?

— Даже если это и так, могу успокоить ваше величество, — с таким же сарказмом ответил маркграф. — Если государь не собирается покушаться на мою жизнь, то повторение вчерашних приключений ему совершенно не грозит... А если говорить серьезно, то я неплохо подготовился к разным неожиданностям. Не считите за неуместную похвальбу, но семейство Ройлов не зря считая одним из самых богатых в Аквилонии. У меня хватило средств, чтобы нанять грамотного мага-равновесника, в те времена уже глубокого старика, не утратившего, однако, ясности разума. Он очень помог мне, предостерегая от возможных опасностей.

— Так что с сокровищницей? — напомнила заинтересовавшаяся Зенобия.

— Когда мы вскрыли каменные своды хранилища, я, признаться, едва в обморок не упал. Все тогдашние рудокопы, принявшие участие в затеянной неким провинциальным маркграфом авантюре, теперь очень обеспеченные люди — я честно отдал им десятую часть сокровищ. Короче говоря, мы wygrебли из кладовой золота и драгоценностей на восемь сфинксов.

— Чего? — непритворно поразился Конан. — Восемь? Восемь офирских сфинксов?

Напомню, что «Сфинксом» называется особо установленная Офирским королевством мера веса драгоценного металла, причем соотношение золота к примесям должно составлять девять к одному и выше. Сфинкс равен ста тысячам офирских денариев, наиболее дорогих и полновесных золотых монет Заката — умопомрачительная сумма! Колоссальное состояние! На эти деньги можно купить целое герцогство, с замком, полями-лесами-речками, двумя десятками деревень и городком. Восемь сфинксов — это восемьсот тысяч денариев Ианты, примерно столько аквилонская государственная казна получает сборов в течении полутора лет.

— Точно-точно! — воскликнула Дженна. — Отлично помню возмущение моего батюшки-купца в 1287 году, когда цена на золото и цветные камни резко поползла вниз, едва не приведя к разорению некоторых ювелирных гильдий! Ваша работа, Ройл?

— Наверное, — пожал плечами маркграф. — Никогда над такими вещами не задумывался, всеми денежными вопросами занимается управляющий, каштелян... Тогда мне было не до расценок на драгоценные металлы. Я понял, что совершил главное открытие своей жизни. Действовать пришлось осторожно, подбирая верных и преданных людей, чтобы Нумедидес и свора королевских шакалов не наложили лапу на принадлежащее мне сокровище древности — сами знаете,

они бы не обратили внимания на мои привилегии маркиграфа и начали бы копать сами, не зная, с чем можно столкнуться на руинах древней крепости. Этих мерзавцев интересовало бы только золото...

— И что вы сделали? — поинтересовался Гвайнард.

— Сначала я начал искать тех, кому можно довериться. И выбрал два самых достойных сообщества — гильдию Ночной Стражи и зарождавшийся в те годы конклав волшебников Алого Пламени Равновесия. Тем более, что обе организации работают в весьма тесном сотрудничестве, не так ли?

— Согласен, — кивнул Гвай. — А потом?

— Потом мне пришлось окутать свои изыскания тайной. Долина отлично охраняется, доступ к раскопу имеют только самые верные и проверенные люди. До нынешнего дня в Тарантии не знали, чем занимается маркиграф Ройл.

— Зря вы развели такую таинственность, — огорченно сказал Конан. — Я смог бы помочь. Знакомств в среде магов у меня много, да и королевские службы имеют доступ к рукописям и документам, которые вы никогда не раздобудете. Это может весьма упростить работу.

— Благодарю, мой король.

— С одним условием! Десятую часть найденных сокровищ — в казну!

— Согласен. Меня мало интересует золото, его достаточно, чтобы обеспечить безбедную жизнь правнукам правнуков. Если так, то могу я спо-

койно обсудить с бароном Юсдалем вопросы об интересующих меня рукописях королевской библиотеки?

— И тоже условие, — не удержался я. — Вы позволите мне ознакомиться с вашей коллекцией пергаментов и снять копии!

— Разумеется! С любых фолиантов, не являющихся магическими книгами. Это может оказаться... гм... весьма чревато.

Тем временем мы въехали в гостеприимно распахнутые ворота поселка над которым красовалась озорная вывеска «Новый Пифон». Первое, на что я обратил внимание — это возведенная вокруг деревни крепостишка, не особо мощная, но достаточная для того, чтобы обороняющиеся могли продержаться до прихода подкреплений. Много вооруженных людей. Смотровые башни, поставленные по периметру. Рабочего люда, наоборот, не заметно. Скорее всего, трудятся на огромном раскопе, находящемся всего в полулиге от поселка.

— На развалинах работает не больше пятидесяти человек, под руководством назначенного мною прецептора Нового Пифона, который одновременно является придворным магом, — словно прочитав мои мысли, пояснил Ройл. — Изыскания следует вести крайне осторожно, а то выкопаем что-нибудь такое, о чем будут сожалеть даже наши потомки в тысячном колене... Ага, вот и сам господин прецептор! Нас, оказывается, встречают!

И точно. На крыльце выстроенного из настоя-

щих «корабельных» бревен двухэтажного дома стоял человек в подозрительно знакомой мне красной хламиде волшебников Ордена Равновесия. Всмотревшись в лицо наместника маркграфа я испустил слегка разочарованный вздох — в глубине души я ожидал узнать в нем старину Тотланта, одного из лучших друзей Конана, меня самого и всех, кто составляет ближайшее окружение короля.

Но увы, Тотлант сейчас находился в отдаленном Пограничье, а придворным магом Ройла оказался Валент из Мессантии. Каковой Валент (тоже наш общий знакомец по истории с Кладом Нифлаунгов), являлся избранным советом волшебников главой конклава Алого Пламени.

Высокий, сравнительно молодой для магика — всего-то лет сорока или даже меньше! — он представлял собой новое поколение магов Хайборийского мира. Старичье, реликты, наподобие Пелиаса Кофийского, Лоухи или все еще бодрого но весьма пожилого Тот-Амона, уходили в прошлое, равно как и конклавы магии Света или Тьмы. Как-то само собой получилось, что за последние годы самым удачным и востребованным являлось редкое в прежние времена волшебство Равновесия.

Маги «традиционных школ» недовольно бурчали, что молодежь не умеет различать Великие Краски (набившие оскомину «Черное» и «Белое»), пренебрегает древними обычаями и совершенно разучилась почитать стариков. Так оно и есть, к счастью. Нечестолюбивые, умные и проникатель-

ные волшебники этой стремительно набирающей силу гильдии точно знали чего хотят: *равновесия*. Равновесия между великими силами, ибо их столкновение повергнет мир в прах. Они порицали абсолютное зло, но и не одобряли абсолютно-го добра, поскольку мир многоцветен и не может содержать в себе только две краски. Они не враждовали с Темным и Светлым конклавами, однако могли защитить себя от нападок с их стороны, которые случались все чаще и чаще — маги Тьмы и Света быстро поняли, что их гильдиям угрожает опасность со стороны спокойных и великолепно образованных молодых волшебников, не стремящихся переделать мир по своему хотению, а старавшихся этот мир сохранить и сделать его более безопасным для повелителя — человека.

Впрочем, свои философические размышления о Трех Цветах Магии я описал в другом трактате и не считаю нужным приводить здесь развернутые цитаты. Достаточно сказать, что Валент, увидев короля, маркграфа и свиту, спустился по ступенькам крыльца вниз, поклонился с достоинством (ухитрившись исподтишка подмигнуть мне, как старому знакомцу) и произнес обычную для мага приветственную фразу:

— Рад приветствовать светских владык в моем скромном доме. Прошу пожаловать, достойные месьеры! Стол накрыт!

Краем глаза я заметил, что Джигг, самый уникальный камердинер нашего мира, спешил первым и решительно зашагал в сторону при-

стройки, наверняка являвшейся кухней. Решил сам проверить, что будет подано на обед высоким особам...

* * *

Мы познакомились с Валентом три года тому, в самом конце весны 1293 года, когда король Конан позволил гильдии Равновесия собрать конклав в Тарантии. Для многих людей, хорошо знавших киммерийца, этот его поступок мог бы показаться странным — король не то, чтобы не любил магию, скорее не одобрял. Между прочим, у многих варварских народов, в том числе и у киммерийцев, колдовство считается занятием «нечистым» — вспомним, что нордлинги вынуждают своих ведьм и колдунов жить отшельниками, отдельно от остальных людей. Однако Конан, благодаря не раз оказывавшему серьезную помощь Аквилонии и нашим друзьям волшебнику Тотланту из Пограничья, был расположен к равновесникам.

Так совпало, что тарантийский конклав случился как раз в те злосчастные дни, когда мы с Тотлантом «выдумали» так называемый «Клад Нифлунгов». Эта длинная и весьма поучительная история описана мною в отдельном сочинении, пересказывать здесь я ее не стану, но напомним, что за этим кладом началась весьма оживленная охота, как со стороны короля, жаждавшего пополнить отощавшую казну, так и со стороны различных проходимцев, решивших прибрать к ру-

кам сокровища Царя Тразариха. Дело дошло до того, что эти мерзавцы наняли черного мага, который устроил пожар в дворцовом книгохранилище и моих личных покоях. Не окажись рядом Валента и Тотланта, вовремя погасивших колдовской огонь, от моей обожаемой библиотеки остался бы пепел, а мне самому осталось бы пойти в дворцовый парк и удушиться на первом же суку, поскольку книгохранилище составляет весь смысл моей жизни.

После этого неприятного происшествия Конан обоим волшебникам навесил по ордену «Диск Митры» и Валент вошел в число наших друзей. Кстати, именно тогда он и встретился с Ройлом, едва не погибшем во время упомянутого пожара. Но я и не подозревал, что маркграф переманил аргосского мага к себе на службу.

Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Любому магику необходим богатый покровитель, да и гильдия Равновесия была сравнительно бедна, не идя ни в какое сравнение с Черным Кругом Стигии или орденом Золотого Лотоса, которые копили свои сокровища веками. Тотлант служит придворным магом у владыки захудалого Пограничья Эрхарда, так почему бы Валенту не принять покровительство куда более могущественного аквилонского маркграфа? Тем более, что Ройл может предложить волшебнику весьма интересную работу — покопаться в развалинах *того самого* Пифона!

Мы расположились в обширном доме Валента, который одновременно был и его резиденцией, и

магической лабораторией. Жил аргосец скромно — никаких величественных апартаментов, никаких големов или иных волшебных существ в обрамленных мечами у входа и прочих пошлых атрибутов обиталища знаменитого колдуна здесь не наблюдалось. Обычный деревенский дом.

— Ничего не скажу, время вы провели довольно весело, — покивал Валент после долгого рассказа Конана и Ройла о недавних приключениях. — Жаль, меня вчера в замке не было, хотелось бы увидеть все случившееся своими глазами.

— Слово «весело» друг мой, здесь едва ли применимо, — нахмурился маркграф. — Я потерял два десятка своих гвардейцев, отряд Конана тоже оказался перебит... И я не считаю, что ревенант попался на пути короля случайно.

— Случайностей в этом мире вообще не бывает, ваша светлость, — развел руками Валент. — Давайте сочтем данностью то, что Черное Солнце начало охоту за Книгой Душ и жаждет заполучить ее, используя любые доступные средства. Возможно, маги Черного Солнца нарочно подстроили встречу короля и месьора Гвайнарда с носителем проклятия ревенанта — знали, что Конан или кто-нибудь из его свиты убьет этого самого разбойника Сайруса, и тогда ревенант устранит всех возможных претендентов на книгу... Хотя, я могу и ошибаться — на месте руководителей секты фатаренов я бы никогда не допустил, чтобы данный план попал в руки чужаков!

Валент хлопнул ладонью по расстеленной на

столе карте, которую мы отыскиали среди вещей убитого грабителя.

— Так в чем смысл? — поинтересовался киммериец, рассматривая план. — Что здесь обозначено? Местонахождение кхарийских кладов?

— У тебя только кладами башка забита, скаред, — проворчала Дженна. — месьор Валент, тут действительно указано нечто важное?

— Да, моя королева... Карта дает представление о расположении древних гробниц, на которых лежат проклятия или которые охраняются демонами. Есть указания на важнейшие храмы Кхарии. Подданные Ахерона были недобрым народом, черная магия являлась для них обычным способом для достижения своих целей, так что на этих развалинах может доселе покоиться *Нечто*... Вот смотрите — эти иероглифы складываются в слово «Пиррофлагалон». Никогда не слыхали, что это такое?

— Нет, — отрекся киммериец. — Но судя по этому чудовищному созвучию, ничего хорошего от этого Пирго... Пира... в общем, от этой штуки ждать не приходится.

— Верно, не приходится, — сказал Валент. — Пиррофлагалон — это город-храм, не менее грандиозное сооружение, чем город-дворец, который мы с месьором Ройлом ныне пытаемся изучать. Судя по расположению гор и речных русел, он находился примерно в сорока лигах к Полночному восходу от нынешнего Галларана, почти на границе великих герцогств Тауран и Гандерланд, на берегу Ширки. Не углубляясь в подробности

религиозной жизни кхарийцев, скажу, что они почитали целое сонмище темных божеств, среди которых хорошо знакомый всем нам Сет-Змеенот был только одним из равных. Пиррофлагалон являлся средоточием Тьмы, главным центром почитания богов Черной Бездны. Уверен, если кто-нибудь начнет разыскания в тех местах, то проснется древняя нечисть, пока надежно захороненная под толстым слоем земли. И тогда серьезных неприятностей нам не миновать.

— Значит, «Нечто»? — повторил Конан слово, недавно произнесенное Валентом, причем маг сказал его таким зловещим тоном, что у меня мурашки вдоль хребта забегали. — Что именно? Демоны?

— Демоны — это еще полбеды, — поморщился волшебник. — Давайте мыслить шире, ваше величество. Демоны есть лишь частные проявления действия древней магии Ахерона. Никто никогда не задавался вопросом, что произойдет, если несколько таких вот частных проявления объединятся в целое? И потом, откуда мы знаем, каким образом прекратился магический шторм, разрушивший половину материка? У меня есть некоторые основания полагать, что грандиозная Буря Перемен, буйство неконтролируемой черной магии, прекратилась не сама, а была намеренно остановлена. А еще точнее — *приостановлена*. На время.

— Кем? — подался вперед Ройл.

— Совершить такое человеку не по силам. Темные боги ведь тоже не дураки, у них есть чет-

ко установленная цель: порядок. Давайте отбросим вульгарные домыслы о том, что главным желанием Зла является хаос. Первородной Тьме требуется не хаос, а именно порядок. Только свой собственный. Весьма отличный от нашего представления о порядке. Так вот: когда владыки Бездны поняли, что колдовской шторм приведет как раз к полному уничтожению верной своим богами империи Ахерона, они его могли остановить. Но было уже поздно — шторм не только не помог кхарийцам избавиться от нашествия варваров, но и до предела ослабил постаревшее государство чернокнижников. Последствия известны... А вот куда подевалась высвобожденная во время бури магия — никто не знает. Ничто не исчезает в никуда и не появляется ниоткуда. Понимаете?

— То есть, ты хочешь сказать, что Черное Солнце может как намеренно, так и по незнанию, вновь спустить с цепи Бурю Перемен, уничтожившую Кхарию? — медленно произнес Конан. — О нет, проще сразу заколоть себя кинжалом!

— Целиком и полностью согласен, — отозвался Валент. — Мы сможем бороться с новым магическим штормом только путем героического и массового самоубийства. Пока я высказал только предположения, но они вполне могут оказаться реальностью. Вот почему гильдия Ночной Стражи и конклав Равновесия крайне обеспокоены активностью Черного Солнца и попытками фатаренов поставить себе на службу забытую магию кхарийцев.

— Прямо какой-то мировой заговор... — буркнул Гвайнард.

— Заговор? — вздернул брови волшебник. — Нет, скорее потрясающая по своей масштабности глупость и фантастическое недомыслие адептов Черного Солнца. У руководителей секты совершенно другие планы — политическое влияние и материальное богатство. Магия — всего лишь способ достижения цели, Ройл должен был вам это объяснить. Они напоминают мне детишек, в руки которых попали сосуды с «зингарским огнем» и кремь с кресалом. Достаточно искры — и сами жадные злые дети стоят во всепоглощающем пламени, и всех остальных вынудят искать спасения от огня.

— Тогда надо понять, что делать в данной ситуации, — решительно заявил Конан. — И как бороться с этой напастью.

— Прежде всего — уничтожить Черное Солнце, — разумно сказала Дженна. — Выжечь каленым железом, добраться до тех, кто использует учение пророка Мэниха в своих целях и вздернуть на главной площади при большом стечении ликующего народа. Полностью истребить верхушку секты.

— Боюсь, нахрапом их не возьмешь, — скривился король. — Эпимитриус заповедовал нам веротерпимость к тем религиозным культам, которые не исповедуют Тьму. А к фатаренам не подкапывайся — «очищенный дух», светлая душа и прочий бред уже владеют многими умами. С виду — все благостно, никакого поклонения Злу.

Так что торжественная казнь на главной площади отменяется. Придется действовать более тонко.

— Если эта изящная метафора скрывает под собой долгую работу тайной службы по раскрытию изнанки секты и подготовку одномоментного и могучего удара по вождям фатаренов, то я не могу не согласиться с вашим величеством, — с самым серьезным видом проговорил Ройл. — А пока нам следует всеми возможными способами оградить наследие Кхарии от загребущих лап Черного Солнца.

— Одно меня смущает... — пожевав губами, сказал Валент. — Откуда они проникли о Книге Душ? Прошу прощения за каламбур, но о ней не знала ни одна живая душа, кроме меня, Ройла и нескольких Хранителей Ночной Стражи. Значит, кто-то либо проговорился, либо среди нас есть изменник.

— Когда я вернусь в Бельверус, чтобы отдать книгу Хранителям, мы попробуем выяснить, кто мог сообщить о ней Черному Солнцу, — нахмурился Гвайнард. — В любом случае, теперь нам придется быть очень осторожными.

— Согласен, — вздохнул маркграф. — Кстати, Валент, в последние дни в Новом Пифоне не происходило ничего необычного? Я понимаю, что дороги в долину Пифона перекрыты моей гвардией, но за всеми тропками не уследишь.

— Не припоминаю, — пожал плечами маг. — Хотя... Точно, была одна странность! Когда гонец последний раз доставлял мне из Ройла письма,

среди депеш от прочих волшебников конклава и моих друзей попало довольно любопытное послание! Да вот оно, сейчас прочту!

Валент порывлся в горке свитков, валявшихся на обширном столе, вытянул один из пергаментов и начал читать вслух:

— Так, начало неинтересное, обычное куртуазное вступление. Вот, нашел: «...Выражая искреннее восхищение вашей деятельностью на посту главы ордена магов Равновесия и вашими изысканиями в области древнейшей истории, не могу не отметить, что Валент Мессантийский мог бы принести значительно больше пользы и обрести великую славу трудясь не в дремучем захолустье, а в одной из блистательных столиц Заката». Дальше меня долго и нудно уговаривают покинуть Ройл, обещая золотые горы и доступ к любым документам бельверусского книгохранилища.

— Кем подписано? — подался вперед Конан.

— Герцог Амори Ибелен-младший.

— Знаю таких, — кивнул Ройл. — Семейство коринфских герцогов Ибеленов, весьма почтенная и древняя семья. Кажется, отец этого Амори одно время был Великим протектором Заморы. Валент, позволь взглянуть на письмо... Благодарю. Нет, ничего подозрительного, печать подлинная.

— Меня настораживает то, что Амори живет в Коринфии, и в то же время обещает доступ в самую знаменитую библиотеку материка — королевское книжное хранилище Бельверуса, куда пускают только с разрешения монарха или канц-

лера, — проворчал Валент. — Все в этой истории как-то увязано на Бельверус. Хотя предложение перейти на службу к герцогу само по себе подозрительным быть не может и совершенно никак не доказывает его связи с Черным Солнцем.

— Я постараюсь проверить через барона Гленнора, что представляет из себя этот Амори, — подал голос киммериец. — Между прочим, месьюры, вам не кажется, что мы засиделись в душном помещении? Валент, мне не терпится взглянуть на развалины Пифона. Покажешь?

— Идемте, — пожал плечами маг. — Хотя ничего интересного вы там не увидите — обычная груда оплавленных камней. Мы очистили от земли не более одной пятидесятой части города-дворца, на большее не хватает сил, да и приходится быть максимально осторожными — мало ли на какую гадость наткнешься?

— И все-таки мне надо посмотреть, — сказал Конан. — Хочу сам убедиться, что Пифон мертв и никогда не воспрянет...

Заключение

Граница дозволенного

15 день первой осенней луны 1296 г.
Тарантия, замок короны

Вас просят явиться в Белую гостиную, господин барон.

— Спасибо, Джигг. Передайте, что я непременно буду спустя квадранс-полтора.

— Его величество в весьма недвусмысленной форме выразили желание встретиться с вами незамедлительно.

— И что ему неймется, а? В конце концов, у меня тоже есть дела, не менее важные, чем у Конана.

— Насколько я понял, речь идет о Малом государственном совете.

— Хорошо, хорошо, сейчас допишу несколько строк и пойду!

— Не смею больше настаивать, господин барон.

Из весьма быстро закончившегося путешествия по аквилонским провинциям я привез две драгоценные вещи — новые сведения, которыми можно было обогатить летопись, и камердинера по имени Джигг. Представления не имею, почему маркграф Ройл с такой легкостью позволил Джиггу отправиться со мной в Тарантию. Такого слугу я бы не месте Ройла не отпустил даже за все золото мира, но его светлость, уловив мой тяжеловесный намек (я прямо сказал о том, что хорошей прислуги сейчас в столице не отыскать, а месьор Джигг — сущее золото во плоти), только пожал плечами и ответил, что если камердинер согласится с моим предложением, то я могу невозбранно взять его на службу.

Воображаю, каким сюрпризом для моей супруги Цинции, будет появление в доме человека, который неким чудесным способом заранее узнает о желаниях своих господ, почти в буквальном смысле способен читать мысли и не идет ни в какое сравнение с привычной замковой прислужкой, явно полагающей, что не она существует для высших дворян королевства, а монарший двор создан специально для ее развлечений и обогащения.

Хотелось бы узнать, с чего вдруг Конан неожиданно решил собрать Малый совет, в который входят только самые доверенные лица, включая вице-короля Просперо (который, кстати, доселе не отделался от титула наследника трона, поскольку у Дженны пока нет детей), а так же канцлера, начальника Тайной службы,

верховного казначея и еще нескольких важных персон, наподобие вашего покорнейшего и нижайшего слуги.

Поскольку Малый совет является мероприятием совершенно неофициальным, я решил не переодеваться в более торжественные одежды и навешивать тяжеленную орденскую цепь Большого Льва. Однако, возникла трудность — Джигг, полагаящий, что являться на королевский прием в закапанном чернилами и слегка потертом колете будет неприлично, уже приготовил для меня приличествующую случаю сбрую. Придется совершить обходной маневр, и выйти к ведущей вниз лестнице не через двери моих апартаментов, а через запасной выход, имеющийся в книгохранилище.

Так я и сделал, оставив Джигга с носом — иногда он становится невероятным занудой, причем его занудство выражается в полном и безусловном требовании ко мне блюсти все правила дворянской чести и куртуазного обхождения, пусть они касаются даже не имеющих никакой важности предметов одежды. Миновав устроенную камердинером засаду, я направился не к главной, а боковой лестнице, спустился на второй этаж замка и кивнул начальнику караула «Черных Драконов», оберегавших личные покои короля — меня всегда пропускали беспрепятственно.

Вот и Белая гостиная. Раззолоченный холуй из камер-лакеев распахнул передо мной двери и я очутился в прелестной комнате, которую очень

любят Конан и Зенобия — мрамор, вся мебель и обивка стен выполнены в светлых или жемчужных тонах разных оттенков, тихо журчит фонтанчик с золотыми рыбками, тихо гудит огромный камин.

Вот интересно: обычным украшением Малого совета является долговязая фигура барона Гленнора, который, будто нарочно, не участвует в обсуждении судеб страны, а придвигает кресло поближе к огню, накрывается пледом и демонстративно дремлет, пока все остальные дерут глотки. На сей раз его тайная милость присоединился к общему диспуту, устроившись за овальным столом по левую руку от самого Конана.

Да и состав совета сегодня необычен. Я не заметил Публио и казначея Ришильди, зато явился старик Хродомер, верховный жрец Митры и настоятель самого главного митрианского святилища Аквилонии, храма Возрожденного Солнца, чей гигантский белоснежный купол является одной из самых восхитительных достопримечательностей Тарантии.

Гленнор явился со свитой в составе одного человека, зато какого! Граф Эган Кертис, начальник стола безопасности королевства и первый помощник главы Латераны — с виду вполне милый молодой человек, но, как утверждают знающие люди, если положишь ему палец в рот, откусит руку по самое плечо. Я этому верю, поскольку лично записывал воспоминания Кертиса, посвященные перевороту 1288 года и знаю, на что способен этот талантливый выдвиженец барона

Гленнора, который наверняка однажды сменит его на посту повелителя всех аквилонских конфиденстов.

— Хальк, садись где-нибудь, — Конан махнул мне рукой. — И слушай очень-очень внимательно!

— Да что случилось-то? — не на шутку обеспокоился я. — Новая Полуночная Гроза надвигается?

— В какой-то мере, — усмехнулся в ответ Гленнор. — Вы барон, припоздали, дурно относитесь к своим обязанностям.

— Моя вотчина — библиотека, — огрызнулся я. — И в отличие от Аквилонии, за благополучием которой вы обязаны следить, в книжном хранилище нет крыс.

— Предлагаете мне бросить службу и овладеть ремеслом крысолова? — невинно поинтересовался Гленнор, поднимая бровь.

— Это метафора такая!

— А ну прекратите! — киммериец хлопнул ладонью по столу. — Вы бы еще подрались! Стыдно, месьоры! А тебе, Хальк, я передал приглашение незамедлительно придти на совет уже два квадранса назад. В общем, Гленнор раскопал кое-что о Черном Солнце. Оказывается, это очень серьезные ребята....

— Его величество в целом верно отразил положение вещей, — меланхолично сказал барон. — Признаться, я не упомянул случая, чтобы новое и популярное среди народа религиозное течение использовалось в столь неблагоприятных целях. Мы

не смогли отыскать упоминания о похожих случаях ни в одном из документов архива Латераны, как ни старались. Напомню, что у нас хранятся пергаменты, повествующие о неприглядных сторонах истории большинства стран Заката за последние восемь столетий. Случай, безусловно, уникальный.

— А если подробнее? — спросил Просперо Пуантенский, наш блистательный вице-король. — Мы действительно столкнулись с крупным заговором?

— Можно сказать и так, — кивнул Гленнор. — Только вся необычайность этого заговора состоит в том, что его участники не собираются устранять королей или устраивать военные перевороты, чтобы возвести на престол своих ставленников. Кроме того, Черное Солнце объединяет в себе как минимум три враждующие между собой группировки, каждая из которых втихомолку враждует с остальными — ну чисто голодные крысы в банке. Давайте расскажу, что мне удалось выяснить...

Из повествования Гленнора я понял, что догадки Ройла о некоем сообществе людей, желающих быстро и гарантированно обогатиться за счет нового религиозного учения, почти подтверждаются. Разве что дело оказалось куда более сложным.

В чью голову пришла гениальная идея осрамить перед всем миром зажавшиеся митрианские монастыри и хапуг-жрецов, было неизвестно, но плоды эта светлая мысль принесла незамедли-

тельно. Вероятно, сначала распространители учения пророка Мэниха и в мыслях не держали, что их проповеди станут первым камнем в фундаменте обширной и уже весьма влиятельной секты — по сведениям Гленнора, эти люди и впрямь придерживались правил бедности, отвергали порожденные злом материальные сокровища и провозглашали чистоту духа человеческого. Но кто-то очень умный и очень безнравственный решил поиграть на противоречиях в философии и быстро превратил скромное и ничем не выдающееся среди прочих культов бедности учение в настоящего монстра.

— Сейчас в Аквилонии открыто уже тридцать два храма «Очищенного духа», — излагал глава Латераны. — Из них четыре тайных. Можно добавить, что для имеющих высшее посвящение адептов существуют пока не разысканные нами капища, где, предположительно, имеют место обряды не имеющие никакого отношения к благонравию и закону... Добавим сюда проповеди, в которых как простецов, так и дворян призывают к отказу от материальных благ. Например платить подати — грешно, поскольку ты этим поддерживаешь высшее воплощение материального зла, государство. Гораздо лучше отдать свое золотишко в храм, причем все, без остатка.

— Значит, подати — грех, а мзда священникам фатаренов — благо? — не понял Конан. — Они противоречат сами себе!

— Ничего подобного! Жрецы фатаренов утверждают, что деньги они используют лишь для то-

го, чтобы донести свое слово до каждого заблудшего, чтобы открывать новые храмы, которые осветят поработанным плотью людям путь к бесплотному миру добра. И, как ни странно, им верят — в некоторых областях Немедии, да отчасти и у нас, началось какое-то массовое безумие. Появились толпы нищих, которыми руководят жрецы фатаренов, так называемые «Совершенные», причем не только сиволопное мужичье, но и некоторые благородные, добровольно отказываются от имущества, надевают рубище и идут бродяжничать, искать «Свет». А вот куда исчезают деньги, унаследованные Черным Солнцем от обманутых людей — я пока не знаю.

— А что за группировки существуют внутри секты? — напомнил Просперо.

— Учение фатаренов привлекло к себе, во-первых, нечистых на руку личностей, желающих обогатиться — этим скотам плевать на философию и прочие умствования. Их бог — золото. Такие встречались всегда и во все времена, ничего интересного. Во-вторых, к фатаренам, будто тараканы на кухню, начали сбегаться черные маги всех мастей — им понравился постулат о том, что душа безгрешна, и только по велению тела может творить все, что возблагорассудится. Упомянутые дельцы, моментально поняли выгоды сотрудничества с колдунами — магия расширяет их возможности вытягивать золото из подданных Закатных стран. И последняя, третья сила — высшие дворяне, недополучившие свою долю власти и влияния. Им тоже малоинтересны бре-

довые выкладки о духе и плоти, тьме и свете, но использовать учение Мэниха в своих интересах они не брезгают. Таким образом получается, что «торгаши» не могут существовать и проворачивать свои делишки без помощи «политиков», те и другие нуждаются в магии, как средстве запугивания и дополнительной силе, а «колдуны» не способны развернуться во всей красе без золота первых и поддержки вторых. Как я уже сказал — перед нами три крысы с совершенно различными интересами и чаяниями, но до поры, до времени они вынуждены трудиться вместе.

— Черное Солнце — прямая угроза государству, всему тысячелетнему укладу жизни, — добавил граф Кертис. — Они уже не могут остановиться, перешли грань, лавина сорвалась. Первые почувствовали вкус к огромным деньгам, другие могут сравнительно безнаказанно использовать запретное колдовство, третьим явился призрак власти. Кстати, мы уверены, что к партии дворянства, входящей в Черное Солнце, принадлежит вызвавший подозрения у Валента Мессантийского герцог Амори Ибелен из Коринфии. Он давно бредит собственным королевством, а Коринфия ныне является протекторатом Трона Дракона. Поскольку престол Бельверуса ослаблен недавней войной за Алый Камень Каримэнона, желание Ибелена восстановить Коринфский трон и самому усесться на него в определенной мере выполнимы.

— ...А это означает новый передел сфер влияния, нарушение равновесия в торговле, возмож-

ную войну с немедийцам, возмущение в заморийском протекторате, который тоже ничуть не против освободиться от влияния Трона Дракона и полную сумятицу, умиротворить которую будет крайне сложно, — закончил Гленнор.

— Ну что ж, если у нас тут совет, давайте советоваться: что будем предпринимать, — помолчав, сказал Конан. — Оставлять фатаренов в покое я не собираюсь — они уже много крови мне попортили.

— Есть одно предложение, — Гленнор посмотрел в потолок и пожевал губами. — Для начала — никаких репрессий, секта немедленно превратится в «гонимую» и завоюет еще большие симпатии. Будем осторожными, понаблюдаем, разузнаем о них как можно больше, а затем... Затем попытаемся взорвать Черное Солнце изнутри. Крысы в банке, понимаете? Они погубят сами себя, подобно кхарийцам... Нам следует только слегка их подтолкнуть!

* * *

Я вернулся с Малого совета ближе к полуночи, когда снаружи совсем стемнело, а по всему замку зажгли факела и масляные фонарики, развешенные в коридорах. Джигг посмотрел на меня неодобрительно, а у самого входа в принадлежащие мне комнаты демонстративно висел парадный колет с золотым шитьем по вороту и рукавам.

— Сейчас не до красот, Джигг, — проворчал я. — Дело серьезное...

— Вот как, господин барон?
— Похоже, мы втянулись в серьезную войну с Черным Солнцем.
— Вот как, господин барон?
— Что вы заладили, «вот как, вот как»... Что с ужином?

— На столе, господин барон. Я предполагал, что вы вернетесь именно в это время.

— Никто не заходил?

— Только сокольничий его королевского величества с двумя спешными сообщениями, доставленными лично для вашей милости соколиной почтой нынче вечером.

Я быстро прошел в свой кабинет. К сожалению во время пожара, устроенного три с лишним года назад в библиотеке и моем скромном обиталище, сгорела большая часть старых вещей, коллекции и некоторые не особо ценные рукописи. У меня хватило ума спрятать как «Синюю Хронику», так и большую часть прочих сочинений в тайнике, а потому они не пострадали — не знаю что б со мной случилось, если бы главнейшие труды жизни погибли в пламени, одна только «незаконная летопись» чего стоит!

После пожара канцлер (получивший изрядный втык от Конана за скупость и нерадение) неслыханно расщедрился, комнаты отремонтировали, купили лучшую мебель и присоединили к ним еще два обширных помещения по соседству, в которых я теперь содержу личную библиотеку и архив. Расположение прочих комнат осталось прежним — кабинет, спальня (теперь уже на хо-

лостяцкая, а супружеская, хотя моя дорогая Цинция доселе отдыхает на Полуденном побережье), приемная (она же столовая) и комната для прислуги, которая раньше была забита всяким хламом, а теперь стала местообитанием Джигга.

Точно, камердинер не соврал, да и врать он, по-моему, не умеет. На столе в кабинете лежат два маленьких, почти невесомых серебряных тубуса, которые цепляются к лапкам соколов. Я немедленно вскрыл первый и увидев тонкие бисерные буковки, выведенные знакомой рукой, вздохнул с облегчением:

«Хальк, я немедленно выезжаю из Вольфгарда в Тарантию. Не будешь возражать, если я возьму с собой Веллана? Он хочет навестить Аквилонию. Жди через две седмицы. Тотлант».

Отлично! Просто замечательно! О лучшем и мечтать было нельзя! Я нарочно пригласил Тотланта, чтобы он помог нам разобраться в сложившейся ситуации. Правда, я скрыл это от Конана, но варвар не станет возражать, ибо наш придворный волшебник Озимандия Темрийский совсем стар и не сможет действовать так, как решительный и легкий на подъем Тотлант Стигиец, прошедший вместе с нами через множество испытаний. Правда, его депешу несколько омрачает известие о прибытии Веллана, сына Арта, человека (вернее, оборотня) симпатичного и неплохого, но одновременно с этим являющегося самым невероятным разгильдяем, какого видел белый свет. Впрочем, теперь нам и оборотень может пригодиться!

А что во втором послании?

«Месьор Хальк, рад приветствовать. Сим извещаю, что мы с Валентом благополучно добрались до Бельверуса и приступаем к действиям. Не удивляйся, если однажды после заката тебя навестит Рэльгонн. С непременным почтением — Гвайнард из Гандерланда».

Еще одна хорошая новость. Вместе с Гваем маркграф Ройл отправил к Хранителям гильдии очной Стражи своего придворного мага — вдвоем куда безопаснее, а кроме того, опытный охотник на монстров и грамотный образованный волшебник, далеко не обделенный магической силой и знаниями, представляют отличную взаимодополняющую боевую пару, которой не страшны никакие противники, будь они людьми или нечистью. Ройл посчитал, что Валент и Гвайнард благополучно переправят Книгу Душ Хранителям и не ошибся.

— Господин барон, осмелюсь напомнить, что ужин остывает, — прошелестел у меня за спиной Джигг. — Какое вино прикажете подать?..

Конец первого рассказа Халька

Хайборийский мир: Миф, легенда, история

Он оказался в колоссальных размеров зале с высоким сводчатым потолком, стены которого были покрыты изумительной резьбой, изображавшей пышные процессии крошечных фигур — бесконечная стремительная панорама, заполненная миллионами сражающихся людей. Чьи-то титанические усилия превратили холодные камни в великолепные гобелены, на которых с высоты птичьего полета отразилась история всего человечества, начиная от забытых дней до Катаклизма, когда Атлантида и Лемурия, Валузия и Грондар боролись за мировое господство; и даже раньше, когда сгорбленные косматые предки людей неуклюже пробирались сквозь джунгли. А над сражающимися рядами древних королей и героев неясно вырисовывались и другие фигуры — безобразные, нескладные и ужасные. Конану казалось, что в глубине своей души он имел представление об этих существах — древних Безымянных Тварях, господствовавших над заполненной звездами вселенной за много эонов до рождения Голамайры — Первого из Людей.

Л. Спрэг де Камп, А.Картер
«Конан Островитянин»

I. Время Легенд

Начиная повествование об истории Хайборийской Эры и о тысячелетиях, что были до прихода хайбо-

рийцев на арену Истории, нельзя не упомянуть о временах, предшествовавших появлению на Земле человека, о так называемом Времени Легенд. Человек явился в мир сравнительно недавно, его история довольно коротка в сравнении с историей тех, кто был до него. Разумеется, не стоит безоговорочно принимать на веру сведения о тех временах, ибо сведения эти туманны и противоречивы, и почерпнуты исключительно из древних мифов и легенд, а посему крайне сложно отделить правду от вымысла. Однако легенды не возникают на пустом месте. Хотя не осталось практически никаких материальных свидетельств тех времен, исключая разве что руины пораженных циклопических сооружений, можно все же предположить, что предания о дочеловеческих цивилизациях имеют под собой реальную основу, особенно, если учесть, что большинство легенд, несмотря на все противоречия, в чем-то сходны между собой.

Древняя Ночь или Эпоха Ктулхи

«В те дни, на Заре Времен, миром правил Черный Идол, ключник от ворот между мирами — кровавый бог Йог-Соттог, слуга великих Ктулхи...»

О таинственных существах, именуемых Ктулхи, не осталось никаких достоверных сведений, только смутные, искаженные временем предания. Это была странная раса, чуждая даже самым древним, темным порождениям Земли, так как, согласно мифам, Ктулхи явились в наш мир из запредельных пространств

за звездами. Они не имели настоящей физической оболочки, не подчинялись известным законам природы и располагали обширными познаниями и огромной мощью. Память об этих непостижимых созданиях не умерла даже после их ухода в иные пространства. Самым великим из Ктулхи поклонялись как богам Хаоса. Это на них намекают древние манускрипты, говоря о Демонах Древней Ночи. Отголоски этого жуткого культа прошли сквозь все эпохи, переживая даже чудовищные катаклизмы, не раз менявшие облик планеты.

Великие Древние, как еще именуют Ктулхи, оставались хозяевами мира на протяжении неисчислимого количества веков, однако, несмотря на все могущество, непостижимая цивилизация Ктулхи прекратила свое существование. Мифы вскользь упоминают о гневных Старших Богов, но что именно подразумевается под этими словами?

Так или иначе, но спустя века на их место пришла иная цивилизация — темная, нечеловеческая, но все же созданная расой существ, рожденных нашим миром.

Эпоха Наагов или Эра Драконов

«И была любимая Тьмой раса — люди-змеи. Они стали наиболее могущественными существами среди сонма чудовищ, ибо разумом намного превосходили остальных. Наделенные способностями к тайным наукам, они воздвигли империю, занимавшую почти весь мир. Империя та стала гнездилищем сил мрака и чудовищной некромантии...»

Нааги были древними властителями Земли, многочисленные легенды именуют их Змеиным Народом или же змеелюдми. Во времена, которые отделяет от нас неисчислимая тьма веков, во времена, когда мир всецело принадлежал рептилиям, зародилась эта таинственная раса. Считается, что разум их предкам был дарован великим божеством по имени Йиг, которого именуют так же Великим Змеем, Сетом и множеством других имен.

Змеиному Народу приписывают создание величайшей империи, основанной на алхимии и колдовских традициях. Утверждается, что змеелюди управляли тогда всем миром, центром же их империи была Валузия, плодородная земля в самом сердце первоматерика Пангеи.

Цивилизация Старой Валузии просуществовала многие тысячелетия, но пришло время, когда владычеству змеелюдей был положен конец. По какой-то причине змеелюди были вынуждены уйти под землю, спасаясь от неведомой угрозы. Это были дни, когда земля содрогалась от поступи Древних Драконов, гигантских ящеров, порожденных молодой Землей. Возможно ли, что именно эти гиганты и были той самой угрозой существованию цивилизации, ведь их тупая мощь не шла ни в какое сравнение с могучим интеллектом змеелюдей? Так или иначе, но именно этих давно вымерших ящеров считают причиной гибели первой империи Змеиного Народа. Вот что говорит об этом легенда, рассказывающая о временах, когда молодое человечество сражалось со старыми хозяевами Земли: «В борьбе со змеями люди избрали своим знаком и знаменем изображение летучего дракона, кры-

латого ящера, чудовище древних веков, которое было величайшим врагом змей...»

После гибели Старой Валузии, нааги затаились, ожидая, когда поверхность Земли перестанет быть враждебной. Многочисленные предания свидетельствуют, что не раз они еще пытались отвоевать свое право господствовать в нашем мире, но эпоха их безраздельного владычества на Земле ушла.

Эпоха Гондваны или Золотой Век

«То были времена королей-чародеев, времена, когда Атлантиды еще не было, но была империя Валков...»

После падения Древней Валузии, великой империи змеиного народа, прошли многие тысячелетия, прежде чем на земле вновь зародилась цивилизация. Сменялись эпохи, страшные катаклизмы не раз меняли очертания суши. Чудовищные ящеры, долгое время бывшие властителями мира, постепенно уступали свои позиции новым хозяевам: на смену Веку Драконов пришел Век Млекопитающих.

Основным источником сведений о дотурийских временах является Книга Скелоса, где кроме описания магических ритуалов и неясных пророчеств собраны и систематизированы легенды Старших Дней, во многом перекликающиеся с мифологией различных народов Хайборийской эпохи. Зачастую эти времена именуют также Золотым Веком, временем, когда боги ходили по земле. Древние тексты намекают, что люди той эпохи были рождены не землей, а яви-

лись со звезд. Это была великая эпоха Людей Гондваны — Валков, которых мифы именуют богами с ликами человеческими и Королей-Гигантов, их врагов.

В те времена существовало два сверхконтинента, образовавшихся после раскола древней Пангеи — южный, именуемый Землей Му или, иногда, Гондваной и северный, носящий в легендах название Древняя Гиперборея. Надо отметить, что материк Му был тогда куда более обширен, чем его осколок, известный в Турийскую и Хайборийскую эпохи. Гиперборейский же континент был, по-видимому, предшественником Турийского материка. В дальнейшем мы будем именовать его Северным континентом, так как его истинное название неизвестно, а имя ему дала страна, существовавшая на Крайнем Севере в Хайборийскую эпоху.

Цикл легенд, посвященный древнейшим временам той эпохи, рассказывает о цивилизации Северного континента, созданной так называемым Гиперборейским Человеком. Утверждается, что эти люди, опрокинув вновь нараставшую мощь древнего змеиного народа, создали великую культуру, строили города, развивали науку и искусство. Однако период существования этой культуры относят к временам столь отдаленным, что ее существование кажется сомнительным, ибо ранняя прачеловеческая цивилизация, возникшая на материке Му, отделена от нее сотнями тысячелетий, и именно людей Му считают первыми истинными предками современного человека. Более достоверными кажутся сведения, что Гиперборейский Человек имел очень отдаленное отношение к роду людскому, представители этой расы описываются как

крупные обезьяноподобные существа, обладающие лишь зачатками интеллекта. Разумеется, существование развитой цивилизации у этих созданий вряд ли было возможным. Подтверждением второй версии являются легенды о гигантских обезьянах, искони обитавших на далеком Севере Турийского материка. Можно вспомнить упоминания о покрытых шерстью существах, населявших Ледяные Пещеры Туле и намеки на то, что в жилах нордхеймцев Хайборийской Эры помимо человеческой текла также кровь рыжих полярных обезьян. Как бы там ни было, но культура Северного континента была уничтожена Холодом Итакуа — Великим Оледенением.

Ранняя человеческая цивилизация предположительно возникла на омывавшемся южными морями материке Му. Хотя легенды зачастую говорят о создателях той культуры как о людях, скорее всего они принадлежали к более древней, дочеловеческой расе. Их иногда еще называют Старшим Народом или расой богов. Современное человечество и другие младшие расы, родственные человеку, появились намного позднее, и являются или их прямыми потомками, или, как гласят предания, их созданиями. Легендарная цивилизация Старшего Народа существовала многие тысячи лет. За это время они заселили почти все известные тогда земли, их наука и ремесла поднимались до небывалых высот. Первоначально, видимо, единый народ, они за прошедшие тысячелетия разделились на несколько ветвей. В «Поэме о Ротате Лемурийском» есть упоминания о многих народах древности: батасы и гелдоры, валки и враммы, ками, джаггтанги и прочие. Тогда как многие из них не

оставили после себя ничего, кроме названия, Валки под разными именами прочно вошли в мифологию народов, пришедших им на смену. Величайшая империя Валков знала долгие века мира и процветания, пока среди Старшего Народа не произошел раскол, когда одна их часть соблазнилась темными, запретными знаниями Древнейших, тех, кто властвовал над миром задолго до них. Темные Валки вошли в легенды под такими именами как Вершители Зла и, позднее, Короли-Гиганты. Долгий конфликт между двумя ветвями Старшей расы завершился разрушительной войной, оставшейся в преданиях всех народов мира как Битва Богов, в тех или иных вариантах. В ходе той войны обе стороны использовали все свои невероятные знания, пускали в ход колоссальные силы. Некоторые сведения можно почерпнуть из легенды о битве с Вершителями Зла, где говорится, об исходе той ужасной войны. Правители обоих народов, Хранители Гондваны и Вершители, уничтожили друг друга, лишившись физических оболочек, что впрочем, не означало для них окончательную смерть, а освобожденные силы разрушения вызвали катаклизм, расколовший Гондвану на несколько частей. Из переживших катаклизм лишь немногие сохранили остатки прежних знаний, большинство же простого народа опустилось до варварского состояния. Человек и мифические младшие расы были потомками тех оставшихся в живых.

Заря Человечества

«Во времена, что предшествовали подъему Атлантиды из морской пучины, северная часть Турийского материка была куда обширнее и простиралась далеко на закат, люди составляли тогда единый народ, состоявший из многих племен, и говорили на одном языке...»

После катастрофы, что едва не уничтожила мир, начался новый виток истории. Очертания материков тогда были несколько иными, нежели в период, известный как Турийская эпоха. Срединный Континент, позже названный Турийским или Гирканским, с которым в основном связана вся дальнейшая история, был тогда более обширен, выдаваясь далеко в Западный океан. Согласно легендам, здесь до прихода истинного человека создали свою культуру народы, чьи знания были осколками мудрости древних Валков, коих они чтили в своих преданиях под несколько иным именем. Эти народы, существование которых, впрочем, можно подвергнуть сомнению, остались в людской памяти как альбы, именуемые иногда ольтами, дверги и другие. На Востоке существовал тогда Лемурийский материк и, к югу от него, континент Му — осколки древней Гондваны. Возможно, существовал также и безымянный Западный материк, но о нем не осталось никаких сведений. О народе Древней Лемурии существует большой цикл легенд, но изобилие поздних напластований не позволяет рассматривать его как полноценный исторический материал. По одним сведениям лемуры были людьми, по другим же дочеловеческим народом, позднее оказавшим

влияние на расовый облик людей Востока. Любопытно, что одно из легендарных племен лемуриков носило имя древних Валков, правда, в несколько искаженной форме.

Остается загадкой, где и как зародилось современное человечество, но постепенно люди, пробуждаясь от дикости, начали свое расселение по всему миру. Известно, что первые человеческие цивилизации начали свое становление на землях Му, на островах Западного Океана и, наконец, на Турийском материке. Не осталось практически никаких упоминаний о королевствах людей того времени, за исключением полузабытых преданий гойделов, далеких потомков первых народов Турии и смутных сведений о Первой Империи Атлантиды в Западном океане, период расцвета которой известен как эпоха Заилма Нуминоса.

Легендарная Битва Богов давно уже стала мифом, однако последствия той ужасной катастрофы давали о себе знать еще на протяжении многих столетий. Время от времени происходили локальные катаклизмы. Один из таких почти полностью опустошил острова Западного океана: гигантская волна смыла очаги островных культур, в том числе и блистательную империю Первой Атлантиды. А спустя столетия чудовищная судорога Земли породила новые очертания континентов. Обширные области Турии опустели на дно океана, от Древней Лемурии осталась лишь цепь больших островов. В других местах море отступало: затопленные участки Атлантиды вновь стали сушей.

Человечество вернулось к почти первобытному состоянию. Теперь люди, как тысячелетия назад, ряди-

лись в звериные шкуры и поклонялись диким силам природы. Великое прошлое было предано забвению, оставшись лишь в сказках и преданиях. Человеку первобытной Турии приходилось сталкиваться со многими трудностями, постоянно бороться за выживание. Не оправившись еще после великого потрясения, люди были почти поставлены на грань вымирания перед страшной угрозой с Востока. Этой угрозой были древние змеелюди. Загнанные некогда в самые глухие уголки мира, они тысячелетиями ждали своего часа, чтобы возродить былую мощь. В Древней Лемурии они предприняли свою первую попытку, но были побеждены детьми Новых Богов. Еще на долгие века им пришлось затаиться, но, наконец, для них настал благоприятный момент. Примитивные люди не смогли оказать достойного сопротивления захватчикам, обладавшим грозным оружием — знаниями, накопленными за неисчислимые тысячи лет. Придя в земли, что позже будут именоваться западной Турией, они вновь стали хозяевами на поверхности земли. Здесь змеиный народ основал свое новое королевство, назвав его Валузией, по имени древней земли из их легенд. Люди были вынуждены бежать в менее жестокие к ним земли, спасаясь от полного истребления. Но к несчастью для змеелюдей, эпоха рептилий давно прошла. Змеи могли угнетать примитивное по сравнению с ними человечество, но были малочисленны и отмечены признаками вырождения. Люди же будучи молодой расой, шли по пути неустанного развития. Вторая Империя змеелюдей Валузии просуществовала недолго в сравнении с их великой первой цивилизацией и была в конечном итоге сметена с лица земли.

Люди материка, позднее известные как газлы, а еще позднее гойделы, вновь начали подъем к вершинам цивилизации. В эпосе «Битва при Иокундиак», записанном немедийскими жрецами, в несколько иносказательной форме рассказывается о тех временах. Люди начали открывать для себя науки и ремесла, на смену поклонению первобытным зверобогам, искаженному пережитку древней веры в Джеббал Сага, бога жизни, пришла иная религия. Немедийские переписчики в качестве новых богов указывают братьев Митру и Аримана, но очевидно в раннем варианте легенды фигурировали боги-братья Великий Валка и Огненный Хотат, бывшие по видимому древними прообразами вышеупомянутых божеств. Вскоре на руинах прежних цивилизаций стали возникать варварские государства. Первым из них была Ва-Лузия, затем цивилизация начала свое распространение на Юг и Восток.

Так закончилось Время Легенд. Молодое человечество начало постепенное восхождение к своему величию. Люди стали полноправными владыками мира, Древние же, если когда и существовали в действительности, ушли, оставшись лишь в мифах, сказках и легендах.

II. Допотопные времена Турийская эра

«О той эпохе, которую немедийские хронисты называют допотопной, нам известно крайне мало, этот период времени скрыт вуалью легенд и

домыслов. Среди допотопных цивилизаций главенствовали королевства Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Туле и Коммория. Люди этих стран говорили на родственных языках и имели общее происхождение. Варварами той далекой эпохи были никты, атланты и лемурийцы...»

Начало новой эры было положено с приходом на историческую арену народов, известных под общим названием турийцы, по имени которых и была названа эпоха. Турийцы, корни которых предположительно теряются где-то на Востоке, постепенно захватили весь запад континента, получившего впоследствии название Турия. Первое государство, основанное ими, именовалось Турания. Постепенно продвигаясь на запад, турийцы ассимилировали местные племена, давая тем самым начало новым народам. Изначальные турийцы были невысокими людьми со светлой кожей и темными волосами, однако, вследствие смешения с покоренными древними народами, среди турийцев появились как племена светловолосых людей, так и смуглокожие, с узким разрезом глаз, потомки завоевателей и полукочевых племен с западного берега реки Стагос.

Спустя столетия на политической карте мира появляются новые могучие державы турийских народов. Кроме Турании были основаны Зарфхаана, Коммория, названная так в честь Коммориума, земли из древних турийских мифов, Верулия, а так же несколько мелких государств, многие из которых были впоследствии завоеваны более крупными соседями. Валузия теперь тоже управляется турийцами. Существовали также королевства, населенные народами,

что издревле обитали в этих землях — Фарсун и Камелия, по уровню развития не уступавшие Турании или же Валузии. Северные территории за горами Му получили от турийцев название Туле, в память о сказочном Му Тулане. Здесь обитали племена гойделов, народа некогда заселявшего большую часть западных земель. Гойделами и родственными им горскими народами было основано несколько государств. Они вели постоянные войны с враждебными племенами Фир Болг, а так же с варварскими племенами, жившими севернее, в ледяных пустошах. Земли же к западу от Стагоса получили имя Грондар. Здесь, спустя столетия, было основано мощное централизованное государство.

За пределами Турии зарождались силы, что спустя тысячелетия сыграют немаловажную роль в истории. В Западном океане лежал небольшой материк — Атлантида, где обитали дикие племена, едва знакомые с обработкой металлов. Ещё дальше на запад лежали острова, населенные народом пиктов, прозябавших в каменном веке. Низкорослые, смуглые пикты явились то ли с Островов Заката, то ли с таинственного континента, существовавшего, по слухам далеко на Западе. А далеко на востоке от Турии, пришельцы с туманного материка Му вторглись на Лемурийские острова, тесня древнюю получеловеческую расу лемуров. В дальнейшей истории лемурийцы (так теперь именовался этот народ) прославились как искусные мореплаватели и свирепые морские разбойники. Это были смуглые люди с раскосыми карими, а то и желтыми глазами, они создали странную, полуварварскую морскую культуру.

Следующие несколько столетий — период расцвета Валузии. Хрустальный Город, основанный на месте дотурийского поселения Бурунагр, стал центром огромной империи, провинциями которой стали Зарфхаана, Коммория и Верулия, а так же многие острова Западного океана. Затем, миновав пору своего расцвета, великая империя распалась. Провинции вновь обрели независимость, а в самой Валузии наступили времена, когда кратковременные подъемы государства чередовались с периодами глубочайшего застоя.

Спустя примерно пять веков после распада Валузийской империи, на западе Турии господствуют растерявшая былую славу, но все еще могучая Валузия, древняя Турания, Зарфхаана, Коммория, Верулия и Фарсун. В землях Туле гойделы создали мощное единое государство — Объединенное Королевство Рудрайге, заключившее союз и с варварами Севера. С могущественными Семью Королевствами соседствовали Камелия, пока еще полудикий Грондар, так называемые Малые Княжества, а так же земли, которые в истории не оставили ничего кроме названий: Муджария к юго-востоку от Турании, Кералия где-то на Севере и другие. К югу располагались мрачная Кхешия — религиозный центр приверженцев древнего культа Великого Змея, затерянная Харкулия, а так же таинственный, покрытый джунглями архипелаг Каа-у, населенный воинственными дикарями. Атлантида остается дикой страной, чьи племена, отрываясь от постоянных междоусобиц, совершают набеги на земли Турии и ведут извечную войну с пиктами и Лемурией Запада — большой колонией лемурийцев, захвативших северные острова, принадлежавшие некогда Ва-

лузийской империи. Дальний Восток Турии находится во владении таинственного народа кхари, с которым изредка контактируют лемурийские мореплаватели.

Об этом периоде сохранилось множество преданий, именно тогда на престол Валузии взошел легендарный Кулл, рожденный в варварской Атлантиде. Валузийское государство, управляемое Борной, последним монархом древней династии Эалала, было сильно ослаблено многочисленными завоевательными походами и внутренней смутой. В конечном итоге произошел дворцовый переворот, в результате которого корона Валузии перешла к Куллу-атланту, занимавшему высокий армейский пост. При короле Кулле страна вновь обрела былое величие. Кулл, разбив силы антивалузийского Тройственного Союза, надолго пресек попытки соседних держав захватить земли древней империи, а также в довольно короткий срок навел порядок в стране, проведя несколько государственных реформ. Эпоха правления короля Кулла также вошла в историю как период религиозных войн, прославившись массовыми гонениями приверженцев древнего культа Великого Змея, успешно конкурировавшего с культом общетурийского божества Валки. Было объявлено, что змеепоклонничество насаждается змеелюдьми, древним народом из старых жутких легенд. Упорно распространялись слухи, что змеи живут среди людей, пряча свой истинный облик за масками жрецов Змея, что одряхлевший древний народ в катакомбах своих храмов пытается вывести новую расу господ — полулюдей-полузмей, которая должна будет вытеснить человечество. Неся знамя борьбы с врагами рода человеческого, союзная армия

турийских империй разгромила оплоты древней религии — Кхешию и таинственные королевства Востока.

Тем временем в мире назревали некоторые перемены. На островах пиктов стали появляться молодые варварские государства. В западной части Атлантиды также возникло королевство, давшее начало периоду славы народа атлантов. Кроме того, атлантами была основана колония в горах на южных рубежах Туле, а неподалеку от южного побережья Валузии находилась колония пиктов, ставших союзниками этой могучей державы.

Следующим этапом в истории стала эпоха расцвета Атлантиды, память о которой осталась в веках.

Эпоха Атлантиды

«Древние атланты, были когда-то дики и свирепы, но спустя века поднялись до таких высот, что могли летать по воздуху без всякой магии и возомнили себя равными богам...»

Молодое королевство атлантов, основанное во времена Кулла Валузийского, всего за каких-то несколько веков поднялось в развитии до небывалых высот. Учеными-жрецами Эанна, божественного морского зверя, были накоплены колоссальные знания и сделано множество грандиозных открытий. Научные познания атлантов позволили им овладеть таинственной энергией, именуемой врил, которая была движущей силой их летающих кораблей и служила основой Небесного Огня — оружия чудовищной разрушительной мощи. Атлантиду называли в те времена Золотой

Империей или Землей Семи Городов. Многие поколения императоров правили островом-континентом из Города Золотых Ворот, формально управляя и многочисленными племенами тех своих сородичей, что так и не оставили варварского образа жизни. Такими же варварами, что и столетия назад, остались и атланты-колонисты в землях Турии.

Тем временем по западным землям Турийского материка маршировали Железные Легионы императора Каа-Язота, мечтавшего объединить в единую империю все Семь Королевств. Правда новая империя быстро распалась после смерти завоевателя, а бывшие провинции охватили войны. Сам Каа-Язот вошел в историю как безжалостный тиран, и именно он, скорее всего, был позже известен как легендарный король Калениус.

В охваченных смутой королевствах Турии все большую популярность начал набирать когда-то запрещенный культ Великого Змея. По всей Турии открывались всё новые храмы в честь древнего божества. Эмиссары культа проникли также в Атлантиду, где их проповеди были восприняты с живым интересом. Жившие в своих огромных городах и познавшие все блага технического прогресса, атланты испытывали глубокий духовный кризис, а потому учение Отца Змея нашло здесь благодатную почву. Кроме того, по Семи Городам быстро расплодилось ставшие модными секты, где исповедовались запретные демонические культы. Вскоре эти секты превратились во влиятельные политические группировки, влиятельные настолько, что пытавшийся хоть как-то противостоять жрецам Белый Император был изгнан из Атлантиды,

а на трон Золотой Империи посажен король-марионетка Теватата.

Турию продолжали раздирать кровопролитные войны. За мировое господство сражались Верулия и Грондар, Туле и Валузия, ставшая в те времена мировым центром змеиного культа. Легенды, рассказывающие о Валузии периода заката допотопной эпохи, часто именуют ее страной змей, а последний известный правитель Валузии Цеедор Зера имеет в этих легендах характерные черты мифических наагов. В свою очередь, всем этим древним державам успешно противостояло разросшееся континентальное государство атлантов. Колонисты, будучи полуварварами, обладали, тем не менее, огромной военной мощью и славились как свирепые воины.

Хаос, охвативший мир, усугубили первые признаки того, что войдет позже в историю как Великая Катастрофа. О причинах катаклизма ведется много споров, говорится и о гневe Богов, и о губительных последствиях Небесного Огня атлантов, и о хвостатой звезде, упавшей в землях за островами пиктов. Как бы там ни было, Великая Катастрофа послужила причиной гибели Атлантиды и Семи Империй Турии.

III. История Хайборни Катаклизм и Темные Века

«И поглотили воды морей Атлантиду и Лемурию и великолепные грады, и многие народы скатились в бездну варварства...»

Великая Катастрофа, послужившая точкой отсче-

та исторических времен, постепенно изменила лицо земли. Среди людей воцарился хаос. Океан наступал на западное побережье Турии, реки меняли свои русла, целые острова опускались на дно, чудовищные землетрясения повергали в руины чудесные города Атлантиды и гордые башни Лемурии. Целые народы Турии, спасаясь от буйства стихий, двинулись в глубь континента, встречая отпор населения этих земель. Паника, охватившая острова пиктов, заставила их обитателей искать спасения на материке. Одни племена достигли таинственных западных земель, небольшая часть обосновалась на довольно большом острове, недалеко от побережья Турии. Там они смешались со странным народом изгоев со всего света. Народ этот имел культуру, восходящую к традициям Туле и именовался древним именем Фир Болг. Впрочем, в дальнейшей истории были известны лишь те пиктские народы, кто во главе с предводителями Кол Эриксом и Сем Итхом, достигли берегов Турии, захватив довольно обширные земли. Народы Атлантиды также спешно покидали свой гибнущий континент. Высадившись на Туранском материке, атланты, освободившиеся от власти жрецов, встретили яростное сопротивление пиктов, а также своих бывших сородичей, обитавших на этих землях. Многие искали убежища на южной оконечности Турии, как воспоминание о них осталось государство Атлайя. Небольшая группа беглецов, волею разбушевавшейся стихии, достигла осколков некогда обширного материка Му. Высшее жречество Атлантиды, захватив с собой большое количество рабов, отправилось на своих летательных аппаратах на запад. Высадившись на архипе-

лаге, состоявшем из семи крупных островов, они поработили местное население и основали здесь новое государство по образцу старой теократии — Антилию, Третью Империю Атлантиды.

Наконец последняя, самая сильная судорога Земли породила новые очертания материков. Атлантида ушла на дно океана, оставив после себя лишь воспоминания. Всего несколько клочков суши посреди водных просторов осталось от некогда огромной Лемурии. Безымянный западный континент, напротив, отвоевал у океана обширные области. Многие острова поднялись из пучины, став новыми горными цепями. Теперь это было два огромных материка, соединенных узким участком суши. Народы, что спустя века заселили Северный материк, были в основном потомками пиктов или родственных им народов. Были также племена, утверждавшие, что их предки пришли из Атцлана, то есть из Атлантиды. Южная же часть была впоследствии заселена потомками местных племен и беженцев из погибшей Лемурии. Позже этот народ, именовавший себя толтеками, основал могучую империю. Судьба тех лемурийцев, что отправились искать спасения на восточной оконечности Турии, сложилась не так удачно. На многие столетия они попали в рабство к издревле жившему здесь народу кхари.

Но вернемся на запад Турийского материка. Великая Катастрофа сильно изменила очертания суши. Своенравное Море, узким проливом отделявшее земли Севера от Юга, отступило далеко в Западный океан. Небольшой, покрытый джунглями безымянный континент, называемый иногда Каа-у, в честь островов к западу от него, теперь составлял единое целое с

материком. На месте мелкого моря, отделявшего его от большой земли, образовалась пустыня. Менялся и климат. Разбуженные вулканы стали причиной бесконечной зимы, длившейся несколько лет. Это произошло из-за надолго повисших в воздухе облаков пыли. Затем мир стал стремительно нагреваться, несколько столетий климат Турии был очень теплым.

На руинах древнего мира в первые столетия после катаклизма существовали лишь молодые варварские государства пиктов и атлантов, покоривших и ассимилировавших исконные турийские народы. Короткая история этих держав — это история непрерывных кровопролитных войн между двумя древними заклетыми врагами.

Пять столетий спустя были уничтожены последние остатки древней цивилизации: варварские державы, истощив друг друга в ходе непрекращающихся конфликтов, прекратили свое существование, а их народы были отброшены в каменный век. Атланты теперь рядились в звериные шкуры и сами мало чем отличались от животных. Их теперь уже малочисленные племена обитали в основном в горах, где некогда существовала их колония. Позже они будут именовать себя киммерийцами. По одной версии это название происходит от имени допотопного королевства Коммория, другие же исследователи утверждают, что это искаженное словосочетание «кимрах ак карнах», так пикты называли своих врагов атлантов. Сами же пикты многочисленными дикими кланами заселили широкую полосу непроходимых лесов, протянувшуюся с севера на юг вдоль западного побережья.

Разгром былой цивилизации был довершен так

называемой Малой Катастрофой. Там, где некогда простирался Грондар, и протекала великая река Стагос, проторившая себе новое русло, располагалась цепь озер. В этой стране вод, именовавшейся Вал Йета, существовало несколько государств от мрачной Дагонии на юге до мифической Фавнии на севере. Серия землетрясений заставила опуститься целые участки суши. Соленые воды Южного океана устремились в образовавшуюся гигантскую котловину. Новое море отделило Запад от Востока. Позже сейсмическая активность воздвигла естественную преграду на пути океанских вод — горный хребет, получивший столетия спустя наименование Дружистан.

В следующий период времени, продолжавшийся около восьми столетий, Запад представлял собой дикую местность, населенную разрозненными племенами, почти не помнящими своего славного прошлого. Кое-где в южных областях стали возникать очаги зачаточной цивилизации, корнями восходящей к традициям утонувшей Атлантиды. Надо сказать, что эти потомки переселенцев с погибшего континента почти ничего не имели общего с племенами дикарей, обитавших в горах на Севере, предки которых высадились на материке многими столетиями раньше и жили в полной изоляции от той культуры, что развивалась на их прародине. Исконные враги этого народа, жившие в своих лесах, получивших название Пиктской Пуши, за эти годы ничуть не изменились. К западу от внутреннего моря Вилайет древний народ, именовавший себя земри начал восхождение к вершинам цивилизации, а много южнее начало свое существование молодое воинственное государство

Ашур, созданное пришедшим с Востока ответвлением кочевого народа ашинов. На Севере постепенно зарождался новый народ — это были племена высоких, светловолосых людей. Их предки пришли в эти земли, спасаясь от многочисленных бедствий посткатастрофического мира, ведомые великим вождем по имени Бори, который после смерти был почитаем как бог-прародитель и олицетворение могучего ветра, дующего с обетованного Севера.

Зарождение новой цивилизации ознаменовало окончание Темных Веков, но развитие молодых народов было вскоре остановлено волной великого переселения восточного народа кхари, положившего начало новой вехе в истории запада материка.

Ахеронская эпоха

«Древний Ахерон с его пурпурными башнями давно стал полузабытой легендой. То была империя ужаса и черных магов, погрязших во зле. Ее разрушили хайборийские племена, пришедшие с запада...»

На Дальнем Востоке могучая Кхарийская империя, пережившая даже Великую Катастрофу, прекратила свое существование. Народ рабов, бывших далекими потомками лемурийцев, сбросил ярмо рабства, заставив своих бывших хозяев кхарийцев двинуться на Запад в поисках новой родины. Ведомые священниками, их правящей кастой, кхарийцы, миновали обширную степь, которую насеяли немногочисленные кочевые племена ашинов, и обогнули с юга море Вилайт, достигнув, наконец, земель Запада.

В землях, куда пришли кхари, уже существовала довольно развитая цивилизация, чьи корни уходили в очень далекие времена. Еще в эпоху Атлантиды, здесь существовало странное царство, унаследовавшее традиции древней Кхешии. История Кхешии, после ее разгрома армиями Семи Империй окутана многочисленными, порой жутковатыми и недостоверными легендами. Когда на земли Турии вернулся культ Змея, вернулись к власти и древние повелители Кхешии. Правящий клан страны представлял собой неоднородный по своему составу дочеловеческий народ. Возникновение этой расы было связано с разделением божественных Людей Гондваны на две враждующие ветви, когда Темные Валки в поисках запретной мудрости вступили в союз с более старым народом — наагами. Уже тогда нааги были стареющей, вырождающейся расой, но накопленные ими знания были невероятны. Кроме всего прочего они могли как угодно манипулировать живой материей, создавая противоестественные формы жизни. Союз был выгоден обеим сторонам: Валки получали доступ к научным достижениям Древних, змеелюди же преследовали свои цели. Тогда это была их первая попытка омолодить свой народ, за счет рождения новой, противоречащей законам природы, расы, что несла бы в себе кровь народа змей и кровь другой, более молодой расы. Именно немногочисленные потомки того древнего союза двух темных народов и были правителями Кхешии. После Великой Катастрофы на эти земли в поисках убежища пришли последователи змеиного культа из гибнущей Атлантиды. Атланты, отдав себя под покровительство полубожественных правителей страны, сме-

шались с местным населением, оказав также некоторое влияние на местные традиции.

Первым завоеванием кхарийцев был Кутхемес — восточный оплот древнего царства. Захват Кутхемеса послужил началом большой войны: орды кхарийцев схлестнулись с армией потомков кхешийцев и атлантов, ведомых их нечеловеческими владыками. История не сохранила имени этой странной расы, но по некоторым предположениям их самоназвание было созвучно с названием Ахерона, империи основанной позже кхарийцами. Легенды же именуют их Королями-Гигантами. По описанию они были созданиями, обликом схожими с человеком, но были очень высоки, имели алебастрово-белую, сияющую кожу и в большей или меньшей степени несли на себе печать родства со змеями. Силы двух враждующих сторон были неравны, кхарийцы одерживали победу за победой, захватывая всё новые твердыни древнего народа. Один за другим им покорились Луксур и Птейон, Сабатея, Эркулум и Карнак. Предчувствуя свое поражение, часть Королей-Гигантов пошла на предательство: в обмен на свое будущее положение в обществе при новом порядке они предложили кхарийцам помощь для скорого окончания войны. Вскоре завоевательный поход кхарийцев был завершен. На древних землях они основали государство, названное Стигией, по названию Стикса, которое было дано реке Нилус. Короли-Гиганты, принявшие сторону завоевателей, как и было обещано, получили высокое положение в иерархии нового королевства и были весьма почитаемы, как дети Великого Змея — нового бога кхарийцев.

Спустя долгие годы кхарийцы смешались с мест-

ным населением, народ Стигии состоял теперь из смуглых людей с разрезом глаз, в котором угадывалась примесь крови людей Востока. Высшее же сословие происходило от связи людей и Гигантов, от своих предков они унаследовали могучее телосложение и молочно-белую кожу. Сами же Древние постепенно уходили в небытие, ибо давно уже не обладали бессмертием своих легендарных прародителей.

Последующие столетия именуются в истории эпохой Ахерона. Завоевания кхарийцев продолжались, их армии двигались всё дальше и дальше на Север материка, где было основано королевство Ахерон, что привело к разделению народа на южную ветвь — стигийцев и северную — ахеронцев. Население Ахерона, как и у стигийцев, управлялось высшим жречеством, носителями древней крови, простой же люд постепенно смешивался с местным населением. Спустя века светлокожие ахеронцы уже довольно сильно отличались от смуглых стигийцев. Кроме того, строя новую империю, ахеронцы решили не следовать традициям древней Стигии с ее циклопической архитектурой. Другим был и язык Ахерона, в его основу лег сакральный язык древних Гигантов с примесью диалектов, на которых изъяснялось ассимилированное местное население.

Ахерон, просуществовав около тысячи лет, остался в памяти как империя ужаса. Теократы Ахерона остались в легендах, как жуткие черные жрецы-колдуны, под чьими жертвенными ножами тысячами гибли невинные люди. Постепенно Ахеронская империя расширяла свои границы, строя всё новые оплоты своей культуры — Пурпурнобашенный Пифон,

столица империи, Тартарус в устье реки Хорот, Пиррофлагалон, бывший религиозным центром, Карутона, Эйдоран и другие.

Начали так же возникать полунезависимые государства-сателлиты Ахерона. Замора, государство народа земри, Офир, Коринфия и гористый Коф. Могуущественный Ашур, напротив, прекратил свое существование, пав под натиском Стигии, лишь Эдом, одна из его восточных провинций, еще какое-то время сохранял формальную независимость.

Спустя примерно пять или шесть столетий после основания Тартаруса, первой заставы империи, ахеронцы впервые столкнулись с племенами светловолосых северных варваров, именовавших себя хайбори. Ахеронцы называли их на свой манер — гиперборейями. Завоевав северную страну, кхарийцы основали здесь свое третье королевство, названное в поздних хрониках Старшей Гипербореей. Часть местного населения была порабощена, остальные же были вынуждены двинуться в ледяные пустоши, ища спасения от жестоких захватчиков. Но именно попытка завоевания северных варваров послужила причиной гибели кхарийских империй столетия спустя. Загнанные в заснеженные земли, что позже будут зваться Нордхеймом, хайбори-сумели выжить. Климат еще более жесткий, чем в их стране и постоянные стычки с населявшими эти края обезьяноподобными дикарями превратили их в нацию суровых воинов, чья численность и военная мощь постепенно нарастала...

Хайборийская эра

«Между тем роковым днем и временем возвышения сынов Ария, существовала эпоха, которую едва сможет представить себе самое смелое воображение. Великолепные королевства раскинулись на земле точно голубое сияние между звезд: Немедия и Офир, Бритуния и Гиперборей, Замора, славная темноволосыми жемчужинами и башнями, обвитыми паутиной, и Зингара, исполненная рыцарского духа. Но превыше прочих было известно королевство Аквилония, жемчужина Запада...»

В то время как Запад материка на целое тысячелетие попал под власть кхарийских завоевателей, в остальных землях происходили перемены. К югу от Стигии, где испокон веков проживали племена чернокожих людей, стали появляться зачатки цивилизации — одним из первых таких островков был город Зембабве. Далеко на Востоке потомки лемурийцев из руин прежней империи Кхари строили свое государство — Кхитай. Иные же из них двинулись в западную степь, где, смешавшись с племенами ашинов, дали начало кочевому народу гирканцев. К югу от Кхитая, за высоким горным хребтом, находилось древнее, сильно ослабевшее государство, которое населял низкорослый, темнокожий народ. Это государство было завоевано пришедшими с севера воинственными племенами кшатриев, основавших в этой стране царство Вендия.

Спустя примерно восемь столетий от основания Ахерона, кхарийцы столкнулись с проблемой северных варваров-хайборийцев, которых они некогда вытеснили с исконных земель. Вначале варвары не

слишком беспокоили границы двух северных кхарийских держав, совершая лишь быстрые набеги, но со временем сила молодых племен возрастала. Первой под натиском варваров пала Гиперборея Кхарийская, чему в немалой степени способствовали многочисленные восстания покоренного местного населения, родственного хайборийцам. Гиперборея стала первым государством новой эпохи.

Орды хайборийцев продолжали свое неуклонное продвижение на юг, одерживая победу за победой, закреплялись на покоренных землях. Спустя несколько десятилетий под их натиском пала столица Ахеронской империи — Багряный Пифон. Варвары камня на камне не оставили от великого города, средоточия власти ненавистных ахеронцев. Уцелевшие пифонцы бежали на Юг, ища покровительства у стигийских союзников. А на захваченных землях обосновалось хайборийское племя немедийцев.

Дни Ахерона были сочтены. Еще какую-то пару столетий кхарийцы пытались сохранить осколки своей империи, но ее гибель была предрешена. Одно за другим сбрасывали кхарийское иго королевства Коф, Офир и Коринфия, правда, лишь затем, чтобы сменить одного хозяина на другого — хайборийцев, десятилетиями неустанно распространявшихся по Западу материка.

Наконец Ахерон пал, а северная граница Стигии была оттеснена за реку Стикс. Рабы, потомки ашурцев, оставленные стигийцами при поспешном бегстве на юг получили свободу и стали вести кочевой образ жизни. Они именовали себя сыновьями Шема или шемитами. А на восточных землях, Замора, освобо-

дившись от ахеронских владык, развивала свою, чуждую хайборийской культуру.

Следующие столетия — период стремительного развития хайборийских народов. Наряду с Немедией и Гипербореей, а также бывшими ахеронскими протекторатами возникали и другие королевства. Теперь обширные земли от заснеженного Севера до реки Стикс и от Пиктской Пуши до степей к западу от Вилайета именовались Хайборией. Захватив плодородную долину Зиннг на юго-западе Хайбории и смешавшись с местным пикто-шемитским населением, хайборийцы основали там королевство Зингара. Далее к востоку были образованы государства Аргос и Пуантен. Местные жители подобно зингарцам отличались от других хайборийцев темными волосами и более смуглой кожей — следствие смешения с шемитами и теми же зингарцами. Такими же непохожими на другие хайборийские народы, как внешне, так и в культурном отношении, были кофиты. Здесь вообще были довольно сильны древние кхарийские традиции.

Одним из самых значительных событий в истории Хайбории было основание Аквилонского королевства, от которого принято летоисчисление Хайборийской эпохи. Проживавшие к востоку от Пиктской Пуши народы тауранцев, аквилонцев, гандеров и боссонцев объединились в единое государство. Легендарным его основателем считают Эпимитреуса, проповедника митраизма, вдохновившего королей Алькоя и Олайета на объединение народов. Новая религия, почитающая солнечное божество Митру пришла откуда-то с Востока и вскоре охватила всю Хайборию. Митраизм и сопутствующие ей культы других божеств митриан-

ского пантеона быстро вытеснила культ Северного Ветра, который существовал среди хайборийцев. В память о последнем осталось лишь название народа аквилонцев да само слово «хайборийцы». Митраизм стал основной религией всех хайборийских государств, исключение составили разве что самые древние из них: Коф и Гиперборея. В Кофе продолжали поклоняться кхарийским и шемитским божествам. Гиперборея же, самое первое хайборийское государство, долгое время находилась в изоляции от других хайборийских народов, вследствие географического положения. По форме правления Гиперборея была теократией, где во главе государства всегда стояли женщины, почитаемые за воплощение смерти, что естественно не могло не наложить свой отпечаток на образ жизни и мыслей гиперборейцев. Кроме того, их культура испытала некоторое влияние традиций нордхеймцев — молодой нации, с которой прежде приходилось сталкиваться хайборийским варварам.

Примерно через семьсот лет после основания Аквилонии, произошло эпохальное событие в жизни гирканских племен. Вернувшийся из паломничества в заснеженную Патению гирканский мистик Тарим объявил себя пророком огненного божества Эрлика и, воодушевив многие племена, двинул их в священный поход на народы Юга. Достигнув южной оконечности моря Вилайет, гирканцы напали на Иранистан, история которого восходила к временам Ашура. Оттеснив границы Иранистана на Юг, за Дружистанские горы, гирканцы основали свое государство — Туран, по названию местности, где тысячи лет назад существовала допотопная Турания. Туранцы не были единой, одно-

родной нацией. Высшим сословием были гирканцы, простонародье происходило из иранистанских племен. Впоследствии Туран превратился в могучую державу, захватив весьма обширные территории.

Посмотрим теперь на карту Гирканского материка — так он теперь именуется — спустя еще пять столетий. Это времена расцвета хайборийской цивилизации. Материк условно делился на три части. Земли, что простирались от северных областей вплоть до реки Стикс и от западного побережья до моря Вилайет, именовались Хайборией. Огромная страна, что располагалась к югу от Стигии, омывалась водами Закатного и Южного океанов и Вендийским морем на Востоке. Эти земли назывались Черным континентом или Черными Королевствами, по цвету кожи населявших их народов. Наконец самая обширная часть — Гиркания, в честь которой материк и получил свое наименование, лежала на Востоке, за морем Вилайет.

Крупнейшим государством Хайбории была Аквилония, включавшая Гандерланд, Боссон, Тауран и Пуантен. Западнее Аквилонии, отделив ее от океана, широкой полосой пролегла Пиктская Пуща, населенная дикими племенами. К востоку от Аквилонии располагалась воинственная Немедия, оспаривавшая у Аквилонии право именоваться самой могущественной хайборийской державой. Если Аквилония являлась религиозным центром Хайбории, то Немедия славилась своими учеными. На юге Немедия граничила с богатым Офиром, на востоке с Бритунией, жителей которой остальные хайборийцы считали чуть ли не варварами. К юго-востоку от Немедии лежали земли Коринфии. Формально единое королевство, Ко-

ринфия на деле являла собой множество отдельных городов-государств, управляемых сенаторами. Неудивительно, что со временем слабая Коринфия получила статус Немедийского протектората.

Юг Хайбории, с запада на восток, занимали Зингара и Аргос — морские державы-соперницы, а также укрывшийся за горами древний Коф с небольшими государствами-сателлитами Хорайей и Хаураном. Южнее Кофа находилась страна Шем. На самом деле Шем представлял собой разобщенные мелкие государства, лишь изредка объединявшиеся в единое целое. Несмотря на то, что географически Шем считался частью Хайбории, населявший его народ шемитов хайборийским не являлся.

Север Хайбории представлял собой менее цивилизованные области. Так называемое Пограничное королевство, граничившее на юге с Немедией, было населено в основном переселенцами из той же Немедии, а также Бритунии и Аквилонии. Еще дальше на север, за Граскаальским хребтом, располагалась Гиперборея — первое государство хайборийцев. О гипербореях шла дурная слава, чему способствовал процветавший среди них культ смерти. С запада Гиперборея граничила с населенным варварскими племенами Нордхеймом. Горный хребет делил Нордхейм на восточный Асгард и западный Ванахейм. Между землями Нордхейма и Аквилонии лежала горная страна Киммерия. Далекие потомки атлантов — киммерийцы делились на многочисленные кланы и вели варварский образ жизни.

Между Карпашскими горами, отмечавшими восточную границу Коринфии, и Кезанкийским хребтом

находилось государство Замора, чья культура не имела ничего общего с хайборийской, а имела свои, более древние корни, испытав впрочем, значительное влияние Турана.

Туран занимал обширные земли, находившиеся восточнее хайборийских держав, вплоть до западного побережья моря Вилайет. Южнее Туранской империи располагался Иранистан, южной границей которого являлось Вендийское море.

За рекой Стикс, ограничивавшей Хайборию с юга, лежала мрачная Стигия — оплот религии Сета. Это была страна-преемница некогда могучей империи кхарийцев, страна древних пирамид и наполненных ужасом легенд. Далее, за Стигией, начинался Черный континент. Самым известным среди хайборийцев Черным королевством являлся Куш, имевший выход к морю, а, следовательно, и к водным торговым путям. Нередко, словом Куш обозначали все Черные Королевства вместе взятые. Восточнее Куша простирались населенные канибальскими племенами джунгли Дарфара, а также государства Кешан и Пунт. К югу от этих двух стран находилось обширное королевство Зембабве, граничащее с землями Иранистана на северо-востоке.

Огромные пространства Черного континента были покрыты тропическими лесами, чередовавшимися с саваннами и пустынями. Все эти земли были заселены дикими чернокожими племенами, не знавшими цивилизации, хотя существовали легенды о сокрытых в джунглях древних городах или о полумифическом царстве Томбалку. Западное побережье было более цивилизованным. Так далеко на юге располагалось

государство Атлайя, о котором было практически ничего не известно, а также матриархальное государство со столицей в Гамбуру. Хайборийцы дали этому королевству имя Амазон.

Теперь обратим внимание на земли, что лежали к востоку от внутреннего моря Вилайет. От самого побережья до Западных отрогов Гор Ночи лежала обширная страна Гиркания или же Гирканская степь, как ее еще называли. Степь населяли многочисленные племена, что вели кочевой образ жизни. Там где проходили торговые пути, соединявшие страны Запада с Востоком, гирканцы строили города и даже объединялись в государства. Так на самом юге существовал независимый Нехрем, а также разбойничье государство Ап. Где-то в широкой степи находилась Кангха, славная своими крепостями, а на Севере, укрытая от ледяных ветров Рипейскими горами, лежала Сакалиба, Страна Городов. Заснеженная область к северу от Гиркании носила название Патения. Вопреки расхожему мнению ледяные пустоши не были безлюдны. Население этих земель именовали иногда снежными гирканцами. Побережье Северного моря населяли поморы ветланы.

На территории Гиркании существовали также государства основанные народами негирканского происхождения. Так на берегу моря Вилайет располагалась страна Хаббата и родственное ей крошечное государство Хот. Люди, населявшие эти страны, происходили от вендийских переселенцев. Далее к востоку от Хаббаты лежало засушливое плоскогорье Арим, где существовали государства Дамаст и Селанда, получившие свои имена по названию своих главных городов.

К югу от Гирканской степи, за Химелийским хребтом, на обширном полуострове располагалась сказочная Вендия. К западу от Вендии находилась Косала, на востоке — государство Утгара-Куру, а на севере, за горами, Пандра. Эти три небольших государства испытывали сильное влияние Вендийской культуры, но все же сохраняли свою независимость. В Химелийских горах существовала область под названием Гулистан, населенная полудикими горскими племенами. Севернее Гулистана, там, где Химелийский хребет встречался с Талакмийскими горами, находилась долина, именуемая Чашей Богов. В долине, на берегах озера Сумеру Тсо, высились семь священных городов загадочного государства Меру.

Где-то в Химелии, к северу от Пандры и восточнее Нехрема, в небольшой цветущей долине располагалась Агадея. Владыки этой горной страны привлекали к себе на службу лучших ученых со всего света, которых похоже, не пугал тот факт, что государственной религией Агадеи был культ темного бога Нергала.

На восход от Гиркании с севера на юг тянулись Горы Ночи, за ними лежал легендарный Кхитай, Поднебесная империя. Кхитай занимал обширные пространства, включая в себя множество полунезависимых провинций. Существовал также ряд государств с культурой, похожей на кхитайскую, но не входивших в империю вследствие своего географического положения: Кусан на западе, Джайя и Паган на востоке и Камбуя на юге. С востока Кхитай омывался водами Восточного океана. Отчеты путешественников гласили о существовании в океане островной империи, именуемой иногда Нихон-но или Джапун, жители ко-

торой внешне походили на кхитайцев, однако имели собственную, не похожую ни на какую другую, культуру. Влияние Джапунских традиций чувствовалось в культуре восточного Кхитая, прежде всего в Пагане.

Таков был мир во времена расцвета Хайборийской цивилизации, во времена, когда на престол Аквилонии, величайшей из держав Хайбории, взошел легендарный Конан Канак.

Комментарии

Древняя Ночь

«В те дни, на Заре Времен...» — цитата из романа А. Сайдента «Змеинное Королевство»

Ктулху — категория древних божеств Хаоса, часто упоминаемая в произведениях последователей Р. Говарда, работающих над циклом о короле Кулле. Название образовано от имени Великого Ктулху, одного из центральных персонажей искусственной мифологии, созданной Г. Лавкрафтом и его соратниками. Упоминания о Великих Древних в произведениях, посвященных придуманному Говардом миру, отнюдь не случайны. Лавкрафт оказал очень большое влияние на творчество «отца Конана», многие произведения Говарда однозначно причисляются к циклу «Миф Ктулху», а в хайборийских рассказах можно найти некоторые ссылки на Великих Древних. В новелле «Королева Черного Побережья» описывается покинутый храм, посвященный Древним, а Старым Богам Говард дает имена, созвучные с именами Существ, описанных Лавкрафтом: Jhebbal Sag, Khosatral Khel (ср. Yog-

Sothoth, Shub-Niggurath). Традицию продолжили и Спрэг де Камп с Лином Картером, упомянув Цатоггуа — еще одного из Древних и введя в один из романов божество, как именем, так и описанием напоминающее персонажей Лавкрафта — Ксотли (Xotli). Ксот (Xoth) — умирающая звезда, с которой явилась на Землю одна из ветвей расы Древних. А вот цитата из романа «Конан Бесстрашный» Дж. Мэддокса Роберта: «Имена наших богов трудно передать человеческим языком. Мы их называем Древнейшие. У них, у каждого, есть свое персональное имя, например: Родившийся От Мертвой Звезды, Несущий Гибель и другие. Стигийцы, те носятся со своим Сетом, крича на каждом углу, что древнее его богов нет. А ведь этот их старый змей Сет просто молокосос по сравнению с Древнейшими.»

Следует так же отметить, что Турийская и Хайборийская эпохи включены в официальный Cthulhu Mythos Timeline.

Эпоха Наагов

«И была любимая Тьмой раса...» — цитата из романа Д. Фроста «Храм Ночи»

«В борьбе со змеями люди избрали...» — цитата из рассказа Р. Говарда «Мечи Кровавого Королевства»

Нааги — имя, данное змеелюдям в произведениях некоторых последователей Говарда. Образовано от «нагов» — змееподобных существ из индуистской мифологии.

Ииг — один из второстепенных богов мифа Ктулху, создатель расы змеелюдей. Отождествляется с такими персонажами «реальной» мифологии как Кецалько-

атль и Кукулан, а так же с Говардовским Сетом (у Говарда Сет не является полной аналогией одноименного египетского бога). Имя Йига упомянуто в рассказе «Алая Луна Зембабве», наряду с Темным Ханом и Змеебородым Биатисом (божества, придуманные последователями Лавкрафта). В свою очередь у Лавкрафта можно несколько раз увидеть упоминания о змеелюдах Валузии. Лучшее описание змеелюдей описана в эссе Ш. Аппель «Дети Йига», основанное на работах Р. Говарда, К. Э. Смита, Г. Лавкрафта и других. Вкратце она такова: после падения Древней Валузии 190 миллионов лет назад, змеелюди уходят под землю, в пещеры Йота. Там их цивилизация продолжает развитие до тех пор, пока змеелюди не принимают культ Цатогуа, бога-жабы, за что проклятье Йига обрекает их на инволюцию. Группа уцелевших бежит на новообразовавшуюся землю Гиперборей (о ней чуть позже). Там они продолжают подземное существование, но около миллиона лет назад эта культура гибнет. Затем змеелюди пытаются обосноваться на континенте Лемурия (из «Сказаний о Тонгоре» Л. Картера), но их королевство побеждено молодой расой людей (в моем варианте истории те лемурийцы не являются представителями современного человечества, но об этом еще будет сказано). Наконец, они приходят в земли Турийского материка, где создают Вторую Валузию. Дальнейшая их история всем хорошо известна.

Эпоха Гондваны

В качестве эпиграфа использована немного измененная цитата из романа Дж. Мэддокса Робертса «Колосс Бесстрашный»

Гондвана — суперконтинент, существовавший в конце палеозоя и начале мезозоя в Южном полушарии. Название образовано от племени гондов и района Вана в Индии. В фантастической традиции время существования Гондваны часто переносится в более поздний период времени. Упоминание об этом континенте встречается в посвященном королю Кулу рассказе У. Гордона «Черный Город». Я склонен отождествлять Гондвану с Древним Му, где происходят события некоторых рассказов предшественников Говарда.

Книга Склоса — загадочный фолиант, придуманный Говардом для его хайборийских рассказов, по-видимому, являющийся неким аналогом Некрономикона у Лавкрафта.

Валки — одна из рас, упомянутых в рассказе Говарда «Проклятье Золотого Черепа», а также (в единственном числе) имя главного бога Турийской эры. Из этого последовало мое предположение о том, что до человека в мире Хайбории существовала некая раса, позже почитавшаяся за богов (идея, кстати, не нова, такие расы можно встретить в мифах многих народов мира). Предположение основано также на многочисленных упоминаниях о времени «когда боги ходили по земле» и легенде о Гондване, приведенной у Гордона, где фигурируют люди, на равных сражающиеся с демонами (Вершителями Зла). Так же позволю себе процитировать змеечеловека Кахху: «...боги, пришедшие со звезд в наш мир, поддерживали вас, ибо эти проклятые существа, которых вы зовете Богами Света, обличьем были схожи с людьми». Когда эта глава уже была написана в черновом варианте, перечитывая то-

ма «Саги», я встретил упоминание об империи Валков у Робертса, что только подтвердило мои предположения.

Короли-Гиганты — упоминаются в рассказе Р. Говарда «Бог из Чаши», как правители дочеловеческой Стигии. Идея получила развитие в работах Д. Е. Риппке, где высказывается теория о происхождении правящей касты у кхарийцев. Основываясь на фактах, разбросанных в произведениях Говарда, Риппке знакомит нас с обликом знатного ахеронца: высокий рост, очень белая кожа и нечто неудовимо-змеиное во внешности. Следовательно, высшее сословие являлось гибридными детьми кхарийцев и тех самых правителей древней Стигии, получивших божественный статус при кхарийских порядках. Я, как и многие, всегда считал, что, говоря о нечеловеческой расе Стигии, Говард имел в виду змеелюдей, однако гипотеза Риппке меня сильно заинтересовала. Намеки на предчеловеческую расу Гигантов и их потомков встречаются также в рассказах «Черный Колосс» (вспомните описание Тугра Хотана) и «В Зале Мертвецов» (сидящие на тронах фигуры). Можно упомянуть также и Аримаспов, фигурирующих в романе Р. Шеппарда «Зло Валузии» и Великанов Нордхейма. Итак, основываясь на факте существования двух рас — Богов-Валков и Королей-Гигантов, я предполагаю, что некогда они были единым народом, разделившимся на «благую» и «злую» ветви, вражда которых уничтожила дочеловеческий мир (отголосок тех событий можно также увидеть в легенде о гибели Гондваны у Гордона). Откуда у потомков Гигантов тогда взялись змеиные гены? Снова на помощь приходит эссе «Дети Йига»,

где говорится, что сведущие в генетике змеелюди предпринимали попытку создать расу господ, несущих в своих жилах кровь их вырождающегося народа. Если они использовали в качестве материала людей (вспомните змееногих, полулюдей-полузмей, упомянутых у О. Локнита), то Падшие Валки также могли быть их жертвами.

Гиперборейский Человек — раса, создавшая цивилизацию Древней Гипербореи, описанной у К. Э. Смита и его соратников. У Лавкрафта Гиперборея именуется землей Ломар. По другим сведениям (произведения К. Смита и А. Картера) в Древней Гиперборее проживали змеелюди (короли-драконы) под землей и обезьяноподобные Вурмисы на поверхности. Период существования той земли (которую, кстати, неправильно было бы называть Гиперборей в контексте истории Хайбории) — миллион лет назад. Поэтому я склоняюсь к тому, чтобы рассматривать Ното Hyperboreans как обезьянолюдей. В историю Хайбории этот фрагмент включен из-за упоминания королей-драконов Гипербореи у Р. Шеппарда (взяты из «Лемурии» А. Картера), а также упоминаний о полярных обезьянах Нордхейма.

Холод Итакуа — согласно мифологии Ктулху, Гиперборейская цивилизация (будь то змеелюди или прачеловек) погибла из-за Великого Оледенения. Его причиной был Итакуа, один из младших Великих Древних.

Ротат Лемурийский — персонаж рассказа Р. Говарда «Проклятье Золотого Черепа» (цикл о короле Кулле)

Заря Человечества

В качестве эпиграфа использована часто встречающаяся в произведениях О. Локнита фраза, намекающая на мир Средиземья Дж. Р. Р. Толкина, предшествовавший временам Атлантиды. Можно не соглашаться с гипотезой Локнита, однако Средиземье (пусть и не в той форме, что у Толкина) вполне вписывается в историю Хайбории как связующая эпоха между Временем Богов и Временем Людей. К тому же Локнит в своих текстах говорит об этой эпохе в виде намеков, оставляя читателю право не принимать его версию. Так же вполне логично, что легенды о тех временах остались лишь у «кельтских» народов, таких как темрийцы. Именно они являются потомками кельтов-гойделов Турийской эпохи, которые, в свою очередь, являлись коренным населением этих земель. Турийцы же, пришедшие с Востока, принесли с собой свою культуру и мифологию, восходящую к традициям Му и Лемурии, бывших в изоляции от «Средиземья».

«...Валков, коих они читали в своих преданиях под несколько иным именем...» — еще один факт в пользу гипотезы Средиземья, основанный, правда, на совпадении. Главным божеством Турии был Валка, олицетворение дочеловеческой божественной расы, как мы уже выяснили. Люди Средиземья богами считали тех, кого Толкин зовет Валар или же Вала.

Лемурийский материк — Лемурию А. Картера и Хайборию Р. Говарда по многим причинам часто помещают в единый литературный континуум. У Картера также человеку предшествовали змеелюди, а отрывок из «видения будущего» Тонгора приведен в качестве легенды об Атлантиде в романе «Конан Острови-

тинин». У самого Говарда, кстати, тоже упоминается Лемурийский континент (не острова) в рассказе о Бране Мак-Морне «Народ Тени», но лемурийцы (вероятно те, что предшествовали лемурийцам времен Кулла) описаны получеловеческим народом. Такими же полулюдьми являются древние лемуры у Д. Брайана. Отсюда мое утверждение, что Лемурийский цикл Картера — не более чем поздняя, сильно искаженная легенда. К тому же Картер, писатель склонный к подражательству, использовал в своей «Лемурии» как «древние» так и взятые из Хайбории названия.

«...одно из легендарных племен лемуриков носило имя древних Валков...» — Тонгор происходил из народа Валкаров.

«...известен как эпоха Заилма Нуминоса...» — в уже упомянутой легенде об Атлантиде, в полной ее версии, говорится о Первой Атлантиде Нуминоса. По времени вполне совпадает с Нуменором у Толкина.

Вторая Империя Валузии — согласно исследованиям Ш. Аппель, существовало две Валузии — Древняя в палеозое и Новая на заре Турийской эпохи.

Битва при Иокундиакке — легенда, приведенная в романе К. Гранта и Н. О'Найт «Время Жалющих Стрел»

Турийская эра

В качестве эпиграфа использована цитата из эссе Р. Говарда «Хайборийская эра» Материалом для написания этой главы послужили произведения Р. Говарда и его последователей, посвященные Кулла-атланту. Единственное, что требует объяснений — использованные названия Коммориум и Му Тулан.

Коммориум — область на карте Древней Гипербо-

реи. По-видимому, от нее Говардом образовано название Коммория.

Му Тулан — прежде всего надо отметить допущенную продолжателями Говарда ошибку. На карте Турийской эпохи они помещают горы Му, неправильно истолковав фразу Говарда: «...когда Атлантида и горы Му были лишь островами в море», где, несомненно, имелся в виду материк Му. Правда на карте той же Гипербореи есть северная область, именуемая Mhu Thulan, название которой вполне могло остаться в мифах лемурийцев, а затем и турийцев.

Эпоха Атлантиды

Для реконструкции эпохи Атлантиды была использована уже упомянутая легенда из романа «Конан Островитянин», а так же сведения, почерпнутые из романов Р. Шепарда «Зло Валузии» и К. Леннарда «Источник Судеб».

Каа-Язот — правитель времен заката Валузии, упоминаемый в романе «Конан Островитянин».

Калениус — король древности, объединивший Валузию, Верулию и Фарсун в единую империю. Упомянут в романе К. Вагнера «Дорога Королей».

Цеенор Зера — змеечеловек, последний правитель Валузии. Дж. Брейген «Клеймо Змея».

Катаклизм и Темные Века

Фир Болз — племена, упомянутые как враги гойделов в цикле о Кулле, а так же первоначальное население острова Инис Фалль из романа К. Леннарда «Источник Судеб». По имени племен из ирландской мифологии.

Кол Эрикс и Сем Итх — именно в такой форме в «Источнике Судеб» даны имена предводителей пиктов. Пиктам времен Конана они были известны как Кульрикс и Семитха.

«...утверждавшие, что их предки пришли из Атцлана» — Так, согласно Р. Шеппарду, именовали Атлантиду жители Закатного материка. Название образовано от Астлана, острова посреди большого озера, легендарной прародины ацтеков.

Толтеки — согласно рассказу Р. Говарда «Народ тени», толтеки были потомками части лемурийцев, спасшихся после Великой Катастрофы на Закатном материке.

Дагония, Фавния — у М. Мэнсона говорится, что до образования моря Вилайет, те земли именовались Вал Йета или Вила Йетана. В рассказе Р. Говарда «Железный Демон» сказано, что на юге этой земли существовало государство Дагония. Фавния — страна сатиров, полулюдей-полукозлов, упоминаемая у Р. Шеппарда. Фавния управлялась змеелюдьми, что позволяет рассматривать сатиров (упоминаемых, кстати, и у Картера с де Кампом) как генетический эксперимент змеелюдей. Возможно также, что они являются потомками афридов (фигурируют в произведениях о Кулле), расы Древнего Бога (имеющего и женскую ипостась) Шуб-Ниггурат.

Ахеронская эпоха

«Древний Ахерон с его пурпурными башнями...» — цитата из романа Р. Говарда «Час Дракона».

«... на эти земли пришли последователи змеиного культа из Атлантиды» — факт почерпнутый из романа Р.

Шеппарда «Зло Валузии», судя по всему основанный на «атлантической» гипотезе о связи древних цивилизаций майя и египтян.

«...самоназвание было созвучно с названием Ахерона...» — по некоторым предположениям Гиганты называли себя ахурами. В действительности, между словом «Ахерон» (река преисподней из греческой мифологии) и ахурами, нет никакой связи. Ахуры — божественные существа из индоиранской мифологии, и, что интересно, у иранцев это боги (их противники именуются дэвами), а в индуизме асуры, напротив, противники богов-дева.

«Высшее сословие происходило от связи людей и Гигантов...» — по уже упоминавшейся гипотезе Д. Рипке, белокожее жречество кхарийцев происходило от Королей-Гигантов. Если рассматривать Гигантов, как Падших Ангелов, то в их гибридных детях можно увидеть намек на библейских Нефилим.

«...сакральный язык Гигантов» — моя попытка объяснить различие в языках и культуре южной и северной ветвей кхарийцев. Стигийцы унаследовали «египетскую» культуру Кхешии, ахеронцы же говорили на языке, похожем на греческий. Это видно из названий их городов (Пифон, Тартарус, Пиррофлагалон) и государств (Ахерон, Гиперборея), а также имен (отца Ксальтотуна звали Иксион, согласно Шону Муру). Исключением является имя самого Ксальтотуна, имеющее «древний» корень *ксаль* (Ксаль — имя бога-обезьяны материка Му у Говарда. Вспомните также такие названия, как *Ксанур*, *Ксуталь*, *Ксухотль*), однако по О. Локниту это вовсе не имя, а «профессия».

Хайборийская эра

Основные сведения взяты из «Хайборийской Эры» Р. Говарда, а также работ его последователей (особенно это касается Востока). Ничего нового мной не добавлено. Единственно, можно коснуться вопроса хронологии. Если сложить цифры, данные в эссе Говарда, то получится, что от погружения Атлантиды до времен Конана прошло около трех с половиной, максимум четыре тысячелетия. Эти цифры я и взял за основу, как самые правильные, ибо «пятнадцать тысячелетий» или «восемь тысяч лет», встречающиеся у Картера и де Кампа, выглядят недостоверно, я расцениваю такие цифры как «очень давно». Путаницу так же создает Ахеронская эпоха, введенная Говардом уже после написания «Хайборийской Эры». Три тысячи лет от разрушения Пифона, столь часто упоминаемые последователями Говарда, подхвачены со слов Ораста из «Часа Дракона». Однако, зная его биографию из «Скрижали Изгоев», можно вспомнить, что его привлекали совсем иные знания, а вовсе не история. К тому же весьма сомнительно, что хайборийские государства (возникшие, кстати сказать, не с нуля, а на руинах развитой культуры Ахерона) за целых три тысячелетия остались на уровне средневековья. Около 1500 лет, принятые современными авторами, выглядят куда достовернее.

*Игорь Бабицкий
Рига (Латвия), 2003*

СОДЕРЖАНИЕ

РАБ ТАЛИСМАНА

Ник Орли

Раб талисмана.....	7
Королевское время.....	79

ТЕНИ АХЕРОНА

Олаф Бьорн Локнит, Керк Монро

Предварение.....	133
Глава первая.....	137
Глава вторая.....	166
Глава третья.....	198
Глава четвертая.....	230
Глава пятая.....	266
Глава шестая.....	299
Заключение.....	334

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>И. Бабицкий. Хайборийский мир:</i> Миф, легенда, история.....	349

Литературно-художественное издание

**Локнит Олаф,
Монро Керк, Орли Ник
КОНАН
И РАБ ТАЛИСМАНА**

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*

Составитель: *Наталья Баулина.*

Художественный редактор: *Игорь Богданов.*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский.*

Обложка: *Владимир Саватеев*

Верстка: *Ирина Федорова.*

Технический редактор: *Валентин Успенский.*

Корректор: *Светлана Митина.*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
conan@sp.ru

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

**Книги издательской группы АСТ вы можете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким
издательским ценам в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Фокельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Лугоная, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САУГА ГУМАНА 64	КОНАН И ЛЮДЬ ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ АРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКЛЮЧЕН АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЛ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗВЕНАРА 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАННИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУАОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВАЛДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫН 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЯ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90
КОНАН И КЛЯТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕТР МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ 94	КОНАН И ГРЯСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАЯНЫ ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАЛИСМАНА 97		

ISBN 5-17-022368-4

9 785170 223688